

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2021. Том 7. № 1 (25)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Н. Н. Белозёрова, д. филол. н., проф.

Заместители главного редактора:

Н. В. Дрожжащих, д. ф. н., проф.; *Е. Н. Эртнер*, д. ф. н., проф.; *А. Г. Еманов*, д. и. н., проф.

Контактная информация:

Главный редактор Белозёрова Н. Н.:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Республики, 9, каб. 208
natnicbel@gmail.com
☎ (3452) 46-14-20

Объединенная редакция научных журналов
«Вестник ТюмГУ»:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Республики, 9, каб. 100
vestnik-humanities-r@utmn.ru
☎ (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель, издатель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Гуманитарные исследования. Humanitates, 2021
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белозёрова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, главный редактор
Бобкова Марина Станиславовна	доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН
Викторова Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, доцент (HDR) Страсбургского государственного университета
Вирдис Даниела Франческа	Ph.D., профессор, Университет Кальяри (Италия)
Гартон Сью	Ph.D., профессор, Университет Астон (Англия)
Данилевский Игорь Николаевич	доктор исторических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики»
Дрожжих Наталья Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Еманов Александр Георгиевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна	доктор исторических наук, доцент, Институт истории и археологии УрО РАН
Казански Мишель	доктор археологии, профессор, Национальный центр научных исследований (Франция)
Кинг Рональд	Ph.D., профессор, Государственный университет Сан-Диего (США)
Кондратьев Сергей Витальевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Крестьянников Евгений Адольфович	доктор исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Лабунец Наталья Вадимовна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Марию Пьер	доктор лингвистики, профессор Университета Тулузы им. Жана Жореса (Франция)
Матвеева Наталья Петровна	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Пашин Сергей Станиславович	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Рогачёва Наталья Александровна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Хомутова Тамара Николаевна	доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет
Чжу Юйфу	профессор русского языка, Цюйфуский государственный педагогический университет (КНР)
Эртнер Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Данилина Галина Ивановна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет — ответственный секретарь

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

HUMANITIES RESEARCH. HUMANITATES

2021. Vol. 7. No. 1 (25)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72166 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60411 on 29 December 2014) by RF Press Committee

---

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

---

EDITOR-IN-CHIEF:

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.; *E. N. Ertner*, Dr. Sci. (Philol.), Prof.;

A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

EDITORIAL BOARD

M. S. Bobkova, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
T. V. Viktorova, Dr. Sci. (Philol.), HDR (France)
D. F. Viridis, Ph.D., Prof. (Italy)
S. Garton, Ph.D., Prof. (UK)
I. N. Danilevsky, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
E. Yu. Kazakova-Apkarimova, Dr. Sci. (Hist.),
Assoc. Prof.
M. Kazanski, Dr. of Arch., Prof. (France)
R. King, Ph.D., Prof. (USA)
S. V. Kondratiev, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
E. A. Krestyannikov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.
N. V. Labunets, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
P. Marillaud, Dr. of Ling., HDR (France)
N. P. Matveyeva, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
S. S. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
N. A. Rogacheva, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
T. N. Khomutova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
Zhu Yufu, Prof. (China)
Ye. N. Ertner, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
G. I. Danilina, Dr. Sci. (Philol.), Prof. — executive
secretary

Contact information:

Editor-in-chief Natalia Belozero:
of. 208, 9 Respubliki St., Tyumen, 625003, Russia
natnicbel@gmail.com
☎ +7 (3452) 46-14-20

*Published by the Joint editorial team of research
journals "Tyumen State University Herald":*
of. 100, 9 Respubliki St., Tyumen, 625003, Russia
vestnik-humanities-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32

Subscription to the printed edition of the journal:
No. IIA252 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges

For article submission or any requests contact:
vestnik-humanities-r@utmn.ru
<http://vestnik.utmn.ru>

E-version of the journal can be accessed at:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Founded and published by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., 625003, Tyumen, Russia

© Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitates, 2021
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лыкова Н. Н.

**Выражение цели в старофранцузских
правовых документах.....6**

Григоришин С. В.,
Новокрепченых Е. В.

**Кодекс В 19^А: стадии легитимации
древнейшего экземпляра
масоретской Библии 20**

Дрожацих Н. В., Башмакова А. Ю.

**Учебный мультимодальный словарь
историко-культурологического типа
в преподавании иностранного языка ... 43**

Гэвин П. И., Пономарёва О. Б.

**Лингвокогнитивный аспект
экфрастических референций
в художественном тексте
(на материале произведений
Д. Рубиной и М. Этвуд).....62**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кислова Л. С., Ветошкина М. А.

**Телесериал как социальный проект
в современном массовом дискурсе:
национальная специфика.....80**

Маршания К. М., Ушакова О. М.

**Литературная фелинофилия
и анималистические ракурсы
модерна (Т. Готье, Дж. Джойс,
Т. С. Элиот).....106**

Белавина Е. М.

**Трансформации мотивов лирики
М. Деборд-Вальмор в творчестве
Марины Цветаевой.....128**

ИСТОРИЯ

Еманов А. Г., Евстюнин В. А.

**Франческо Датини в эпистолярной
рефлексии 144**

Рэйди Д., Шарп Ч., Брунова Е. Г.

**Дальше ни шагу:
сражение за Наро-Фоминск
20-31 октября и 1-3 декабря 1941 года.
Часть вторая 159**

Дашинамжилов О. Б.

**Воспроизводство городского населения
Тюменской области в 1959-1970 гг.:
сравнительный анализ 201**

ПРОЩАНИЕ С УЧИТЕЛЕМ

Памяти Владимира Ильича

**Загвязинского (4 января 1930 г. —
20 марта 2021 г.).....215**

Содержание за 2020 год 228

CONTENTS

LINGUISTICS

Lykova N. N.

**Expression of Purpose in Old French
Legal Documents** 6

Grigorishin S. V.,
Novokreshchennykh E. V.

**Codex B 19^A: Stages of Legitimation
of the Masoret Bible
Ancient Example** 20

Drozhashchikh N. V.,
Bashmakova A. Yu.

**Multimodal Learner's Dictionary
with Historical and Cultural
Components in EFL Classroom** 43

Gavin P. I., Ponomareva O. B.

**The Linguo-Cognitive Aspect
of Ekphrastic References
in a Literary Text (Based on the Works
by D. Rubina and M. Atwood)** 62

LITERATURE STUDIES

Kislova L. S., Vetoshkina M. A.

**TV series as a social project
in modern mass discourse:
national specifics** 80

Marshaniya K. M., Ushakova O. M.

**Literary Felinophilia
and Animalistic Perspectives
of Modernity (T. Gautier,
J. Joyce, T. S. Eliot)** 106

Belavina E. M.

**Motifs Transformation
of M. Desbordes-Valmore Lyrics
in the Works of Marina Tsvetaeva** 128

HISTORY

Emanov A. G., Evstiunin V. A.

**Francesco Datini in Epistolary
Reflection** 144

Radey J., Sharp Ch., Brunova E. G.

**No Further — The Battle
for Naro-Fominsk,
20-31 October and 1-3 December 1941.
Part Two** 159

Dashinamzhirov O. B.

**Reproduction of the Urban Population
of the Tyumen Region in 1959-1970:
A Comparative Analysis** 201

FAREWELL TO THE TEACHER

In memory

**of Vladimir I. Zagvyazinsky
(4 January 1930 — 20 March 2021)** 215

Contents for 2020 228

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Надежда Николаевна ЛЫКОВА¹

УДК 81-26+811.133.1

ВЫРАЖЕНИЕ ЦЕЛИ В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии,
Тюменский государственный университет
nlykova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-0558-1214

Аннотация

В статье исследуются способы выражения цели в ранних текстах законов, написанных на старофранцузском языке. Анализ осуществляется с использованием метода интерпретации текста, контекстно-ситуативного метода и метода актуального членения. Обнаруживается, что, если в художественных произведениях этого периода придаточные цели используются довольно редко, то в старофранцузских правовых документах семантическое отношение цели передается часто и не только придаточными цели, но гораздо чаще с помощью эквивалентных предложно-инфинитивных и предложно-субстантивных конструкций. Выявляется формирующаяся система союзов, вводящих придаточное цели, и их особенности (вариативность, многозначность). Уточняется время появления целевого союза *pour que*. Употребление наклонений в придаточных цели объясняется предвосхищением в сознании говорящего результата действия, представлением его как желаемого. Анализируются случаи препозиции и постпозиции придаточного цели, обусловленные структурой сложного предложения, ритмом фразы, спецификой логико-коммуникативного членения предложения. Эквивалентные средства выражения цели — предложные конструкции с инфинитивом и существительным — применяются при совпадении субъектов двух действий. В этих конструкциях используется преимущественно предлог *pour*,

---

Цитирование: Лыкова Н. Н. Выражение цели в старофранцузских правовых документах / Н. Н. Лыкова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 6-19.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-6-19

входящий в состав и подчинительных союзов, выражающих цель. При анализе целей, которыми руководствуются разные субъекты права, устанавливается связь между сферами эмоционального и морального, социального.

Ключевые слова

Исторический синтаксис, правовые документы, старофранцузский язык, выражение цели, придаточные цели, предложные конструкции.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-6-19

Введение

Совершение человеком тех или иных действий всегда направлено на достижение определенной цели. Понимание того, что именно руководит действиями людей, особенно важно для регулирования жизни в обществе, поэтому эти аспекты отражены в текстах законов на любом этапе развития общества. Для законодателя характерно стремление обозначить сознательную цель действия и учесть ее при определении наказания, например.

Правовые документы дают нам возможность проследить, какими языковыми способами репрезентируется этот сознательный мотив, направляющий и регулирующий действие, часто не соответствующее нормам поведения, принятым в данном социуме. Нас будут интересовать те средства, с помощью которых выражается цель в ранних текстах законов, написанных на старофранцузском языке. При синхронном анализе документов и трактовке языковых явлений используются общелингвистический метод интерпретации текста, контекстно-ситуативный метод, метод актуального членения.

В старофранцузских правовых текстах широко представлены различные виды сложноподчиненных предложений, поскольку для законодателя важно определить все обстоятельства дела, все факторы, влияющие на его рассмотрение. Поэтому уже ранние правовые тексты на французском языке представляют всё многообразие придаточных предложений, выражающих самые разные отношения между событиями и процессами¹.

В данной статье мы рассмотрим только одну ситуацию, отражающую зависимость действий, а именно выражение семантических отношений цели. Этот тип отношений всегда подразумевает интенцию, намерение, то есть он определяется сознанием и волей говорящего. Как отмечает В. Г. Гак, «Следствие, представленное как результат направленной деятельности человека, образует значение цели. Благодаря целенаправленности субъекта следствие отделяется от причины (источником события становится не объективная причина, а деятельность человека)» [2, с. 746]. При этом в сложноподчиненном предложении с придаточным цели отражается две ситуации: в главном предложении выражается активное действие, а в придаточном — цель, которой нужно достигнуть, намерение [1, с. 176].

---

¹ См. [4]. В указанной монографии придаточные цели не рассматривались.

Результаты и обсуждение

Придаточные цели

Как отмечают некоторые специалисты по истории французского языка, придаточные цели относительно редко встречаются в старофранцузском языке. По-видимому, это происходит потому, что цель в старофранцузских текстах часто представляется как отношение следствия, и подобные предложения можно было бы назвать следственно-целевыми.

Придаточных цели довольно много только в переводах с латинского, как пишет Р. Л. Г. Ричи [16, с. 59]. Мы бы добавили, что еще и в специальных текстах, а именно в правовых.

Союзов, которые вводят придаточные цели, в старофранцузском языке немного: это, прежде всего, многозначный союз *pour (por) ce que*, который мог вводить еще и придаточные причины. Однако специфической чертой придаточной цели является употребление в нем конъюнктива (*subjonctif*). Особенно ярко эта семантическая близость причинного и целевого значения союза видна в примере 1:

1. ... *ou s'il le fesoit pour ce qu'il li vousist pourchacier vilenie de sa fame ou de sa fille, ou d'autre fame qui seroit en sa garde : en tous teus cas se mesferoit il* [8, т. 2, ст. 1662, с. 351]. — «...или если бы он это сделал, чтобы совершить бесчестный поступок по отношению к его жене, дочери или другой женщине, которая была бы под его охраной: во всех таких случаях он совершил бы преступление»¹.

В этой статье описывается ситуация, связанная с захватом крепости вассала сюзереном, разъясняется, в каких случаях это правомерно и в каких нет. Пример 1 можно понимать двояко: захват был произведен с определенной целью или по определенной причине? Обе трактовки возможны, поскольку и цель, и причина характеризуют мотив действия. Однако цель всегда предвосхищает в сознании результат действия, и именно это обуславливает, по-видимому, употребление субъюнктива в придаточной цели. Это наклонение, которое представляет действие не как реальное, актуализированное, а как неактуализированное, возможное: таким образом, наклонение показывает, что действие совершится для того, чтобы нечто осуществилось.

Л. Теньер, сопоставляя понятия цели и следствия, отмечает, что цель — это сознательно вызываемое, желаемое следствие, следовательно, «придаточные цели, как и придаточные следствия, представляют собой противоположность придаточного предложения причины». В этом он видит причину употребления субъюнктива в придаточной цели и индикатива в придаточной причине [6, с. 590].

Чаще всего придаточные цели находятся в постпозиции по отношению к главному предложению:

2. *Et par ce puet on entendre que les amendes sont establies pour ce que l'en se gart de mesfere par paour d'avoir damage* [8, т. 1, ст. 896, с. 453]. — «Под этим следует разуметь, что возмещения (штрафы) установлены, чтобы предостеречь от совершения плохих проступков из страха нанести урон».

¹ Здесь и далее переводы со старофранцузского языка выполнены нами. — Н. Л.

3. *Il a grant disference entre peine d'argent et peine de cors, car les peines de cors si sont establies pour ce que l'en se gart de fere mal et, se l'en ne s'en garde, que l'en en port peine de cors selonc le mesfet* [8, т. 2, ст. 1306, с. 174]. — «Есть большая разница между денежным наказанием и телесным наказанием, так как телесные наказания установлены, чтобы предостеречь от совершения наказуемых поступков, а если от этого не воздержатся, то понесут телесное наказание согласно проступку».

В примерах 2 и 3 отмечается, что целью наказания является предотвращение преступления, поскольку знание того, что ему грозит, заставляет человека задуматься над последствиями совершаемого поступка и может повлиять на принятие решения.

Однако и препозиция придаточного цели тоже возможна:

4. *Et pour ce que li comuns pueples sachent comment il devront estre puni s'il mesfont, et chascuns en sa persone s'il mesfet, et que li seigneur sachent quel venjance il doivent prendre de chascun mesfet, nous traiterons en cel chapitre de chascun mesfet que l'en puet fere et de la venjance de chascun mesfet queus ele doit estre* [8, т. 1, ст. 823, с. 429]. — «И чтобы горожане знали, как они будут наказаны, если совершат преступление, и чтобы сеньоры знали, какое возмездие они должны назначить за каждое преступление, мы обсудим в этой главе каждое преступление и каким должно быть возмездие за него».

А. Г. Басманова и А. Н. Тарасова отмечают, что начальная позиция придаточного цели свидетельствует о его меньшей коммуникативной значимости, важности [1, с. 178].

На наш взгляд, по крайней мере для старофранцузского периода и для правовых текстов, это не всегда так однозначно (см. пример 4). Случается, что препозиция придаточного определяется требованиями ритма фразы (фразового комплекса), ее строения. Так, в вышеприведенном примере цель формулируется развернуто, двумя придаточными предложениями, в состав которых входят другие придаточные предложения (матрешечная структура). Второе придаточное вводится уже союзом *que*, полифункциональность которого позволяла замещать фактически любой союз и избегать таким образом его повтора¹. Далее автор анонсирует, чему будут посвящены следующие параграфы, а относительные придаточные предложения, которые вклиниваются в главное, являются, по сути, определениями существительных *mesfet* и *venjance*. Эти пояснительные придаточные вводят дополнительные сведения, которые несущественны для понимания высказывания в целом.

Таким образом, с точки зрения синтаксиса, начальная позиция придаточного цели обусловлена здесь структурными особенностями сложного предложения. Однако с точки зрения коммуникативного членения считаем, что информативный потенциал придаточных цели в этой фразе состоит в том, чтобы ввести две соположенные ремы. Доказательством этого может служить наличие лексических

¹ В. Г. Гак говорит в этом случае о нейтрализации значения союза *que* [2, с. 447].

повторов в главном предложении (*mesfet*¹, *venjance*), поскольку повторная номинация отсылает к теме. Г. Я. Солганик писал об этом виде лексических повторов: «Превращение глагольного сказуемого предшествующего предложения в абстрактное существительное последующего, выступающее в роли подлежащего, дополнения или обстоятельства, создает прочную связь между предложениями. <...> При этом с точки зрения актуального членения происходит превращение рематических элементов предшествующего предложения в тематические элементы последующего» [5, с. 53].

Если опираться на известное определение темы и ремы (объект и то, что говорится об объекте), то, анализируя это сложное предложение как коммуникативное единство в связи с предшествующим контекстом, можно сказать, что движение информации в нем обусловлено темой (объектом), в качестве которой выступают понятия *преступление* и *возмездие* за него. Но об этих понятиях речь уже шла в предыдущих предложениях, поэтому финальная фраза данного параграфа (пример 4) — а он начинает главу о преступлениях и наказаниях за них — выступает в качестве заключения и начинается с ремы, новой информации, то есть сообщения, для чего, с какой целью будут рассматриваться эти явления жизни общества в данной главе.

В работах по истории французского языка отмечается, что целевой союз *pour que* очень редко встречался в старофранцузских текстах [14, с. 223] или вообще не имел целевого значения [9, с. 221]. Причем А. Доза вообще считал, что этот составной союз появился в XVII в.² [3, с. 320]. Представляя собой, по всей вероятности, редуцированную форму союза *pour ce que*, этот союз обнаруживается, однако, уже в «Книге правосудия и суда», XIII в. (*Li livres de Jostice et de Plet*):

5. *Et l'en dit que oil, à son ami, por qu'il praigne en main qu'il ne mesface et qu'il vendra à jor por soffrir droit ; autrement non* [12, гл. XXXVII, с. 311-312]. — «И говорится, что да, (*поверят*) его другу, чтобы он поручился, что тот не совершит преступления и что он придет в назначенный день отдаться в руки правосудия; иначе нет».

Кроме вышерассмотренных специализированных союзных выражений, придаточное цели могло вводиться и многозначным простым союзом *que*:

6. *Il est resons que cil soit coupables du larrecin qui en a fet fuir les bestes d'aucun en tel lieu que ses compains les puist embler* [8, т. 1, ст. 945, с. 479]. — «Очевидно, что тот виновен в краже, кто пригнал чей-то скот в определенное место, чтобы его сообщник мог его похитить».

7. *Mes toutes voies doit estre li hons plus deportés qu'il ne reçoive damage de sa justice, se li cuens voit qu'il eschapast contre sa volenté* [8, т. 2, ст. 1657, с. 348]. — «Но тем не менее должен быть человек отпущен, чтобы он не получил ущерб от его суда, если граф увидит, что тот убежал против его воли».

¹ В придаточном предложении глагол *mesfere*, в главном — однокоренное существительное *mesfet*.

² Эта же датировка указывается в словаре Ж. Пикош [15, с. 546].

В этом значении союз *que* употребляется преимущественно после глаголов, выражающих движение, и может обозначать как положительную (пример 6), так и негативную цель (пример 7). Но если придаточное, вводимое сложным союзом, как мы видели, может находиться в препозиции по отношению к главному, то придаточное цели с союзом *que* — всегда в постпозиции.

В отличие от современного французского языка, где этот союз выражает главным образом отношение цели после глагола в императиве, употребленного в главном предложении, в старофранцузских правовых текстах он еще не обрел этого специализированного употребления.

В современном французском языке в числе союзов и союзных выражений, вводящих придаточное цели с негативным значением, негативную цель, называют союзные выражения с синонимичными существительными *peur*, *crainte* 'страх': *de peur que*, *par peur que*, *de crainte que*, *par crainte que*, *dans la crainte que* [1, с. 177]. Считаем, что этот составной союз с тем же значением начал формироваться еще в старофранцузском языке, поскольку в древних правовых текстах встречается очень близкий вариант *pour paour que*¹:

8. ...*il ne les osoient delivrer ne oster de leur prison pour paour qu'il ne perdissent leur justice, et ainsi estoient les prisons trop longues* [8, т. 2, ст. 1660, с. 350]. — «...они не осмеливались их освободить или избавить от заключения, чтобы не потерять (из опасения, что потеряют) свое право вершить правосудие, и, таким образом, заключение было слишком долгим».

Употребление *ne explétif*, характерное для этого типа предложений в современном французском языке, свойственно и старофранцузскому высказыванию.

Эквиваленты придаточных цели

Выражение цели с помощью придаточных предложений в старофранцузских правовых текстах — не самый частый способ. Гораздо чаще цель выражается с помощью эквивалентных предложных конструкций: *pour* + инфинитив, *a* + инфинитив и *pour* + неодушевленное существительное.

Pour (*pur*, *por*) + инфинитив. Эта конструкция чаще всего употребляется для выражения цели в старофранцузских правовых документах. По нашим подсчетам, выражение цели с помощью предложной конструкции *pour* + инфинитив и с помощью придаточных предложений со всеми целевыми союзами встречается примерно в соотношении 4:1, то есть в четыре раза чаще.

В такого рода конструкциях субъект главного действия и субъект целевого действия, выраженного инфинитивом, один и тот же:

9. *E si aucuns vienged avant pur clamer la chose...* [13, ст. 6, с. 7-8]. — «И если кто-то придет раньше, чтобы потребовать эту вещь...».

10. ...*quant on le fruste par la vile por pendre...* [7, гл. CCLIII, с. 190]. — «...когда его ведут по городу, чтобы повесить...».

¹ В некоторых источниках указывается, что синонимичный оборот с предлогом *de* (*de peur que*) появляется уже в XIII в. [16, с. 59].

11. *Cil qui portent secreié escrit à aucun, clos, et l'euvrent por savoir que il a, doivent recevoir paine d'essill, et leur bien sont le roi* [12, гл. XXIV, с. 282]. — «Те, кто несут чье-то секретное послание, запечатанное, и открывают его, чтобы узнать, что в нем, должны получить наказание в виде изгнания, а их имущество переходит королю».

Ф. Менар, упоминая эту конструкцию с целевым значением, говорит о том, что дополнение, относящееся к инфинитиву, обычно ставится между предлогом и инфинитивом [14, с. 223]. В правовых текстах можно найти довольно много примеров подобного расположения дополнения, которое может быть выражено именной группой или местоимением в косвенном падеже:

12. *pour son cors garder et defendre* [8, т. 1, ст. 858, с. 438] — «чтобы себя (свое тело) охранять и защитить»; *pour son frere sauver de mort* [8, т. 1, ст. 869, с. 442] — «чтобы своего брата спасти от смерти»; *pour la dete payer* [8, т. 1, ст. 871, с. 442] — «чтобы заплатить долг»; *pour li pourchacier tel honte* [8, т. 1, ст. 933, с. 472] — «чтобы ему избежать такого позора»; *pour autrui grever* [8, т. 1, ст. 997, с. 505] — «чтобы другому навредить»; *pour li suir de vilain cas* [8, т. 1, ст. 950, с. 482] — «чтобы его судить за преступление».

Возвратное местоимение при этом стоит в ударной форме:

13. *por soi parjurer* [12, гл. XV, с. 177] — «чтобы дать ложную клятву»; *pour soi aheritier* [8, т. 1, ст. 850, с. 435] — «чтобы себя ввести во владение (присвоить)»; *pour soi escuser du mesfet* [8, т. 1, ст. 942, с. 478] — «чтобы выпутаться из преступления»; *pour soi oster de toute soupeçon* [8, т. 1, ст. 949, с. 481] — «чтобы снять с себя всякое подозрение»; *Je l'ai pris pour moi aidier de ma guerre* [8, т. 2, ст. 1662, с. 351] — «Я ее (крепость) захватил, чтобы помочь себе в войне».

Однако наш материал показывает, что дополнение может находиться и в постпозиции по отношению к инфинитиву:

14. *por savoir la verité* [12, гл. XV, с. 177] — «чтобы узнать правду»; *por tolir les choses à aucun marcheant* [12, гл. X, с. 292] — «чтобы отобрать вещи у какого-нибудь торговца»; *pour donner essample as seigneurs* [8, т. 1, ст. 886, с. 448] — «чтобы дать пример сеньорам»; *pour rendre son damage* [8, т. 1, ст. 910, с. 460] — «чтобы вернуть свой урон»; *reporter pour fere leur jugemens en leur cours* [8, т. 2, ст. 1661, с. 350] — «отложить, чтобы вынести решение в своем суде»; *pour mettre ses prisons* [8, т. 2, ст. 1662, с. 351] — «чтобы поместить своих пленников».

Причем это возможно не только в том случае, если дополнение представлено именной группой, как в примерах 14, но и если прямое дополнение выражено личным местоимением, как в примере 15:

15. ... *se aucuns est establis a garder mes biens quel qu'il soient et il fet lieu a escient as larron pour embler les* [8, т. 1, ст. 945, с. 479]. — «...если некто определен, чтобы охранять мое имущество, каким бы оно ни было, и он намеренно указывает место грабителям, чтобы его украсть».

Такое употребление встречается нечасто, поскольку безударная форма личных местоимений обычно находилась в препозиции к глаголу. Постпозиция была возможна в вопросительных, императивных предложениях и в повествовательных

при инверсии подлежащего. Случай, с которым мы столкнулись, отражает ситуацию, описанную Л. Фуле. Он считает, что в старофранцузском языке безударные формы *le, la, les*, помещенные перед глаголом, трансформируются в ударные, и таким образом теряется формальное различие между прямым и косвенным дополнениями. Чтобы избежать этого, предпочитают сохранять безударную (слабую) форму, но отбрасывая ее в постпозицию по отношению к глаголу. В примерах, которые приводит Л. Фуле, выражаются в числе прочих и отношения цели: «*Si monte li rois devant et li vaslez derriere, por tenir le par mi les flans... Gr., 30, 14-6; Et il tent la main pour prendre la. Gr., 110, 3-5*» [11, с. 131-133]. Причем чаще всего это наблюдается в том случае, когда местоимение замещает неодушевленное существительное, как в примере 15, где antecedentом формы *les* выступает существительное *biens*.

В примере 15 для выражения цели используется также конструкция с предлогом *a* + инфинитив. В этой конструкции, выступающей в качестве обстоятельства, по данным Ф. Менара, предлог *a*, как и *pour*, мог выражать разные значения: цель, способ действия, причину, условие, одновременность [14, с. 166]. В нашем корпусе инфинитивно-целевые конструкции с предлогом *a* встречаются гораздо реже, но тем не менее они есть, хотя используются в основном для обозначения цели при глаголе *establi*:

16. *...l'en n'en a pas usé a lever amendes...* [8, т. 1, ст. 862, с. 439] — «они этим не воспользовались, чтобы взыскать возмещение убытков»; *Et de ceste maniere de larrecin a l'en trouvé plusieurs serjans qui estoient establi a garder bois ou viviers ou garennes...* [8, т. 1, ст. 945, с. 479] — «в таком способе кражи было обнаружено несколько охранников, которые были определены, чтобы охранять леса или садки для рыбы или кроликов»; *...et cil qui sont establi a garder les justices...* [8, т. 2, ст. 1653, с. 345] — «и те, кто определены, чтобы охранять юрисдикции своих сеньоров».

Pour + существительное — эта предложная конструкция также могла выражать цель в старофранцузских правовых документах. Однако предлог *pour* был многозначным¹, и в подобных именных конструкциях мог иметь не только целевое (примеры 17-19), но и причинное значение, как, например, в следующих фрагментах параграфа 948 Кутюмов Бовези: *Ne se fie nus de fere si vilaine chose comme de larrecin pour lignage ne pour autre chose...* — «Пусть остерегается всякий совершать такую гнусную вещь, как кража, из-за (по причине) наследства или чего-то другого»; *...tout soit ce que li aucun en ont esté deporté pour l'amour des peres et des meres* — «...хотя некоторые были пощажены (избавлены) ради (из-за) любви отцов и матерей».

Но в том же параграфе реализуется и целевое значение предлога (пример 17):

17. *...il ne leur vuelent donner leur soustenance et li enfant, pour leur vivre, prenent du leur pere ou du leur mere...* [8, т. 1, ст. 948, с. 480-481] — «...они (родители) не хотят давать им содержание, и дети, чтобы иметь средства к существованию, берут что-либо у своего отца или матери».

¹ Ф. Менар выделяет более 10 возможных значений у этого предлога [14, с. 288].

В этом примере предлог *pour* употреблен с субстантивированным инфинитивом, о чем свидетельствует употребление притяжательного детерминатива (*leur vivre*).

Доказательством того, что в примерах 18-19 реализуется именно целевое значение предлога *pour*, служит тот факт, что целевое отношение при перечислении выражено еще и синонимичной конструкцией *pour* + инфинитив:

18. ...*et se j'en donnai aucune chose en ce point pour la sauveté de mon cors ou pour le mien sauver...* [8, т. 1, ст. 995, с. 504] — «и если я отдал некую вещь, с целью спасения моего тела или чтобы спасти мое имущество».

19. ...*s'ele fu fete pour eritage, ou pour mueble, ou pour autrui deseriter...* [8, т. 1, ст. 992, с. 502] — «был ли он (обман) совершен, чтобы получить наследство или движимое имущество, или чтобы кого-то лишить наследства».

Если цель — это сознательный, преднамеренный мотив, который направляет и регулирует действие, то, как показывают старофранцузские правовые документы, этот мотив будет разным у разных субъектов права. Так, люди, осуществляющие правосудие, стремятся вершить правосудие, узнать правду, предостеречь от совершения преступного деяния, наказать преступника (*por prendre; pour li suir de vilain cas*), привлечь к ответу должника (см. также примеры 2-4, 8). Мотивом, побуждающим виновного к действиям, может быть желание отдалиться в руки правосудия (*por droit soffrir*) или, напротив, желание избежать наказания (*pour eschaper de son mesfet*), снять с себя подозрения, оправдаться (*pour soi oster de toute soupeçon; pour soi escuser du mesfet*). Целями преступников, указываемыми в текстах законов, может быть совершение преступления, насилия, нанесение вреда (*pour mesfere a autrui; pur fere lui force; pour autrui grever; pour celui mettre en damage*), воровство, присвоение имущества (*por tolir les choses; pour soi aheritier; pour embler les; pour partir a aux au larrecin; pour mueble*), наследства (*pour eritage; pour autrui deseriter*). Мотивом законных или незаконных действий человека может быть также желание спасти, защитить себя или своих близких (*pour son cors garder et defendre; pour son frere sauver de mort; pour soi defendre; pour estre a sauveté; pour la sauveté de mon cors*).

Обращает на себя внимание, что мотивом к совершению действия может быть такая эмоциональная реакция, как стыд (см., например, следующие высказывания):

20. ...*ou puet estre qu'ele le feroit de sa propre volenté pour cuidier couvrir sa honte pour donner a entendre que ce ne fu par son gré qu'ele fu menee* [8, т. 1, ст. 929, с. 469] — «...или может быть, что она это сделает по своему желанию, чтобы скрыть свой позор, чтобы дать понять, что не по своей воле она была оттуда уведена»; ...*se uns hons defent a un autre par devant justice ou par devant bonnes gens qu'il ne voist plus entour sa fame ne en son ostel pour li pourchacier tel honte* [8, т. 1, ст. 933, с. 472] — «если какой-либо человек запрещает другому перед судьей или перед добрыми людьми, чтобы он не ходил больше вокруг его жены или входил в его дом, чтобы его не преследовал такой стыд (позор)».

В обоих случаях описываются правовые ситуации, когда совершается или может совершиться прелюбодеяние. Ощущение стыда, позора относится одновременно к сфере эмоционального и социального, морального. Это понятие тесно связано с понятием чести. Не случайно на первое место у слова *honte*, восходящего к франкскому *haunita, в исторических и этимологических словарях выносятся значения «бесчестье, позор; тяжкая обида, оскорбление». В старофранцузском языке для обозначения стыда, позора употреблялось также слово *vergoigne*, которое восходит к латинскому *verecundia* ‘застенчивость, боязнь, стыдливость’¹. Однако авторы древних правовых текстов из этих двух синонимов предпочитают слово *honte*. Возможно, это происходит потому, что этимологически *vergoigne* связано с семантическим полем страха, полем эмоций, причем эмоций внутренних, внутренне переживаемых личностью. В синонимическом ряду это слово находится между *honte* и *pudeur* ‘стыдливость, целомудрие’. Тогда как *honte* обозначает эмоцию социальную, межличностную, культурную. Она рождается из морального осуждения обществом, другими людьми определенных поступков или поведения человека. По-видимому, этот внешний взгляд, то есть негативное эмоционально-оценочное суждение другого или в целом окружения человека, лежит в основе этой базовой эмоции. Она связана с ощущением того, как общество оценивает действия человека, и существенно влияет на самовосприятие человека, на определение своего места в социуме.

Выводы

Цель — это не только важное философское понятие, но и понятийная категория, имеющая специфические средства языкового выражения в каждом отдельно взятом языке. Историческое рассмотрение способов и средств выражения цели помогает установить их эволюцию и особенности не только на разных хронологических срезах, но и в текстах, принадлежащих разным жанрам и дискурсам.

Выражение цели в ранних французских правовых текстах может осуществляться с помощью придаточных предложений, вводимых многозначными союзами и союзными выражениями. Причем, если в художественных произведениях старофранцузского периода придаточные цели встречаются нечасто, то в текстах законов это один из распространенных видов придаточного предложения. Именно в специальных текстах старофранцузского периода складывается система целевых союзов, которая включает в себя следующие варианты: *pour (por) ce que*, *pour (por) que*, *que*, *pour raour que* и которая будет развиваться и обогащаться в последующие периоды развития французского синтаксиса. Придаточные цели уже в старофранцузском языке приобретают свою отличительную черту — употребление субжонктива. Типичная позиция придаточного цели по отношению к главному предложению — постпозиция. Однако его препозиция также возможна, и она обусловлена ритмическими факторами и требованиями коммуникативной (информативной) организации высказывания.

¹ Об истории этого слова и эволюции понятия см. статью Дамьена Бокэ 2008 г. [10].

Однако наиболее частым способом выражения цели в старофранцузских правовых документах являются предложно-инфинитивные конструкции с инфинитивом и существительным, эквивалентные придаточному цели. Они используются при совпадении субъекта действий. В предложных конструкциях с инфинитивом и существительным применяются всего два предлога: *pour* и *a*, причем конструкции с предлогом *a* встречаются значительно реже. В целевой предложно-инфинитивной конструкции место прямого дополнения еще не фиксировано, оно может находиться в пре- и постпозиции к инфинитиву. Это касается не только именных групп, но и безударных форм личных местоимений.

Анализ языковых средств выражения цели позволяет делать выводы не только о грамматических особенностях тех или иных конструкций, но и выявлять функционально-прагматические характеристики подобных высказываний. Правовые документы показывают, что сознательный мотив определяется во многом тем, к какой категории субъектов права принадлежит человек, обнаруживается также связь между целеполаганием и эмоциональной сферой бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басманова А. Г. Синтаксис предложения французского языка / А. Г. Басманова, А. Н. Тарасова. М.: Высшая школа, 1986. 208 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Доза А. История французского языка / А. Доза. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 471 с.
4. Лыкова Н. Н. Синтаксис старофранцузского правового дискурса: монография / Н. Н. Лыкова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018. 176 с.
5. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. М.: Высшая школа, 1991. 182 с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
7. Assises de Jérusalem ou Recueil des ouvrages de jurisprudence composés pendant le XIII-e siècle dans le royaume de Jérusalem et de Chypre. T. 1. Assises de la Haute Cour / Publ. par M. le comte Beugnot. P.: Imprimerie royale, 1841. LXXXVII, 657 p.
8. Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. P.: Picard, 1899-1900. T. 1-2.
9. Bonnard H. Petite grammaire de l'ancien français / H. Bonnard, Cl. Régnier. P.: Magnard, 1991. 240 p.
10. Boquet D. Introduction. La vergogne historique : éthique d'une émotion sociale / D. Boquet // Rives nord-méditerranéennes [En ligne], 31, 2008, mis en ligne le 20 décembre 2012, consulté le 20 avril 2019. URL: <http://journals.openedition.org/rives/2753>
11. Foulet L. Petite syntaxe de l'ancien français / L. Foulet. P.: Champion, 1998. 393 p.

12. Li Livres de Jostice et de Plet / Publ. par Rapetti. P.: F. Didot, 1850. LII, 451 p.
13. Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin / Publ. par J. E. Matzke. P.: Picard, 1899. LIV, 32 p.
14. Ménard Ph. Syntaxe de l'ancien français / Ph. Ménard. Bordeaux: Sobodi, 1976. 320 p.
15. Picoche J. Dictionnaire étymologique du français / J. Picoche. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1983. 827 p.
16. Ritchie R. L. G. Recherche sur la syntaxe de la conjonction «que» dans l'ancien français depuis les origines de la langue jusqu'au commencement du XIIIe siècle / R. L. G. Ritchie. P.: Champion, 1907. XXXII, 197 p.

Nadezhda N. LYKOVA¹

UDC 81-26+811.133.1

EXPRESSION OF PURPOSE IN OLD FRENCH LEGAL DOCUMENTS

¹ Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Department of French Philology,
University of Tyumen
nlykova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-0558-1214

Abstract

The article examines the ways of expressing purpose in the early texts of laws written in Old French. The analysis is carried out using the text interpretation method, context-situational method and the method of actual division. It is found that, if in the works of art of this period, subordinate ends are used quite rarely, then in old French legal documents the semantic relation of the goal is often conveyed and not only by subordinate goals, but much more often with the help of equivalent prepositional-infinitive and prepositional-substantive constructions. The emerging system of alliances, introducing a clause of purpose, and their features (variability, polysemy) are revealed. The appearance time of the target union “pour que” is specified. The use of moods in subordinate purposes is explained by the anticipation in the speaker’s mind of the action result, presenting it as desired. The article analyzes the cases of preposition and postposition of a subordinate goal, due to the structure of a complex sentence, the rhythm of the phrase, the logical-communicative division specifics of the sentence. Equivalent means of expressing the goal — prepositional constructions with an infinitive and a noun — are used when the subjects of two actions coincide. In these constructions, the preposition “pour” is mainly used, as a part of the subordinate unions expressing the goal. Analyzing the goals that are guided by different subjects of law, there is found a connection which is established between the spheres of the emotional and moral, social.

Keywords

Historical syntax, legal documents, Old French, expression of purpose, clauses, prepositional constructions.

Citation: Lykova N. N. 2021. “Expression of Purpose in Old French Legal Documents”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 6-19.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-6-19

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-6-19

REFERENCES

1. Basmanova A. G., Tarasova A. N. 1986. Syntax of the Sentence in French language. Moscow: Vysshaja shcola. 208 pp. [In Russian]
2. Gak V. G. 2000. Theoretical grammar of French language. Moscow: Dobrosvet. 832 pp. [In Russian]
3. Dauzat A. 1956. History of French language. Moscow: Izdatelstvo inostrannoï literatury. 471 pp. [In Russian]
4. Lykova N. N. 2018. Syntax of old French discourse of law. Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 176 pp. [In Russian]
5. Solganik G. Ya. 1991. Syntactic stylistic (Complex syntactic unit). Moscow: Vysshaja shcola. 182 pp. [In Russian]
6. Tesnière L. 1988. Structural syntax basics. Moscow: Progress. 656 pp. [In Russian]
7. Le comte Beugnot. 1841. Assises de Jérusalem ou Recueil des ouvrages de jurisprudence composés pendant le XIII-e siècle dans le royaume de Jérusalem et de Chypre. T. 1. Assises de la Haute Cour. P.: Imprimerie royale. 657 pp.
8. Beaumanoir Ph. De. 1899-1900. "Coutumes de Beauvaisis". Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. T. 1-2. P.: Picard.
9. Bonnard H., Régnier Cl. 1991. Petite grammaire de l'ancien français. P.: Magnard. 240 pp.
10. Boquet D. "Introduction. La vergogne historique : éthique d'une émotion sociale". Rives nord-méditerranéennes, mis en ligne le 20 décembre 2012, consulté le 20 avril 2019. <http://journals.openedition.org/rives/2753>
11. Foulet L. 1998. Petite syntaxe de l'ancien français. P.: Champion. 393 pp.
12. Rapetti P. 1850. Li Livres de Justice et de Plet. P.: F. Didot. 451 pp.
13. Matzke J. E. 1899. Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin. P.: Picard. 32 pp.
14. Ménard Ph. 1976. Syntaxe de l'ancien français. Bordeaux: Sobodi. 320 pp.
15. Picoche J. 1983. Dictionnaire étymologique du français. P.: Dictionnaire LE ROBERT. 827 pp.
16. Ritchie R. L. G. 1907. Recherche sur la syntaxe de la conjonction «que» dans l'ancien français depuis les origines de la langue jusqu'au commencement du XIIIe siècle. P.: Champion. 197 pp.

Сергей Викторович ГРИГОРИШИН¹
Екатерина Владимировна НОВОКРЕЩЕННЫХ²

УДК 930.1

**КОДЕКС В 19^A: СТАДИИ ЛЕГИТИМАЦИИ
ДРЕВНЕЙШЕГО ЭКЗЕМПЛЯРА
МАСОРЕТСКОЙ БИБЛИИ**

¹ кандидат философских наук, доцент
кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков,
Тюменский государственный университет
s.v.grigorishin@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2509-6382

² кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры английского языка,
Тюменский государственный университет
e.v.novokreshhennykh@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-1000-3470

Аннотация

В настоящей статье исследуются культурно-исторические обстоятельства появления и введения в научный оборот древнейшего рукописного кодекса еврейской Библии — Ленинградского кодекса В 19^A. Авторами статьи предпринимается попытка восстановить контекстуальные связи Кодекса с еврейской философией и библейской текстологией. Концепция исследования выстроена на основе генеалогического анализа, открывшего возможность сначала проанализировать наиболее близкие современности этапы легитимации Кодекса В 19^A, а затем двигаться в глубину хронологии, вплоть до момента создания изучаемого текста. Результатом исследования стало выявление и экспликация внутренних связей между Кодексом В 19^A, школами масоретов, раббанитами, караимами и средневековыми критиками библейского текста. Методология исследования основана на принципах философской герменевтики, сравнительно-исторического подхода генеалогического метода применительно к текстологии.

Цитирование: Григоришин С. В. Кодекс В 19^A: стадии легитимации древнейшего экземпляра масоретской Библии / С. В. Григоришин, Е. В. Новокрещенных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 20–42.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-20-42

Выявление причинно-следственной связи в легитимации масоретской Библии показало, что необходимость создания единого стандарта священного текста возникла уже к середине VIII в., времени возникновения движения караимов. Отказ караимов подчиняться авторитету классической раввинской литературы привел к переосмыслению библейского текста. Вместе со статусом главной священной книги, Библия оказалась текстом, вокруг которого стали возможны филологические, философские и теологические дискуссии. Осознание того факта, что библейский текст имеет разночтения, привел раббанитов и караимов к выводу о необходимости создания филологического стандарта Библии. По этой причине резко возрос авторитет масоретов как специалистов по вокализации текста, непосредственных создателей системы огласовок. Семья Бен-Ашеро́в из Тверии выдвинулась в качестве главной масоретской школы, а ее последний представитель Аарон бен Ашер стал наиболее авторитетным масоретом. Аарону бен Ашеру принадлежит система масоры, представленная в Алеппском кодексе и скопированная в Ленинградском кодексе В 19^А. Маймонид первым среди еврейских философов оценил текстологические достижения Аарона бен Ашера, чем значительно поднял авторитет масорета в раввинистических и караимских интеллектуальных кругах.

Ключевые слова

Кодекс В 19^А, Ленинградский кодекс, масоретская Библия, Алеппский кодекс, Ветхий Завет, еврейская Библия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-20-42

Введение

До начала XX в. Кодекс В 19^А фактически оставался вне исследовательского внимания, поскольку ученые, занимавшиеся коллекцией Фирковича, в основном исследовали вопросы верификации подлинности датировок других рукописей, входивших в ее состав.

Ленинградский кодекс В 19^А (далее по тексту — Кодекс В 19^А) является, наряду с Кодексом последних пророков, одной из двух главных крымских находок Авраама Фирковича. Кодекс В 19^А хорошо изучен с точки зрения его текстологии [13]. В то же время до наших дней отсутствует исследование, освещающее философский и исторический контексты его создания. Имеющиеся классические работы ученых последней четверти XIX в., таких как А. Я. Гаркави, А. А. Куник, Д. А. Хвольсон, Г. Штрак, были направлены на то, чтобы верифицировать коллекцию Фирковича, отделив поддельные датировки от подлинных [8, 16, 25, 26]. Наиболее новое, полное и ценное в этом отношении исследование принадлежит Д. Шапиро [17]. Во второй половине XX в. по теме Кодекса выходили только обзорные статьи О. В. Васильевой, А. И. Кетч, В. В. Лебедева, К. Б. Старковой, рассказывающие о коллекции А. С. Фирковича [1, 2, 9, 12]. В последние годы небольшие экскурсы в вопросы о месте кодекса в составе рукописной коллекции А. С. Фирковича были подготовлены А. М. Федорчуком [14] и С. В. Григоришиным [6]. Важным дополнением

к специализированным исследованиям служит подробная биография А. С. Фирковича, изданная В. Л. Вихновичем [3].

Хотя Кодекс стал известен научному сообществу библеистов уже в 1845 г., из издания М. Пиннером каталога Одесской коллекции еврейских рукописей А. С. Фирковича, большого интереса рукопись Кодекса тогда не вызвала. Именно М. Пиннер дал кодексу название В 19^А — такой номер был присвоен рукописи в каталоге 1845 г., в котором буквой «В» были обозначены рукописные кодексы Библии. «19» — номер рукописного кодекса. Надстрочный знак «^А» указывает на то, что рукопись попала в каталог уже после того, как экземпляры коллекции были пронумерованы [24].

Стоит отметить, что каталог Пиннера был не первым упоминанием об Одесской коллекции. Еще ранее, в 1844 г., в первом номере «Записок Одесского общества» коллекция еврейских рукописей была описана достаточно подробно, хотя в ней о Кодексе анонимный автор не упомянул [7].

После того как вся коллекция А. С. Фирковича, включая Первую одесскую коллекцию, была приобретена в 1864 г. Императорской публичной библиотекой, ее каталог был издан Г. Штраком и А. Я. Гаркави [25]. В этом каталоге, построенном по структуре каталога М. Пиннера, Кодекс В 19^А был описан на новом текстологическом уровне анализа библейского текста.

Именно А. Я. Гаркави принадлежит первая попытка соединения культурных и текстологических взаимосвязей Кодекса В 19^А. В 15 томе Еврейской энциклопедии была опубликована статья «Караимы», где впервые была поставлена задача определения места находки Кодекса В 19^А, причины его изъятия из крымской синагоги и появления в коллекции А. С. Фирковича. Наше исследование в своей логике опирается на классический подход А. Я. Гаркави.

Вкратце этот подход можно объяснить как попытку реконструкции культурно-исторического контекста Кодекса В 19^А, охватывающего время от начала XI в. (времени создания Кодекса) и вплоть до второй половины XIX в. — времени особой активности караимов в деле легитимации своей идентичности перед властями Российской империи.

Стоит отметить, что до начала XX в. важность Кодекса В 19^А для библеистики была еще неясна. Не учитывалось, например, что интеллектуальный контекст создания Кодекса В 19^А мог быть не менее ценным источником по реконструкции споров караимов с раббанитами в отношении интерпретации еврейской Библии. По этой причине гораздо большее внимание уделялось эпиграфическим памятникам и рукописным текстам, объясняющим историю, часто исключительно мифическую, раннего этапа жизни караимов.

Итак, нашей первой задачей является иллюстрация процесса включения Кодекса В 19^А в исследования текстологов Ветхого Завета в первой четверти XX в. В ходе подготовки критического издания текста Библии постепенно прояснялась роль масоретов в дискуссиях между раббанитами и караимами о статусе библейского текста. Открытие этой взаимосвязи принадлежит известному немецкому библеисту Паулю Кале.

После того как прояснится статус Кодекса В 19^А в библеистике первой половины XX в. (до открытия кумранских свитков в 1947 г.), представляется необходимым вернуться ко времени находки Кодекса В 19^А, т. е. к 1839 г., чтобы разобраться в вопросе о том, откуда у Авраама Фирковича появилась эта рукопись. Такой, казалось бы, утилитарный вопрос на деле оказывается ключевым для объяснения места Кодекса В 19^А в еврейской интеллектуальной полемике, которая длилась тысячелетие и к середине XIX в. была так же актуальна, как и в момент создания Кодекса в начале XI в. Следовательно, наша вторая задача состоит в разборе версий, согласно которым Кодекс В 19^А был получен либо из раббанитской синагоги, либо из караимской синагоги, либо вообще попал в Одесское собрание не из синагоги, а был подарен евпаторийским караимом Симой Бабовичем. Итак, второй вопрос позволяет нам раскрыть новый аспект легитимации Кодекса В 19^А с точки зрения того, какому интеллектуальному движению изначально принадлежала рукопись и где она хранилась к моменту ее изъятия Фирковичем. Если первый вопрос объясняет роль масоретов в дебатах в отношении корректного толкования библейского текста, то второй вопрос проясняет соотношения сил в этих дискуссиях, а именно раскрывает противостояние раббанитов и караимов.

Наконец, третья задача нашего исследования состоит в том, чтобы объяснить значение Кодекса В 19^А не с позиции того, что это самая древняя полная рукопись библейского текста, а из предпосылки, что этот Кодекс стал результатом длительной борьбы за библейское наследие. Нас будет интересовать то, как в полемике раббанитов и караимов VIII-XI вв. возникла необходимость создания признанного всеми стандарта библейского текста. От общих идейных положений дискуссии, наблюдаемой еще в середине XIX в. — времени находки Кодекса, и постепенного его включения в качестве основного экземпляра полного масоретского текста, необходимо перейти к изучению личного вклада ряда интеллектуалов, которые с середины VIII в. и вплоть до начала XIII в. определили соотношение сил в достаточно сложной конфигурации еврейской религиозной философии. Но только такой подход, включающий регистрацию каждого этапа в этой дискуссии, способен объяснить место Кодекса В 19^А внутри еврейского религиозного дискурса.

Чтобы решить поставленные задачи, необходимо ответить на три вопроса, последовательные ответы на которые позволят нам прояснить причины появления масоретского текста, древнейшим из которых на сегодняшний день является Кодекс В 19^А:

1. Когда и при каких обстоятельствах Кодекс В 19^А получил статус главного рукописного первоисточника для создания критического издания Ветхого Завета? Какую роль сыграл Кодекс В 19^А в развитии традиции издания еврейской Библии? А главное, как масоретская школа Аарона бен Ашера осознается в работах П. Кале в качестве отдельного «игрока» в средневековом диалоге о статусе библейского и постбиблейского еврейского наследия? Первый вопрос охватывает 1920-40-е гг. и связан с появлением третьего издания *Biblia Hebraica*.

2. В каком городе и в какой синагоге в Крыму был найден Кодекс В 19^А? Второй вопрос требует обращения к концу 1830-х — началу 1840-х гг. и связан с появлением Первого одесского собрания еврейских рукописей Авраама Фирковича. Ответ на второй вопрос прояснит роль караимов и раббанитов в процессе создания унифицированного стандартного библейского текста в версии Аарона бен Ашера.
3. Какие исторические и религиозные причины привели к созданию Кодекса? Третий вопрос в сжатом виде охватывает период со второй половины VIII в. — времени появления первых караимов и вплоть до самого начала XIII в. — времени смерти Маймонида, который не только подытожил всю полемику, но и возвел масоретский текст в ранг эталона еврейской Библии. Ответ на третий вопрос завершит размышления об этапах легитимации Кодекса, подробно выстраивая контекст создания масоретской версии библейского текста и ее признания в качестве единственно верной его интерпретации.

Результаты и обсуждение

Часть первая

Свой современный статус в библейской текстологии Кодекс В 19^А обрел лишь в 1920-х гг., когда издатель критического издания Ветхого Завета Рудольф Киттель готовил третью версию *Biblia Hebraica*. Ученый обратился к своему коллеге Паулю Кале, который в то время работал над еврейскими рукописями из коллекции А. С. Фирковича, уделяя особое внимание собранию фрагментов из Каирской генизы.

Научный интерес к Кодексу, если судить по времени его находки, возник сравнительно поздно и был связан с обстоятельствами, которые раскрыл в своей книге «Каирская гениза» Пауль Кале. Ученый вспоминает, что в октябре-ноябре 1926 г. он работал в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, где изучал масоретские тексты из Каирской генизы. В то же самое время он получил письмо от Рудольфа Киттеля, готовившего третье издание *Biblia Hebraica*. В письме Киттель спрашивал совета Кале по поводу того, какой первоисточник еврейской Библии взять за основу нового издания. Первые два издания *Biblia Hebraica* основывались на авторитетном тексте Второй Раввинской Библии, подготовленной для печати Якобом бен Хайимом. Поначалу Киттель планировал использовать для нового издания тот же текст: «Я думаю, мы будем снова печатать текст бен Хайима», — писал Киттель. Однако именно в это время Кале отыскал в Ленинграде многочисленные библейские рукописи из еврейской коллекции Фирковича, датированные 929-1121 гг. Исследовав эти рукописи, Кале пришел к выводу, что они совпадают с наиболее авторитетным рукописным Алеппским кодексом масорета Аарона бен Ашера, в то время как первопечатная Библия бен Хайима от него отличалась. Кроме того, Кале предположил, что масоретские библейские тексты из коллекции Фирковича использовались в богослужбной практике уже во времена своего создания [22, с. 131].

Итак, Кодекс В 19^А оказался, по мнению Кале, подтвержденным надежным источником текста школы Бен-Ашер. И хотя сам Кодекс В 19^А является копией, выполненной Самуэлем бен Иаковом с масоретского оригинала Аарона бен Ашера, по времени создания он очень близок оригиналу: он был скопирован в 1008 или 1009 г. (или, по еще одной версии, в 1010 г.) — всего через несколько лет после смерти Аарона бен Ашера — и является, таким образом, древнейшим полным масоретским текстом Библии, дошедшим до наших дней (за исключением Алеппского кодекса). По этой причине Кале предложил Киттелю положить Кодекс В 19^А в основу нового критического издания Ветхого Завета.

Переписка Кале и Киттеля положила начало введению рукописи Кодекса В 19^А в научный оборот. Опишем этот процесс поэтапно. В России Кале обсуждал возможность временно перевезти саму рукопись из Ленинграда для работы над ней в Германии [22, с. 132]. В итоге Кодекс В 19^А был отправлен из Ленинграда в Германию, где в течение двух лет, в 1927-1929 гг., изучался для включения в новое издание *Biblia Hebraica*. Исследования проходили на Семинаре по Ветхому Завету в Лейпцигском университете и на Восточном семинаре Боннского университета [22, с. 135]. Сам Кале после возвращения из России в ноябре 1926 г. был тоже включен в работу над третьим изданием *Biblia Hebraica*.

К сожалению, в 1929 г. Рудольф Киттель умер, так и не дожив до публикации третьего и последнего издания *Biblia Hebraica*. Это критическое издание вышло в Штутгарте в 1937 г. Впервые критическое издание еврейской Библии было напечатано в одном томе, а не в двух, как выходили предыдущие издания. Кроме того, впервые по просьбе Пауля Кале в новом критическом издании еврейской Библии было решено вместе с текстом опубликовать масору Аарона бен Ашера, которую можно было сравнить с масорой Иакова бен Хайима, масорой бен Нафтали, различными вариантами вавилонской и палестинской масоры и прочих ее форм [22, с. 133]. Наконец, разбивка текста на страницы в новом издании целиком совпала с тем, как этот текст выглядел в оригинальной рукописи — Кодексе В 19^А [19]. Следующие критические издания полного текста Ветхого Завета, уже с названием *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, были основаны на этом же Кодексе [20, 21]. Точность этой редакции могла быть верифицирована после факсимильного издания Кодекса [27].

Нужно здесь же отметить, что в традиции издания и печатания еврейской Библии произошел существенный поворот: впервые в основу критического издания (а значит, и всех последующих переизданий *Biblia Hebraica Stuttgartensia*) была положена рукопись. Это фундаментальное отличие третьего издания открыло возможность заново обратить внимание на исторический, культурный и религиозный контексты, внутри которых возник Кодекс В 19^А.

Исключительное значение текстологической работы Пауля Кале состояло не только в предложении взять в качестве первоисточника Кодекс, но и в том, что именно он высказал идею о необходимости помещения в этот же текст масоры Аарона бен Ашера. Важность этого шага объяснялась не только тем фактом, что к оригинальной редакции библейского текста была приложена пунктуация

и вокализация главного представителя тиверианской школы масоретов, но и то, что этот, казалось бы, деперсонализированный текстологический уровень работы с библейским текстом был представлен как интеллектуальное достижение конкретного человека и ученого. Тем самым Кале вывел личность Аарона бен Ашера из анонимного списка многих масоретов в круг еврейских интеллектуалов X в., который наряду с ключевыми именами средневековой еврейской философии оформил конфигурацию интеллектуального дискурса, в центре которого был поставлен стандартный текст масоретской Библии, одновременно легитимированный враждующими между собою раббанитами и караимами.

Другими словами, третье издание *Biblia Hebraica* в 1937 г. прояснило значение работы масоретов не только с точки зрения ветхозаветной текстологии, но и впервые, пусть пока еще косвенно, объясняло роль масоретов в еврейской интеллектуальной жизни VIII-XIII вв. Включение в это издание масоры Аарона бен Ашера автоматически подтверждало значительную роль масоретов в дискуссиях о месте библейского текста внутри еврейской средневековой традиции.

Итак, мы получили ответ на первый вопрос — как и когда Кодекс В 19^A получил статус главного рукописного первоисточника для создания критического издания еврейской Библии. Именно в период между 1926 и 1937 гг. произошел первый этап научной легитимации Кодекса В 19^A, значимость которого возросла после того, как при трагических обстоятельствах был поврежден Алеппский кодекс, представлявший до момента повреждения главный стандарт полного библейского текста. Также мы прояснили статус масоры Аарона бен Ашера, с которым Кодекс стал напрямую связан с момента издания библейского текста под редакцией Р. Киттеля и П. Кале.

Часть вторая

В первой части статьи мы рассказали о публикации Кодекса В 19^A и его исключительной значимости как первоисточника для критического издания ветхозаветного текста. Во второй части речь пойдет о событии, которое произошло за сто лет до публикации, — о самой находке памятника. Сам факт появления Кодекса овеян множеством слухов, а ряд связанных с ним вопросов не решен до наших дней. О самой загадочной фигуре Фирковича и его коллекции достаточно сказано в исследовательской и биографической литературе [1-3, 5, 9, 12, 14]. Мы же исследуем вопрос о том, откуда и каким образом в этой коллекции появился Кодекс В 19^A. Благодаря ответу на этот вопрос прояснится еще один этап научной легитимации Кодекса.

В 1845 г. Авраам Фиркович продал Одесскому обществу истории и древностей коллекцию рукописей, полученных из Крыма. Известно, что сам Фиркович в своей последней книге «Авне зиккарон» («Памятные камни»), вышедшей в 1872 г., достаточно подробно рассказывает о большинстве своих крымских находок, но при этом ни словом не упоминает интересующий нас текст [15]. Однако в исследовательской литературе не вызывает сомнения тот факт, что Кодекс В 19^A был найден А. С. Фирковичем в Крыму. Расхождения начинаются

лишь в связи с необходимостью определить то место, где был найден текст. До наших дней остается неизвестным, 1) в каком именно крымском городе был найден кодекс, и 2) какой именно синагоге — раввинской (раббанитской) или караимской — он принадлежал.

В отношении места находки существует как минимум три версии: 1) предполагаемая версия Авраама Фирковича, которая известна лишь со слов семитолога Аврааму Гаркави; 2) версия самого Авраама Гаркави; 3) версия Ольги Васильевой. Каждая из них имеют как свои сильные, так и слабые стороны.

А. Я. Гаркави первым из ученых артикулировал вопрос о происхождении Кодекса В 19^А. Ученый детально описал контекст коммуникации организаторов Одесского общества истории и древностей с Евпаторийской караимской общиной во главе с гахамом Симой Бабовичем. Одесское общество предложило Бабовичу ответить на вопросы о том, по какой причине и когда караимы появились в Крыму, откуда они происходят, какие у них нравы и обычаи, есть ли знаменитые представители караимов, существуют ли летописи, доказывающие древность веры караимов.

Список вопросов проясняет осмысленное намерение построения караимами собственной этно-религиозной идентичности. Удивительным образом находка Кодекса В 19^А, которую можно было бы посчитать побочным результатом в поисках сведений о древности караимов, вывела проблему происхождения караимов из этнической плоскости на уровень религиозно-философских дискуссий, кульминация которых приходится как раз на времена создания Кодекса В 19^А.

В последнем из вопросов, адресованных крымской караимской общине, уже есть запрос на отделение религиозного аспекта проблемы происхождения караимов от этнического: «По какой причине караимы отделились от раббанитов и какая между ними разница в рассуждениях их веры?» [5, с. 287]. На этот вопрос можно было бы ответить только исходя из анализа оригинальных источников раббанитов и караимов. По этой причине в коллекции Фирковича вместе со свитками Торы и рукописными кодексами еврейской Библии был представлен широкий ряд источников, охватывающий философско-религиозные труды раббанитов и караимов.

Однако вернемся к вопросу о локализации места находки Кодекса. Как уже было сказано, самыми ранними являются версии А. С. Фирковича и А. Я. Гаркави. В то же время известно, что Фиркович о Кодексе ни разу в своих сочинениях не упомянул, хотя подробно описал находку Поздних пророков созданной в традиции с вавилонской масоретской школы. Позицию Фирковича можно извлечь из косвенных источников. Здесь уместно дать большую выдержку из статьи Гаркави, объясняющей не только его точку зрения на вопрос о месте изъятия Кодекса в одной из крымских синагог, но и отражающей общую интеллектуальную атмосферу, в которой был открыт Кодекс.

Как было ранее отмечено, крымские караимы должны были ответить на вопросы о своем происхождении, но собственными усилиями это сделать им было сложно. «Выручить их взялся Авраам Фиркович, и вот что он задумал: годом

раньше он жил в имении Бабовича, близ города Карасубазара, где живут раввинские крымчаки, предки коих переселились из древнетатарской столицы Солхат и из Кафы (Феодосия); у них Фиркович видел тщательно хранимые древние рукописи, и он решил завладеть ими в пользу караимов, надеясь также найти там и исторические данные. Фиркович заявил Бабовичу, что принимает на себя миссию отыскать караимские исторические памятники для Одесского общества истории и древностей. Караимы, со своей стороны, также назначили ему содержание на всё время его занятий этим предметом. Заручившись всем этим, Фиркович прежде всего отправился в Карасубазар и с помощью полиции насильственно экспроприировал у крымчаков их древние рукописи; они имели весьма важную научную ценность. Важнейшие из отобранных письменных памятников (книги последних Пророков, писан в Вавилонии в 916 году по Р. Х., снабжен вавилонской системой вокальных знаков, и целая Библия, написанная в Египте в 1009-1010 г.) Фиркович предоставил как находки из караимской синагоги в Чуфут-Кале» [5, с. 287]. Итак, если доверять сведениям Гаркави, Фиркович объяснял происхождение находки Кодекса из караимской синагоги в Чуфут-Кале, городе, находящемся вблизи Бахчисарая.

Со своей стороны Гаркави считал, что Фиркович извлек Кодекс из раббанитской синагоги в Карасубазаре. Наличие двух противоположных точек зрения объясняется, по нашему мнению, идеологическими мотивами Фирковича и Гаркави. Караим Авраам Фиркович намеревался показать, что Кодекс хранился у караимов, что могло свидетельствовать о его караимском происхождении. Иудей Авраам Гаркави, наоборот, стремился доказать, что Кодекс был «экспроприирован» из раббанитской синагоги, чем могло быть доказано раббанитское происхождение Кодекса.

Исследователь К. Б. Старкова, обсуждая вопрос о способах добывания еврейских рукописей Фирковичем из Крыма, осторожно высказалась в этом отношении. «Иногда местные общины караимов и раббанитов сопротивлялись вскрытию гениз и извлечению рукописей, опасаясь, что такие действия навлекут на общину несчастье» [12, с. 171]. Не выражая собственного мнения о происхождении Кодекса, К. Б. Старкова связала крымские находки еврейских рукописей Фирковича сразу с обоими противостоящими друг другу направлениями. Версии А. С. Фирковича и А. Я. Гаркави важны как взгляды непосредственных участников событий.

В то же время достаточно убедительно выглядит точка зрения, не так давно высказанная О. В. Васильевой. Размышляя о том, по какой причине Фиркович не упоминает в своих текстах о находке Кодекса в Крыму, исследовательница приходит к выводу о том, что велика вероятность того, что Фиркович никогда не был владельцем этого рукописного кодекса. Чтобы точно отразить позицию О. В. Васильевой, позволим себе процитировать достаточно большой фрагмент текста. «Вполне вероятно, что Библия 1010 г. вообще не принадлежала Фирковичу, а находилась в собственности караимской общины Евпатории. В СПбФИВ РАН под шифром Д 67 хранится полная Библия, переписанная

в 1280-1281 г. в Дамаске и с 1407 г. находившаяся в караимской общине этого города. К ее переплету приклеен документ от 21 января 1832 г., согласно которому караимские общины Крыма и Константинополя разрешали двум последним караимам Дамаска Аврааму и Илие хе-Наси (проживавшему к тому времени в Каире) переехать в другой город. Предварительно жителю Иерусалима Аврааму ха-Леви поручалось приехать в Дамаск, распродать недвижимое имущество общины, а ритуальную утварь, книги и ценности доставить в Крым. В начале документа говорится о том, что Авраам из Дамаска, прослышав о приезде Симхи Бабовича в Иерусалим, обратился к нему с письмом. В нем он просил Бабовича прислать „от вас одного, чтобы взял он священную утварь и книги, книги Пятикнижия и книги двадцати четырех“ (т. е. полные списки Библии, состоящие из 24-х книг). Обратим внимание на множественное число, употребленное в данном случае. Однако ниже, в перечне имущества указывается лишь одна „рукопись двадцати четырех“, и запись эта относится, видимо, к Библии СПбФИБ РАН. Возможно, в караимской общине Дамаска находились две полные Библии и обе были доставлены в Евпаторию Симхе Бабовичу. Библия 1010 г. могла быть привезена ранее Авраамом ха-Леви, посредником в общении между караимскими общинами Крыма, Константинополя, Иерусалима и Дамаска» [2]. Свое предположение Васильева подкрепляет выдержкой из текста Фирковича: «В четверг, 21-го адара [14 марта 1840 г. по старому стилю] я взял все книги и древние тома, которые я нашел, а также очень дорогую книгу 24-х, написанную в 4770/1010 г. в Египте/Каире [и] привезенную из Дамаска, — и это [случилось] по повелению р[абби] Симхи Бабовича, главы мудрецов блаженной памяти, — и вечером я уехал из Гезлева [Евпатории] и приехал в Акмеджид [Симферополь]» [2]. Таким образом, третья точка зрения, отраженная в гипотезе Васильевой, предполагает караимское происхождение, или по крайней мере хранение Кодекса. По мнению Васильевой, рукопись хранилась в частном собрании в Дамаске и была оттуда привезена в Евпаторию. На основании анализа указанных документов, О. В. Васильева делает вывод о том, что еврейская Библия была передана в Одесское общество истории и древностей Симой Бабовичем и евпаторийской караимской общиной [2]. С нашей точки зрения, передача Кодекса в дар, а не его продажа, как это делал Фиркович, вполне вписывалась в логику действий караимов, главная цель которых состояла в легитимации себя в качестве отдельной национальности внутри Российской империя. Как известно, вскоре цель была полностью достигнута. Уже в 1863 г. караимы получили желаемый статус.

Ответ на второй вопрос состоит из трех версий: 1) версия А. С. Фирковича: Кодекс был взят из караимской синагоги в Чуфут-Кале; 2) версия А. Я. Гаркави: Кодекс был изъят из раббанитской синагоги в Карасубазаре; 3) версия О. В. Васильевой: Кодекс хранился в Дамаске, после чего попал в Евпаторию, к караимскому гахаму Симе Бабовичу.

Поскольку в задачи нашего исследования не входит выбор одной из предложенных версий, нам достаточно найти общее, что их объединяет. Фиркович,

Гаркави и Васильева не отрицают того, что в Одессу Кодекс попал из Крыма. В этом отношении все точки зрения едины. Версии Фирковича и Васильевой согласуются в том, что Кодекс хранился в караимской общине, хотя расходятся в определении точного места находки. Гаркави утверждал, что Кодекс был получен из раббанитской синагоги.

Часть третья

Постепенное выстраивание дискурса вокруг Кодекса В 19^А позволяет нам реконструировать причины его написания. Ко времени находки самого древнего на сегодняшний день и полного Кодекса Библии, дискуссии раббанитов и караимов вокруг еврейского интеллектуального наследия оставались такими же острыми, как и во времена его создания. Нам осталось прояснить содержание таких дискуссий, что позволит определить причины создания подобных рукописных кодексов.

Непризнание караимами наследия раббанитского иудаизма может быть названо главной причиной стандартизации и всеобщей легитимации единой версии библейского текста. Вторая причина исходит из первой. Поскольку единый стандартный текст еврейской Библии требовал не только комментаторской, но и текстологической работы, то школы масоретов постепенно повышали свой статус, а семья Бен-Ашер из Твери стала главным создателем системы акцентуации и вокализации стандартного библейского текста.

Поэтому вторым фактором легитимации рукописных библейских кодексов, и в частности Кодекса В 19^А, послужило наличие и постепенное повышение статуса масоретов. Здесь же стоит напомнить, что с середины XIX в. существует версия, что Аарон бен Ашер мог быть караимом [27]. Поэтому несложно проследить взаимосвязь двух указанных факторов.

Следующей причиной легитимации Кодекса В 19^А и подобных ему, но не дошедших до нас кодексов масоретской Библии является появление в еврейской философской мысли IX в. вольнодумцев, ярким представителем которых был Хиви ха-Балхи. Известен список вопросов Хиви и ответы на них Саадии Гаона. В этих вопросах Хиви ха-Балхи критикует библейский текст за отсутствие этических стандартов со стороны Бога и наличие в священном тексте чудес, которые могли быть объяснены естественными причинами. Дискуссия, инспирированная вольнодумцами, и респонсы раббанитов служат третьей причиной повышения и легитимации рукописных библейских кодексов.

Наконец, четвертая и пятая причина связаны с именем Моше бен Маймона (Маймонида). С одной стороны, в своих трактатах, особенно в многотомном произведении «Мишне Тора» («Вторая Тора»), Маймонид прямо указывал на редакцию библейского текста Аароном бен Ашером как на эталон и стандарт масоры в еврейской Библии. С другой стороны, Маймонид в своих работах нашел аргументы, которые смогли пошатнуть авторитет караимов и вольнодумцев в еврейской средневековой мысли. Толкования библейского текста, по убеждениям Маймонида, не могли опираться на непосредственное чтение и толкование

смыслов. Но критически мыслящий читатель обязан был учитывать долгую традицию толкования текстов, восходящую к логическим трудам Аристотеля, что не учитывалось противниками раббанитов.

Начнем с иллюстрации первого фактора легитимации стандартных библейских кодексов. Начиная со второй половины VIII в. и до начала XIII в. в еврейской религиозной мысли происходили споры раббанитов и караимов вокруг постбиблейского интеллектуального наследия, в первую очередь о статусе корпуса текстов Мишны и Гемарры, составляющих Вавилонскую и Палестинскую редакции Талмуда.

Раббаниты защищали это наследие с точки зрения непрерывной преемственности библейской и постбиблейской традиции. С другой стороны, караимы отрицали авторитет Талмуда и всего корпуса раввинистических комментариев к библейскому тексту. Кроме того, в этой дискуссии возникли отличающиеся от раббанитских и караимских мнения, в которых выражалось сомнение в богодухновенности библейского текста. Отказ караимов от авторитета Талмуда привел не только к затянувшейся на столетия полемике с раввинистическим иудаизмом, но и послужил мотивом более внимательного отношения к лексике, грамматике и текстологии еврейской Библии.

Внимание караимов и раббанитов к грамматике древнееврейского языка объясняется наличием таких дискуссий. Если главный авторитет Танаха состоял в его содержании, то само содержание строилось по формальным законам грамматики (включая фонетику). Владение древнееврейским языком позволяло караимам проверять точность толкования библейских книг и даже отдельных стихов и слов в Талмуде. Такой подход неизбежно подрывал авторитет Устной Торы в глазах, как минимум, самих караимов.

Именно полемика, начавшаяся с конца VIII в. между караимскими гаонами и гаонами раввинистического иудаизма о сущности веры и признаках авторитета, которым наделены толкователи вероучения, стала стимулом для средневековых научных изысканий в области филологии еврейской Библии. Плодом такой работы стали не только грамматики, словари, респонсы и теологические труды, но, в первую очередь, вокализированные библейские кодексы.

Косвенным, но имеющим долгосрочные перспективы последствием дискуссий вокруг авторитета раббанитских сочинений стало вновь возродившееся внимание к библейскому тексту. Оказалось, что, традиционно считавшийся неизменным и священным, текст еврейской Библии можно прочесть в определенной стратегии, в зависимости от того, кем, когда и по каким правилам была написана конкретная рукопись. Вопрос технического плана становился ключевым для интерпретации текста.

По этой причине важно напомнить о том, кто и как записывал текст еврейской Библии. Консонантная основа библейского текста записывалась софрим, огласовки и знаки записывали нақданам, а примечания к тексту записывали масореты. Однако постепенно масореты стали выполнять функции софрим и нақданам.

Наиболее авторитетной рукописью Библии долгое время считался текст X в., известный как Алеппский кодекс, который был написан в Твери в 920 г. Шломо бен Буйяа (консонантная основа), а диакритические знаки для гласных и акцентные знаки внес в него примерно в 925 г. Аарон бен Ашер. Позднее он добавил к нему масоретские примечания [13, с. 41]. Как известно, в 1947 г. Алеппский кодекс был значительно поврежден. Исчез и до сих пор не найден список Торы из Алеппского кодекса, но сохранились тексты Невиим и Ктувим. После этих событий самым древним рукописным кодексом масоретского текста Библии стал интересующий нас Кодекс В 19^A.

Ленинградский кодекс В 19^A был изготовлен в период между 1008-1010 гг. в Каире и огласован согласно тиверианской системе масоры. Эта рукопись представляет собой точную копию рукописного текста Библии, созданного масоретом Аароном бен Моше бен Ашером (умер в 960 г.). В качестве софрим и масорета выступил Самуэль бен Йакоб. Кодекс В 19^A исправлен в соответствии с рукописью бен Ашера, а ее огласовка очень близка к Алеппскому кодексу. Кодекс L — единственный полный источник всех библейских книг, стоящий близко к традиции бен Ашера [13, с. 41-42].

До сих пор остается открытым вопрос о том, кем по религиозным убеждениям был Аарон бен Моше бен Ашер. Традиционно считается, что тиверианские масореты принадлежали к классическому раввинистическому иудаизму, безоговорочно принимающему Предание, отраженное в Вавилонской и Иерусалимской редакциях Талдмуда (Мишны и Гемарры). Но религиозные убеждения и теологические взгляды самого известного масорета до сих пор являются предметом научной дискуссии [28].

Пока полемика между караимами и раббанитами разгоралась всё сильнее, в еврейском интеллектуальном контексте конца IX в. появляется еще одна фигура, позволяющая нам прояснить запрос на существование стандартного огласованного текста еврейской Библии. Этой фигурой был Хиви ха-Балхи (ок. 870 г.), известный ученому миру не столько благодаря собственным трудам, сколько благодаря ученому, вступившему с ним в диалог, — знаменитому Саадии Гаону. В Каирской генизе был найден фрагмент текста, в котором Саадия отвечает на вопросы Хиви, хотя текстов Хиви в генизе на тот момент обнаружено не было.

В 1980-х гг. научный мир получил фрагмент оригинального текста Хиви, найденного в том же собрании текстов из Каирской генизы. Хиви ха-Балхи был одним из первых свободомыслящих фигур высокого Средневековья, кто критиковал Библию как священный текст. Хиви сформулировал около двухсот вопросов, которые ставят под сомнение этический авторитет библейского текста. Приведем ряд примеров вопросов Хиви в редакции А. Хофман и П. Коула:

1. Почему Бог создал человека уязвимым к страданиям?
2. Почему кровь жертвенных животных приемлема для Него как искупительная жертва?
3. Чем строители Вавилонской башни могли устрашить Всемогущего?

4. Почему Бог назвал избранным народом лишь евреев, а остальные народы препоручил покровительству ангелов?
5. Почему в Библии содержится так много противоречивых стихов?
6. Можно ли объяснить библейские чудеса рациональным образом?
7. Возможно, воды Красного моря не расступились по воле Бога, а просто Моисей, в отличие от египтян, понимал механизм отливов и приливов?
8. А манна вовсе не была послана с небес — просто в этих краях существует съедобное растение, известное под персидским названием *taḡabin*? [17, с. 186-187].

Как видно из данного перечня, размышления Хиви ха-Балхи были направлены на целый ряд вопросов, которые требовали ответа исключительно из библейского текста. Поставить проблему наличия противоречивых утверждений в тексте можно лишь исходя из цитирования фрагмента текста, представлявшего собою, с точки зрения раббанитских и караимских комментаторов, абсолютно неоспоримый авторитет.

В связи с этим ответить на вопросы вольнодумца можно было лишь исходя из двух стратегий. Первая стратегия критики взглядов Хиви заключалась в том, чтобы показать, что критик не имеет представления о комментаторской традиции толкования текста, а старается осмыслить библейский текст лишь своим умом. Такими путями был подорван авторитет Хиви в кругу самих еврейских интеллектуалов, чем воспользовались Саадия Гаон, а позже Маймонид.

Вторая стратегия аргументации против взглядов Хиви имела уже не теологически-философский, а исключительно филологически-текстуальный уровень. Здесь были важны достижения масоретов. Наличие однозначного толкования стандартизированного текста позволяло игнорировать апелляции непосредственно к тексту, если сам текст не существовал в многочисленных версиях.

Обе стратегии не были направлены на то, чтобы решить проблему происхождения зла в мире, отсутствия всемогущества Бога или же наличия чудес в библейском тексте. Наоборот, критика была направлена на блокирование как к тексту, так и к возможности его непосредственного комментирования. И в то же время просто проигнорировать предложенный Хиви ха-Балхи круг вопросов было невозможно. Поскольку они были поставлены, то требовали от раббанитов достаточно ясного и полного ответа. Этим объясняется внимание Саадии Гаона к взглядам критиков Библии.

В Каирской генизе были найдены респонсы Саадии Гаона на вопросы Хиви. Это сам по себе примечательный факт, поскольку он показывает, что личность Хиви не была маргинальной. Кроме прямой полемики с Хиви, в ключевом трактате Саадии «Книга верований и мнений» собрана коллекция респонсов, построенная в плане аргументации на синтезе раввинистического предания с аристотелевской логикой. Возможно, что Саадия отвечает не только Хиви, но и другим критикам Библии внутри еврейского сообщества, имена которых история не сохранила до наших дней.

Хорошим примером может служить ответ Саадии Гаона в отношении критики библейских чудес, в частности чудес из Пятикнижия Моисея. Хиви подвергал сомнению чудеса, произошедшие с Моисеем и народом Израиля во время исхода из Египта. Саадия обращает внимание на этот вопрос. «Однако самый важный вопрос из тех, что связаны с Избавлением, в том, что оно неизбежно по нескольким признакам, и среди них — истинность чудес Моше» [14, с. 304]. Здесь Саадия связывает вопрос чудес с ключевым для средневековой еврейской коллективной памяти вопросом об избавлении из проклятия галута и возвращения всего народа на родину. Вместо поиска аргументов в пользу существования чудес, Саадия как бы перекрывает этот вопрос более важным и ключевым. Поэтому не должно удивлять, что продолжение размышлений Саадии Гаона следует в догматическом ключе, не предполагающем доказательства собственного мнения: «...и уже видели глаза наши, что сделал Он ради нас: рассек море, послал манн и перепелов, даровал Тору на горе Синай, остановил солнце, и всё подобно этому» [14, с. 305]. Здесь вместо логических аргументов Саадия использует риторические средства полемики, рассчитанные не на интеллектуальную элиту, а на любого простого еврея, мыслящего в догматическом ключе.

Библейский текст в трактате Саадии работает непосредственно, без использования техник мидраша, без которого нельзя было себе представить методологическое основание многочисленных текстов Гемарры. Ответ Саадии вольнодумцам, позволившим себе апеллировать непосредственно к библейскому тексту, целиком согласуется с ранним этапом легитимации полных рукописных библейских кодексов, особенно с масоретской Библией. Оказалось, что критику караимов и вольнодумцев, отрицающих раввинистические комментарии, можно подорвать без обращения к комментаторской литературе. Достаточно обратиться к версии масоретской Библии, верность которой никто из критиков не отрицал. В этом смысле Кодекс предстает как самый ранний полный экземпляр рукописного текста Библии, созданный в процессе дискуссий вокруг авторитета письменного откровения и устного предания. Примеры Хиви ха-Балхи и Саадии Гаона иллюстрируют процесс легитимации рукописных кодексов уже в VIII-X вв., а уже к началу XI в., как известно, относится Кодекс.

Наконец, последняя и наиболее яркая страница истории, связанная с легитимацией масоретской Библии, самой ранней версией которой является Кодекс В 19^A, имеет непосредственное отношение к философии Маймонида. Если Саадия Гаон вместо ответов на вопросы критиков Библии, таких как Хиви ха-Балхи, использовал аргументацию, блокирующую сам вопрос, то Маймонид воспользовался традиционным инструментарием аристотелевской логики, с целью продемонстрировать то, насколько слабы аргументы противников. Например, вопрос о том, чем могли строители Вавилонской башни устрасить Бога, явно предполагал предпосылку о божественном несовершенстве. В свою очередь Маймонид анализирует предикат совершенства в качестве неоспоримо принадлежащего сущности Бога. И напротив, любой намек на несовершенство Бога, как на его предикат, не может принадлежать Богу, поскольку

несовершенство не может быть атрибутом вечной субстанции или, иначе, предикатом сущности. «Поэтому это всё, что для нас является совершенством, приписывается Ему (да превознесется Он!), чтобы указать, что Он обладает всеми аспектами совершенства и несовершенство никоим образом не касается Его. Поэтому всё, что постигается толпой как недостаток или лишенность, не используется при Его описании... <...> А всё то, что толпа принимает за совершенство, приписывается Ему, хотя оно и является совершенством только применительно к нам, тогда как для Него, да превознесется Он, всё то, что мы считаем совершенством, есть крайнее несовершенство. Однако, если бы [толпа] вообразила, что это присущее людям совершенство отсутствует у Него, да превознесется Он, это было бы с ее точки зрения недостатком в Нем» [10, с. 135]. Это пример онтологической аргументации Маймонида, но у него же есть примеры эпистемологической аргументации, что существенно усложняет ход полемики оппонентам Маймонида. Так, смертная конечная субстанция, которой только и может быть человек, не обладает познавательными возможностями для интеллектуального постижения бесконечной бессмертной субстанции, что есть Бог. Непонимание этой эпистемологически непреодолимой дистанции является для Маймонида следствием крайней необразованности критиков Библии. Маймонид предупреждает, «если ты пожелаешь постичь то, что выше твоего постижения, или поспешишь объявить ложным утверждение, отрицание коего не доказано, либо то, что является возможным, хотя и маловероятным, — тогда ты примкнешь к Элише Ахеру. И мало того, что ты не станешь совершенным — ты окажешься недостойнейшим из недостойных; и возникнут тогда у тебя навязчивые фантазии и склонность к недостойному, греховному и злему вследствие изнеможения твоего интеллекта и угасания его света» [10, с. 156-157]. Пример Элиши Ахера, который в Талмуде считается наиболее недостойным из евреев, отколовшимся от народа и впавшим в грех, должен был продемонстрировать то, насколько небезопасно обращаться к священному тексту.

Далее, уже приближаясь к специфике еврейской Библии, Маймонид объясняет, почему в этом тексте большое количество противоречий и темных для познания стихов, что отражается даже в традиционных раввинистических комментариях. Здесь, как и ранее, Маймонид апеллирует к ступеням интеллектуального познания. Но если в первом случае речь шла о тех, кто не способен собственным интеллектуальным усилием преодолеть дистанцию между способностями разума и сложностью текста, то здесь речь идет о тех уже образованных евреях, которые недооценивают сложность самого познавательного процесса. «Так и истинные воззрения: не потому скрывали их и говорили о них загадками, и всякий знающий, дабы не разгласить их, прибегал при изложении ко всяческим ухищрениям не потому, будто есть в них сокрытое зло или будто бы они подрывают основы Закона, как полагают невежды, притязавшие на то, что они уже достигли ступени умозрения. Но были они сокрыты из-за неспособности интеллекта воспринять их на первых порах, и явлены только как проблеск, чтобы сделать их ведомыми для совершенных. Поэтому и именуются они *секретами*

и тайнами Торы» [10, с. 162]. Иначе говоря, Маймонид критикует оппонентов за то, что, не понимая специфики священного текста и не зная методов работы комментаторов, они связывают такого рода сложности с попыткой скрыть от читателя неприемлемое для него содержание.

Такое искаженное представление Маймонид связывает с наличием двух прямо противоположных способов работы с текстом. Если комментатор священного текста научен правилам грамматики, риторики и логики, то он без труда способен выйти на эпистемологически адекватное толкование текста, позволяющее понять его содержание. С другой стороны, отсутствие знаний о правилах толкования текста неизбежно приводит интерпретатора к подозрениям о том, что в священном тексте есть уровень смысла, специально скрытый от непосвященных. Для Маймонида такие толкователи предстают невеждами, не умеющими правильно прочесть текст.

Говоря о «тайнах Торы», Маймонид затрагивает вопрос, непосредственно интересующий нас в исследовании. Главным экземпляром еврейской Библии со времен Маймонида считался Алеппский кодекс, на тысячелетие ставший эталоном полного рукописного кодекса. В трактате «Мишне Тора» философ писал: «В этих вопросах мы полагаемся на кодекс, находящийся ныне в Египте, в котором содержатся двадцать четыре книги Писания и который был несколько лет в Иерусалиме. Его использовали как стандартный текст при исправлении книг. Все доверяли ему, потому что он был исправлен самим бен Ашером, который много лет тщательно трудился над его деталями и много раз исправлял его, когда его переписывали». Мишне Тора, II, Хилхот Сефер Тора, 8, цит. по: [13, с. 47]. Этот фрагмент позволяет включить во взаимосвязь работу Аарона бен Ашера над масоретской Библией с составлением сжатого пересказа Мишны и Гемарры в «Мишне Тора» Маймонида, что, в свою очередь, помогает очертить общую структуру еврейского интеллектуального дискурса, в центре которого стоит Кодекс В 19^A.

Начало этого дискурса положено трудами основателя караимского иудаизма Анана бен Давида, впервые усомнившегося в статусе устной еврейской традиции, изложенной в Мишне и Гемарре. Из полемики раббанитов с караимами выкристаллизовалось значение стандартного библейского текста, не оспариваемое ни одной из дискутирующих сторон. Отсюда возникает глубокое внимание и постепенное изучение текстологических вопросов, среди которых главными были проблемы расстановки огласовок и знаков акцентуации в библейском тексте. Внутри конкурирующих между собою школ наиболее авторитетной была признана школа семьи Бен-Ашер из Тверии, а главным текстологом этой школы и ее последним представителем был, как мы неоднократно указывали, Авраам бен Ашер. Закрепить за тиверианской школой статус наиболее авторитетной масоретской традиции помогли работы Маймониды.

Параллельно с этими двумя интеллектуальными нитями, первая из которых начинается с дискуссий караимов с раббанитами, а вторая — внутри масоретских школ, особенно тиверианских школ Бен-Нафтали и Бен-Ашер, возникает полемика Хиви аль-Балхи сразу и с караимами, и с раббанитами. Ни те, ни другие

не отрицали статус Библейского текста как наиболее авторитетного источника божественного откровения. По этой причине попытки критики, изложенные в вопросах Хиви, обязывали защитников библейского текста находить аргументы внутри самой еврейской Библии, стандартный экземпляр которой восходил к редакции Аарона бен Ашера. Таким текстом долгое время считался Алеппский кодекс, а после его значительного повреждения и исчезновения из него Торы место главного масоретского текста занял Кодекс В 19^А.

Заключение

Исследование этапов легитимации Кодекса В 19^А позволило выявить следующие закономерности:

1. Ранняя стадия легитимации Кодекса В 19^А (VIII-XII вв.). В VIII-X вв. в кругах еврейских интеллектуалов, известных как караимы, возникло и постепенно возрастало недоверие к традиционным раввинистическим комментариям библейских текстов. В IX в. рядом с критиками талмудической раввинской традиции появились критики самого библейского текста, доказывающие нереалистичный характер библейских чудес и отсутствие в божественном промысле нравственного начала. Результатом обсуждений двух указанных проблем стало возвышение в социальной иерархии софрим, нахданам и масоретов, непосредственно работающих над библейским текстом. А уже в первой четверти X в. усилиями тиверианской школы масоретов был создан первый образцовый экземпляр еврейской Библии — Алеппский кодекс. Наибольший вклад в признание масоретской Библии тиверианской школы сделал Маймонид, принявший ее в качестве образца в своем знаменитом трактате «Мишне Тора». Как известно, после погромов в Алеппо в 1946 г. удалось сохранить лишь третью часть Алеппского кодекса, и, таким образом, этот текст перестал быть наиболее древним полным масоретским текстом. По этой причине самым ранним полным текстом масоретской Библии стал Кодекс В 19^А, созданный в начале XI в.
2. Средняя стадия легитимации Кодекса В 19^А (30-90 гг. XIX в.). Через восемьсот лет после создания Кодекса В 19^А этот экземпляр Библии стал одной из наиболее ценных находок в коллекции еврейских рукописей Авраама Фирковича. Вокруг Кодекса долгое время оставалось множество загадок, главной из которых было место его находки и определение синагоги, откуда был взят текст. Было хорошо известно, что Кодекс В 19^А был найден в Крыму. Но до наших дней в научных кругах нет единого мнения о том, караимской или раввинской синагоге Кодекс принадлежал. По этой причине мы представили все версии ответов, существующих в отношении этого вопроса. Для нашей задачи, однако, большую ценность представляло не столько происхождение Кодекса, сколько сам факт его находки Фирковичем и попадание Кодекса сначала в Одессу, а затем в Санкт-Петербург. С середины XIX в. Кодекс был описан в каталоге Одесской коллекции и так стал известен в кругах европейских библеистов. Так был завершён второй этап легитимации Кодекса В 19^А.

3. Поздняя стадия легитимации Кодекса В 19^А (20-30 гг. XX в.). Лишь в начале XX в. европейская библеистика поставила себе задачу создать критическое издание Ветхого Завета. Такое критическое издание, *Biblia Hebraica*, вышло под редакцией Рудольфа Киттеля, взявшего за основу в качестве первоисточника Вторую Раввинскую Библию. По совету библеиста Пауля Кале третье издание *Biblia Hebraica* было основано на новом первоисточнике — Кодексе В 19^А. Кале также включил в это издание масору Аарона бен Ашера. Ученый таким образом связал воедино критическое издание Библии с интеллектуальным дискурсом средневековой еврейской философии.

Выявленные закономерности позволили нам прийти к заключению, что все три этапа легитимации Кодекса представляют собою связанный закономерный процесс создания, трансляции и унификации образцового экземпляра еврейской Библии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева О. В. «Одесское собрание» Авраама Фирковича / О. В. Васильева // Восточный сборник. СПб., 2003. № 6. С. 12-35. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Kollekc_Firkovic/frameset.htm
2. Васильева О. В. Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки / О. В. Васильева // Письменные памятники Востока. 2005. № 1 (2). С. 217-238.
3. Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович: еврейские рукописи, история, путешествия / В. Л. Вихнович. СПб.: Академия исследований культуры, 2012. 365 с.
4. Гаркави А. Я. Исторические очерки караимства: Из этюдов о евр. сектах: в 2 вып. / А. Я. Гаркави. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1897-1902. Вып. 1. 61 с. Вып. 2. 22 с.
5. Гаркави А. Я. Караимы / А. Я. Гаркави // Еврейская энциклопедия. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз — Ефрон, 1906-1913. Том 15. С. 617-619.
6. Григоришин С. В. Исторический источник в цифровую эпоху: сравнение первоисточника Ленинградского кодекса, его факсимильного издания и электронной версии (Вестминстерского Ленинградского кодекса) / С. В. Григоришин // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 244-247.
7. Древние Еврейские кодексы и другие памятники // Записки Одесского общества. Одесса, 1844. № 1. С. 640-649.
8. Куник А. А. Тохтамыш и Фиркович. По поводу спора о двух искаженных еврейских надписях и двух вымышленных летоисчислениях / А. А. Куник // Записки Императорской Российской Академии Наук. СПб., 1880. Том 27. Приложение 3. С. 1-64.
9. Лебедев В. В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича / В. В. Лебедев // [Православный] Палестинский сборник. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. Вып. 29 (92): История и филология. С. 57-63.

10. Маймонид. Путеводитель растерянных / Маймонид; пер. и комм. М. А. Шнейдера. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Маханаим, 2010. 589 с.
11. Саадья Гаон. Книга верований и мнений / Саадья Гаон; пер. Корзаковой Х.-Б.; ред. Горин Борух. М.: Книжники, 2016. 424 с.
12. Старкова К. Б. Рукописи коллекции Фирковича Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / К. Б. Старкова // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1970. М.: Наука, 1974. С. 165-192.
13. Тов Э. Текстология Ветхого Завета / Э. Тов; науч. ред. Г. Ястребов; пер. с англ. К. Бурмистрова, Г. Ястребова. М.: Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2001. 424 с.
14. Федорчук А. М. Находки и загадки Авраама Фирковича / А. М. Федорчук // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 77-88.
15. Фиркович А. Авне Зиккарон / А. Фиркович. Вильно, 1872. [На иврите]
16. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX-XV столетия, собранные и объясненные Д. А. Хвольсоном / Д. А. Хвольсон. СПб.: Тип. ИАН, 1884. 538 с.
17. Хофман А. Священный сор. Потерянный и возвращенный мир Каирской генизы / А. Хофман, П. Коул. М.: Книжники, 2013. 368 с.
18. Шапира Д. Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А. С. Фирковича / Д. Шапира // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / под ред. Р. М. Капланова, В. В. Мочаловой. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Ч. 1. С. 102-130.
19. Biblia Hebraica / R. Kittel, P. Kahle (eds.). Stuttgartiae, 1937.
20. Biblia Hebraica Stuttgartensia / Hg. K. Elliger, W. Rudolph. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
21. Biblia Hebraica Leningradensia: Prepared according to the Vocalization, Accents and Masora of Aaron ben Moses ben Asher in the Leningrad codex / A. Dotan (ed.). Massachusetts: Peabody, 2001.
22. Kahle P. The Cairo Geniza / P. Kahle. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1959. 316 pp.
23. Katsh A. I. Catalogue of Hebrew Manuscripts Preserved in the USSR / A. I. Katsh. New York, 1957.
24. Pinner H. M. Prospectus der Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Altertumer gehorenden ältesten hebraischen und rabbinischen Manuscripte / H. M. Pinner. Odessa, 1845.
25. Strack H. Katalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek in St. Petersburg / H. Strack, A. Harkavy. St. Petersburg and Leipzig, 1875.
26. Strack H. A. Firkowitch und Seine Entdeckungen / H. A. Strack. Leipzig, 1876.
27. The Leningrad Codex: A Facsimile Edition / gen. ed. D. N. Freedman. Michigan: Grand Rapids, 1998.
28. Yeivin I. Introduction to the Tiberian Masorah / I. Yeivin; E. J. Revell (ed.). Chicago: Society of Biblical Literature, 1980.

Sergey V. GRIGORISHIN¹

Ekaterina V. NOVOKRESHCHENNYKH²

UDC 930.1

CODEX B 19^A: STAGES OF LEGITIMATION OF THE MASORET BIBLE ANCIENT EXAMPLE

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Archeology,
History of the Ancient World and the Middle Ages,
University of Tyumen
s.v.grigorishin@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2509-6382

² Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer,
Department of English Language,
University of Tyumen
e.v.novokreshchennykh@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-1000-3470

Abstract

This article examines the cultural and historical circumstances of the appearance and introduction into the scientific circulation of the oldest manuscript code of the Hebrew Bible — the Leningrad Code B 19^A. The authors of the article make an attempt to restore the contextual connections of the Code with Jewish philosophy and biblical textology. The concept of the research is built on the basis of genealogical analysis, which opened up the opportunity to first analyze the stages of legitimation of Codex B 19^A that are closest to the present, and then move into the depth of chronology, right up to the moment of creation of the studied text. The result of the study was the identification and explication of internal links between the Codex B 19^A, Masoretic schools, Rabbanites, Karaites and, finally, medieval critics of the biblical text. The research methodology is based on the principles of philosophical hermeneutics, the comparative historical approach of the genealogical method as applied to textual criticism.

Revealing the cause-and-effect relationship in the legitimization of the Masoretic Bible showed that the need to create a single standard for the sacred text arose already by the middle

---

Citation: Grigorishin S. V., Novokreshchennykh E. V. 2021. “Codex B 19^A: Stages of Legitimation of the Masoret Bible Ancient Example”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 20-42.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-20-42

---

of the 8th century, the time of the emergence of the Karaite movement. The refusal of the Karaites to submit to the authority of classical rabbinical literature led to a rethinking of the biblical text. Together with the status of the main sacred book, the Bible turned out to be a text around which philological, philosophical and theological discussions became possible. Awareness of the fact that the biblical text has different interpretations led the Rabbanites and Karaites to the conclusion that it was necessary to create a philological standard for the Bible. For this reason, the authority of the Masoretes as specialists in the vocalization of the text, the direct creators of the vocalization system, has sharply increased. The Ben Asher family of Tiberias emerged as the main Masoretic school, and its last representative, Aaron Ben Asher, became the most authoritative Masoretic. Aaron Ben Asher owns the Masorah system introduced in the Aleppo Codex and copied in the Leningrad Codex B 19^A. Maimonides was the first among Jewish philosophers to appreciate the textual achievements of Aaron Ben Asher, which significantly raised the authority of the Masoret in rabbinic and Karaite intellectual circles.

Keywords

Codex B 19^A, Leningrad Codex, Masoretic Text, Aleppo Codex, Old Testament, Hebrew Bible.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-20-42

REFERENCES

1. Vasilieva O. V. 2003. “«Odessa meeting» of Abraham Firkovich”. Oriental collection. Saint-Petersburg. No. 6, pp. 12-35. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Kollekc_Firkovic/frameset.htm [In Russian]
2. Vasilieva O. V. 2005. “Oriental handwritten funds of the Russian National Library”. Written monuments of the East. No. 1 (2), pp. 217-238. [In Russian]
3. Vihnovich V. L. 2012. Karaim Avraham Firkovich: Jewish manuscripts, history, travel. Saint-Petersburg: Akademiya issledovanij kul'tury, 365 pp. [In Russian]
4. Garkavi A. Ya. 1897-1902. “Historical Sketches of Karaite: From Etudes about Hebrew sects: in 2 issues”. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya Landau A. E. Vol. 1, pp. 61; vol. 2, pp. 22. [In Russian]
5. Garkavi A. Ya. 1906-1913. “Karaites”. Jewish encyclopedia. Saint-Petersburg: Tip. Akc. obshch. Brokgauz — Efron. Vol. 15, pp. 617-619. [In Russian]
6. Grigorishin S. V. 2016. “Historical source in the digital age: comparison of the original source of the Leningrad Code, its facsimile edition and the electronic version (Westminster Leningrad Code)”. Archive. Story. Modernity: materials of the 6th International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, December 2-3, 2016). Yekaterinburg: Ural University Publishing House. Pp. 244-247. [In Russian]
7. “Ancient Jewish codes and other monuments”. 1844. In: Notes of the Odessa society. No. 1, pp. 640-649. Odessa. [In Russian]
8. Kunik A. A. 1880. “Tokhtamysh and Firkovich. Regarding a controversy over two distorted Hebrew inscriptions and two fictitious chronology”. Notes of the Imperial Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. Vol. 27, appendix 3, pp. 1-64. [In Russian]

9. Lebedev V. V. 1987. "To the source study assessment of some manuscripts of the collection of A.S. Firkovich". [Orthodox] Palestinian collection. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. Vol. 29 (92): Istoriya i filologiya, pp. 57-63. [In Russian]
10. Maymonid. 2010. Guide for the lost. Translated by M. A. Shneydera, Moscow: Mosty kul'tury; Ierusalim: Mahanaim. 589 pp. [In Russian]
11. Saad'ya Gaon. 2016. Book of beliefs and opinions. Translated by H. B. Korzakova, edited by Gorin Boruh. Moscow: Knizhniki. 424 pp. [In Russian]
12. Starkova K. B. 1974. "Manuscripts of the Firkovich collection of the State Public Library named after M. E. Saltykova-Shchedrina". Written monuments of the East. Yearbook 1970. Moscow: Nauka. Pp. 165-192. [In Russian]
13. Tov E. 2001. "Old Testament Textology". Edited by G. Yastrebov, translated from English by K. Burmistrov, G. Yastrebov. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut svyatogo apostola Andrey. 424 pp. [In Russian]
14. Fedorchuk A. M. 2006. "Finds and mysteries of Abraham Firkovich". Oriental collection. No. 2, pp. 77-88. [In Russian]
15. Firkovich A. 1872. "Avne Zikaron". Vil'no. [In Russian]
16. Hvol'son D. A. 1884. A collection of Jewish inscriptions containing gravestone inscriptions from the Crimea and gravestone and other inscriptions from other places in the ancient Hebrew square script, as well as samples of fonts from manuscripts from the 9th-15th centuries, collected and explained by D. A. Khvolson. Saint-Petersburg: Tipografiya IAN. 538 pp. [In Russian]
17. Hofman A., Koul P. 2013. Sacred rubbish. The Lost and Returned World of the Cairo Geniza. Moscow: Knizhniki. 368 pp. [In Russian]
18. Shapira D. 2004. "The current state of a number of additions to colophons on biblical manuscripts from the first collection of A. S. Firkovich". Proceedings of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies. Edited by R. M. Kaplanova, V. V. Mochalova. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. Part 1, pp. 102-130. [In Russian]
19. Biblia Hebraica. 1937. Edited by R. Kittel, P. Kahle. Stuttgartiae.
20. Elliger K., Rudolph W. 1997. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
21. Dotan A. (ed.). 2001. Biblia Hebraica Leningradensia: Prepared according to the Vocalization, Accents and Masora of Aaron ben Moses ben Asher in the Leningrad codex. Massachusetts: Peabody.
22. Kahle P. 1959. The Cairo Geniza. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 316 pp.
23. Katsh A. I. 1957. Catalogue of Hebrew Manuscripts preserved in the USSR. New York.
24. Pinner H. M. 1845. Prospectus der Odessaer Gesellschaft fur Geschichte und Altertumer gehorenden altesten hebraischen und rabbinischen Manuscripte. Odessa.
25. Strack H., Harkavy A. 1875. Katalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg and Leipzig.
26. Strack H. A. 1876. Firkowitch und Seine Entdeckungen. Leipzig.
27. Freedman D. N. (ed.). 1998. The Leningrad Codex: A facsimile edition. Michigan: Grand Rapids.
28. Yeivin I. 1980. Introduction to the Tiberian Masorah. Edited by E. J. Revell. Chicago: Society of Biblical Literature.

Наталья Владимировна ДРОЖАЩИХ¹
Анастасия Юрьевна БАШМАКОВА²

УДК 81-374

УЧЕБНЫЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

¹ доктор филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода,
Тюменский государственный университет
n.v.drozhashhikh@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5910-2402

² аспирант, ассистент
кафедры английской филологии и перевода,
Тюменский государственный университет
a.y.bashmakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-1432-1273

Аннотация

В статье поставлена проблема создания мультимодального компьютерного словаря с историческим и культурологическим компонентами для обучения иностранным языкам. Актуальность темы исследования связана с развитием компьютерной лексикографии как отрасли прикладного языкознания на пересечении с цифровой гуманитаристикой и цифровой педагогикой, а также с активной разработкой новых методов и инструментов в практике преподавания иностранных языков. Объектом исследования является учебный компьютерный словарь мультимодального типа, визуализирующий развитие слова в лексиконе английского языка; в качестве предмета исследования выступают ключевые лексемы в составе тематического поля «education» в английском языке. Цель статьи — обосновать проблематику создания учебного мультимодального словаря историко-культурологического типа в компьютерной лексикографии. Одной из задач исследования является изучение семантической специфики единиц тематического поля «education»

Цитирование: Дрожащих Н. В. Учебный мультимодальный словарь историко-культурологического типа в преподавании иностранного языка / Н. В. Дрожащих, А. Ю. Башмакова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 43-61.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61

в учебном мультимодальном словаре. Мультимодальный словарь играет важную роль в интерактивном взаимодействии пользователя с виртуальным собеседником, где словарь представлен не только как дополнительный справочник по иностранному языку, но и как многофункциональное средство обучения и получения информации о культуре стран изучаемого языка, в том числе и динамике его развития. Внедрение такого рода словарей в преподавание является залогом успешного погружения в культуру стран изучаемого языка и овладения языковыми компетенциями. В статье представлены элементы типологии и принципов построения компьютерных словарей, отмечена роль мультимодального компьютерного словаря в обучении иностранному языку, предложена модель учебного мультимодального словаря историко-культурологического типа для изучающих английский язык как иностранный; намечены этапы динамического развития лексики в английском языке.

Ключевые слова

Компьютерная лексикография, лингводидактика, учебный словарь, мультимодальность, культуромика, тематическое поле, семантика.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61

Введение

В современной науке о языке происходит активное интегрирование информационных технологий и лингвистического знания. Информационная революция привела к появлению нового феномена — электронного (цифрового) текста, который представлен как в традиционной линейной форме, так и в формах, предназначенных для интерактивного взаимодействия и поиска (гипертекст, корпус, электронный словарь и т. д.). Тексты такого рода содержат автоматически извлекаемую информацию и могут служить источником сведений о языке и культуре. К созданию и изучению корпусов, а также поиску культурного следа в текстах хронологически разной глубины обращаются представители компьютерной/корпусной лингвистики, компьютерной лексикографии, социолингвистики, лингвокультурологии, культуромики, цифровой лингводидактики (А. А. Бонч-Осмоловская, Е. Е. Голубкова, А. А. Зализняк, Н. В. Лукашевич, В. А. Плунгян, В. П. Селегей, У. Л. Гамильтон (W. L. Hamilton), Д. Журавски (D. Jurafsky), Э. Либерман (E. Lieberman), Ж. Б. Мишель (J. V. Michel)). Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных этой проблематике, ряд вопросов еще не получил должного освещения, в частности, не изучена в полной мере возможность создания компьютерных ресурсов для сохранения культурного наследия, фиксирующего изменения в мышлении и лексиконе носителей языка.

В статье рассматривается возможность создания учебного мультимодального словаря, отражающего исторические и культурные изменения в семантике слов посредством мультимедийной визуализации.

В цифровой гуманитаристике много говорят о «новом» пользователе словаря — «уроженце Интернета» (digital native), привыкшем получать информацию через цифровые каналы [6, с. 75]. Такой пользователь требует создания кардинально нового словаря, включающего множество ресурсов и культурно значимых текстов, отражающих ключевые слова эпохи. В этом случае необходимо учитывать гипермедиальность контента (совмещение разных типов знаков — фотографии, гипертекст, схемы, звук, видео и т. д.) и его интерактивность (возможность осуществлять различные режимы взаимодействия составителя словаря и его пользователя) [9, с. 50]. В настоящее время разработка компьютерных словарей представляет собой перспективное и активно развивающееся направление современной лексикографии. В качестве крупнейших лексикографических ресурсов следует отметить такие корпуса данных и тезаурусы, как Национальный корпус русского языка [12]; Британский Национальный корпус [2]; Исторический тезаурус английского языка [36]; Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных [4] и др. Однако, несмотря на ряд теоретических работ в данной отрасли и основополагающие лексикографические ресурсы, учебные мультимедийные словари историко-культурологического характера представлены недостаточно. Между тем создание таких учебных ресурсов и их моделей необходимо. Разработка модели мультимодального словаря будет способствовать решению актуальных проблем традиционной и компьютерной лексикографии, в частности снятию трудностей в представлении лексического/грамматического материала и синтаксической информации, иконическому представлению семантики слова, учету исторического и культурного фона, а имплементация словаря в практику преподавания позволит реализовать его дидактическую направленность [16, с. 185]. Создание компьютерного словаря, включающего различные — текстовый, визуальный, аудио-, видео-форматы представления данных с опорой на диахронические корпуса данных, позволяет говорить о словаре, востребованном в современном образовательном процессе.

Теоретические предпосылки исследования

Лексикография — один из старейших разделов прикладного языкознания, занимающийся составлением словарей (В. П. Берков, А. С. Герд, В. И. Даль, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, С. И. Ожегов, Д. Н. Ушаков, Н. Ю. Шведова, Ю. И. Шемакин, Дж. Эйчисон (J. Aitchison), К. Дуден (K. Duden), А. С. Хорнби (A. S. Hornby), С. Джонсон (S. Johnson), П. Ларусс (P. Larousse), К. Кей (C. Kay), Дж. Мюррей (J. Murray), П. М. Роже (P. M. Roget), М. Сэмюэлс (M. Samuels), Н. Уэбстер (N. Webster)). Важнейшим объектом лексикографии является словарь как квинтэссенция духа народа, отражающая типичные способы номинации понятий, объектов, процессов и атрибутов. Среди большого количества словарей, отличающихся по различным параметрам (объему лексики, метаязыку, функциям и т. п.) [17, с. 11], особо выделяются толковые, исторические, этимологические, страноведческие, энциклопедические словари и тезаурусы, позволяющие представить слово как сгусток культурной информации в ее статике и динамике — важных аспектах для обучающегося.

На смену традиционным словарям приходит *компьютерный* (*электронный, автоматический, машинный*) словарь, который упрощает использование лексикографического ресурса пользователем и значительно ускоряет обработку и поиск информации. Это многофункциональный ресурс, реализующий образовательную, нормативную, информационно-вспомогательную, систематизирующую и иные функции [22, с. 9].

Созданием электронных словарей занимается компьютерная лексикография — новая отрасль прикладной лингвистики. Формирование данной отрасли стало возможным благодаря прогрессу в развитии информационных технологий. Неслучайно наряду с термином *компьютерная* говорят также о *машинной, вычислительной, электронной, автоматизированной, кибернетической* лексикографии [см. 17, с. 20]. Компьютерная лексикография включает методологию, базы данных, программное обеспечение, которое позволяет обрабатывать и представлять информацию в электронном виде [см. 1, с. 28; 24, с. 65; 5, с. 189]. Помимо создания словарной базы важной составляющей компьютерной лексикографии становятся встроенные в текстовые процессоры орфографические словари, а также другие информационно-программные продукты, осуществляющие обработку естественного языка на различных электронных устройствах (компьютеры, планшеты, смартфоны и т. п.) [21, с. 2]. Компьютерная лексикография использует весь спектр технологий для создания инструментов интеракции «человек — компьютер» [см. 14, с. 88]. Это специальные программы, которые формируют и хранят лексические статьи [1, с. 28]. Разработка, широкое распространение и использование лингвистических корпусов в научных исследованиях способствуют развитию корпусной лексикографии, позволяющей производить обработку большого количества лексических и грамматических данных [14, с. 89]. Использование языкового материала в корпусе дает возможность учитывать актуальные и релевантные языковые данные, основанные на частотности лексем. Модели словарей, базирующиеся на корпусах данных, ориентированы на широкое представление семантической истории слова.

С развитием компьютерных технологий словари меняют свой формат и принципы составления, но остаются важной составляющей лингводидактики. Такие лексикографические работы, как «Электронный словарь английских и русских фитонимов» (Н. А. Сивакова, 2004); «Мотивационно-сопоставительный словарь предметно-бытовой лексики русского и английского языков» (Н. В. Шафтельская, 2013); «Электронный переводной словарь-справочник естественнонаучных омонимичных терминов» (И. С. Волошина, 2015); «Электронный идеографический словарь: Русский тематический словарь» (Г. Ф. Богачёва, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова, 2017); «Русско-татарско-англо-испанский иллюстративный словарь для детей» (Г. Р. Сафиуллина, 2018); «Сопоставительный лингвокультурологический словарь пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков» (Дж. Помаролли, 2018) и многие другие, предназначены для изучающих родной/иностранный языки и являются важным ресурсом для монолингвистических/сопоставительных исследований.

В современной компьютерной лексикографии словарь должен содержать богатый экстралингвистический материал, иметь большую культурологическую ценность и быть направленным на пользователя (об антропоцентризме в разработке лексикографических произведений см. [16, с. 186]). В идеале этот словарь должен быть историческим — отражать историю слова на всех этапах развития языка. Отдельные аспекты анализируемой проблематики отражены в специальных работах, посвященных изучению культурологических концептуализаций в словаре [7, 13, 30]; этимологии и семантических изменений лексемы в развитии языка [34, 35, 40] и исторических текстов для построения диахронических словарей [25]. Широкое развитие получила методология создания диахронических корпусов и визуализации лексикографических ресурсов, предпринятая в [32, 37]. Интересной в этой связи представляется проблематика культуромики (culturomics) — гуманитарной дисциплины, изучающей большие массивы культурно значимых текстов и культурные тренды в истории слов [31]. Исследователи показали, как на протяжении хронологически разных отрезков времени меняются тексты, ключевые слова и понятия. Проект Google Ngram Viewer на базе цифровой библиотеки Google Books [29] позволяет изучать культурные модели для определенных этапов развития языка. Схожие проекты предложены в Центре Digital Humanities НИУ «Высшая школа экономики» («Имена Времени», рук. А. А. Бонч-Осмоловская). Иконографика для Национального корпуса русского языка наглядно иллюстрирует изменения в употреблении культурно значимых лексем.

Несмотря на то, что отдельные аспекты изучаемой проблематики вскрываются в работах отечественных и зарубежных исследователей, специализированных работ, позволяющих визуализировать семантическую историю слова в ее широте и культурном охвате, по нашим данным, меньше. Комплексного исследования представленной в статье проблемы в современной лингвистике мы не встретили. Между тем компьютерный словарь такого рода необходим: электронный формат представления языковых данных и связанные с этим возможности, недоступные для бумажной версии словаря, выделяют его как «особый лексикографический объект» [18, с. 1; 1, с. 28; 15, с. 2]. К важнейшим параметрам такого словаря относится актуальность информации (бумажные версии быстро устаревают), богатые возможности интерфейса (показ различных граней содержания словарной статьи, возможность визуализации языковых изменений), снятие статичности бумажного словаря (пополнение словаря и коррекция данных), неограниченность объема [17, с. 20; 18, с. 2; 23, с. 182]. Интерактивные средства (аудио, видео, анимация, игры, форумы, заметки) [2, с. 181], формирующие мультимодальность словаря, представляют значительные преимущества при изучении иностранного языка.

Мультимодальность как синергия различных форматов подачи информации (текстовый, гипертекстовый, визуальный, аудио-, видео- и т. д.) представляет собой гибридный семиотический код, который расширяет возможности коммуникации, поскольку усиливает совместное действие значений и смыслов, выраженных в лексиконе.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования выступают единицы тематического поля «education» в английском языке. Для анализа тематического поля и динамики его развития в статье использовались методы семантического и тематического анализа, этимологического и диахронического анализа слов, визуализации данных.

Методика семантического и тематического анализа демонстрирует принципы отбора лексических единиц в интерактивный словарь. В поле отбираются единицы различных частей речи на основе равноуровневых признаков, связанных с понятием 'обучать, учить'.

Этимологический и диахронический анализ вскрывает наиболее раннюю семантику изучаемого слова, позволяет определить лексемы, номинирующие то или иное понятие, и проследить историю их развития. Язык — это живая система, подверженная количественным и качественным изменениям и находящаяся в состоянии непрерывного движения. Наиболее заметными при этом являются изменения в семантике слов: слово выступает как центральная единица языка (А. И. Смирницкий). Каждая историческая эпоха характеризуется ключевыми понятиями, присущими тому или иному историческому периоду. Трансформация этих понятий влечет за собой изменения в лексиконе языка и лексической семантике. Учет исторического и культурологического компонентов в разрабатываемом словаре способствует более глубокому изучению культуры стран изучаемого языка и динамики его развития.

При подготовке и написании статьи авторы использовали следующую нотацию. При анализе лексем и текстовых примеров в круглых скобках дата рядом с лексемой/значением указывает на первое вхождение слова/значения в лексикон; дата рядом с текстовым примером указывает на дату источника примера. Этимология и примеры взяты из Оксфордского исторического словаря [33], англосаксонского словаря Дж. Босворта и Т. Н. Толлера [26] и словаря К. Д. Бака [27]. Перевод примеров выполнен авторами.

Основной метод, применяемый в работе, — метод лексикографического моделирования. Он позволяет определить тематическую ориентацию словаря, его адресата, принципы отбора единиц в словник, макро- и микроструктуру словаря [11]. Учебный словарь, нацеленный на изучение иностранного языка, должен быть направлен на развитие мотивации студента к самостоятельной учебной деятельности для овладения иноязычной лексикой. Словарь становится многофункциональным ресурсом, реализующим справочную, систематизирующую, учебную и нормативную функции.

Для успешного усвоения информации обучающимися и с целью задействовать одновременно несколько чувственных рецепторов при изучении нового материала педагоги часто используют различные средства визуализации. Визуализация — это представление информации (текстовой или числовой) в виде изображений, диаграмм, графиков, таблиц, карт или схем. Визуальная информация дополняет текст и улучшает восприятие материала. Исследователи выделяют множество различных техник визуализации, например, таймлайн,

интеллект-карта, скрайбинг, инфографика, древовидная/тепловая карты. Тайм-лайн — это временная шкала, на которую в хронологической последовательности наносятся события; интеллект-карта — это ментальная или ассоциативная карта; скрайбинг — это визуализация информации при помощи графических символов (И. Н. Васильева, О. Г. Сорока). Важными источниками материала, используемыми в учебных целях, служат лексикографические онлайн-ресурсы [38, 39, 28, 36], позволяющие привлечь внимание и стимулировать интерес обучающихся.

Учебный словарь является приложением к основным курсам по лингвистике: «Теория языка», «Древние языки и культуры», «Лексикология английского языка» и др.

Модель учебного мультимодального словаря

Модель мультимодального историко-культурологического словаря, предложенная в статье, — это модель учебного идеографического (тематического) словаря, в котором единицами являются культурно значимые слова и словосочетания (дескрипторы), связанные парадигматическими/синтагматическими отношениями. Макроструктура словаря включает тематические совокупности слов, их хронологическую разметку, этимологию, иерархические/ассоциативные отношения, указатель дескрипторов.

Модель учебного мультимодального словаря является обширной базой данных, системным многофункциональным справочным пособием и средством обучения. Словарь такого типа антропоцентричен — ориентирован на конечного пользователя. Он предоставляет контекст употребления лексем, экстралингвистическую и историческую информацию; снабжен гипертекстуальным доступом, соединяющим словарь с базами данных, лежащими в его основе. Он визуализирует динамику культуры, представляя семантическую историю слова.

Принципы визуализации слова в предлагаемом словаре раскрываются посредством обращения к референтному для нас ресурсу — интерактивному визуальному тезаурусу (The Visual Thesaurus®, разработка американской компании Thinkmap, Inc.). Визуальный тезаурус — это интерактивный словарь идеографического типа, создающий *лексические карты* (word maps) (ресурс насчитывает более 145 000 слов английского языка и 115 000 значений) [37]. «Лексические карты включают соцветия значений и ветви смежных слов» (перевод наш. — Н. Д., А. Б.) [37]. Интерактивность словаря позволяет по-новому относиться к лексикону языка, мотивирует изучение и понимание языка, что особенно важно для лингводидактики.

Лексические карты строятся на базе семантических отношений: antonym (антонимические отношения); pertains to (принадлежность); derived from (производное слово); entails (причинно-следственные отношения); verb group (глагольная группа); attribute (определение); see-also (набор смежных значений); is similar to (синонимические отношения); is a type of, is a part of, is made of, is a member of (отношения части/целого); domain category (родовая категория)

и т. д. Пользователь может задать в строке поиска лексему, а тезаурус составит схему — сеть связанных с ней слов. Пользовательский интерфейс состоит из *центрального окна*, в котором отображаются слова и смежные значения; *панели инструментов*, позволяющей осуществлять навигацию, просматривать историю и выставлять настройки поиска; *поля значений*, представляющего морфологическую и грамматическую информацию о слове, а также множество семантических значений в зависимости от части речи (рис. 1).

Обучающийся получает возможность интерактивно переключаться между лексемами, тем самым углубляясь в семантические отношения, где центром может стать любое слово с периферии первоначального запроса. В отличие от бумажного словаря, визуальный тезаурус позволяет нелинейно исследовать семантические особенности лексики в тот момент, когда пользователь интуитивно перемещается от слова к слову и строит собственные ассоциативные связи, способствующие лучшему усвоению новой лексики.

Несмотря на преимущества данного визуального тезауруса, существенным недостатком ресурса является отсутствие исторического компонента словаря (это словарь идеографического типа, не принимающий во внимание этимологию и историю развития слова). Предпринятое нами исследование позволяет не только визуализировать ключевые слова тех или иных тематических полей, но и раскрыть их подлинную историю в связи с историей развития носителей языка и культуры.

Семантическая динамика тематического поля «education» в модели учебного словаря

В современном английском языке поле «education» состоит из 6 тематических подгрупп *education, study, discipline, school, examine, learn*, представленных 115 единицами. Тематические подгруппы включают следующие базовые лексемы: **education** — educate, didactics, training, instruction, teaching, pedagogy, breeding, educational activity, profession, learning, acquisition, cognitive content, mental object, content; **study** — learn, take, consider, report, written report, analyze, examine, canvass, survey, work, musical composition, opus, piece, composition, piece of music, cogitation, memorizer, sketch, read, contemplate, bailiwick, discipline, field, meditate, field of study, subject, subject area, subject field, hit the books, room; **discipline** — study, subject, subject area, subject field, field, bailiwick, system of rules, system, sort out, correct, trait, indiscipline, correction, grooming, preparation training, train, condition, check; **school** — school, educate, train, schooltime, cultivate, civilize, schoolhouse, swim, shoal, school day, schooling, educational institution, staff, faculty, school teacher, body; **examine** — examine, study, analyse, canvas, test, prove, essay, see, try out, probe, try, query, question; **learn** — learn, teach, memorize, take, study, read, con, get word, get wind, get a line, discover, pick up, hear, determine, check, ascertain, watch, larn, see, find out, instruct, acquire. Ряд лексем (*study, educate, learn, examine, train* и др.) входят сразу в несколько тематических групп.

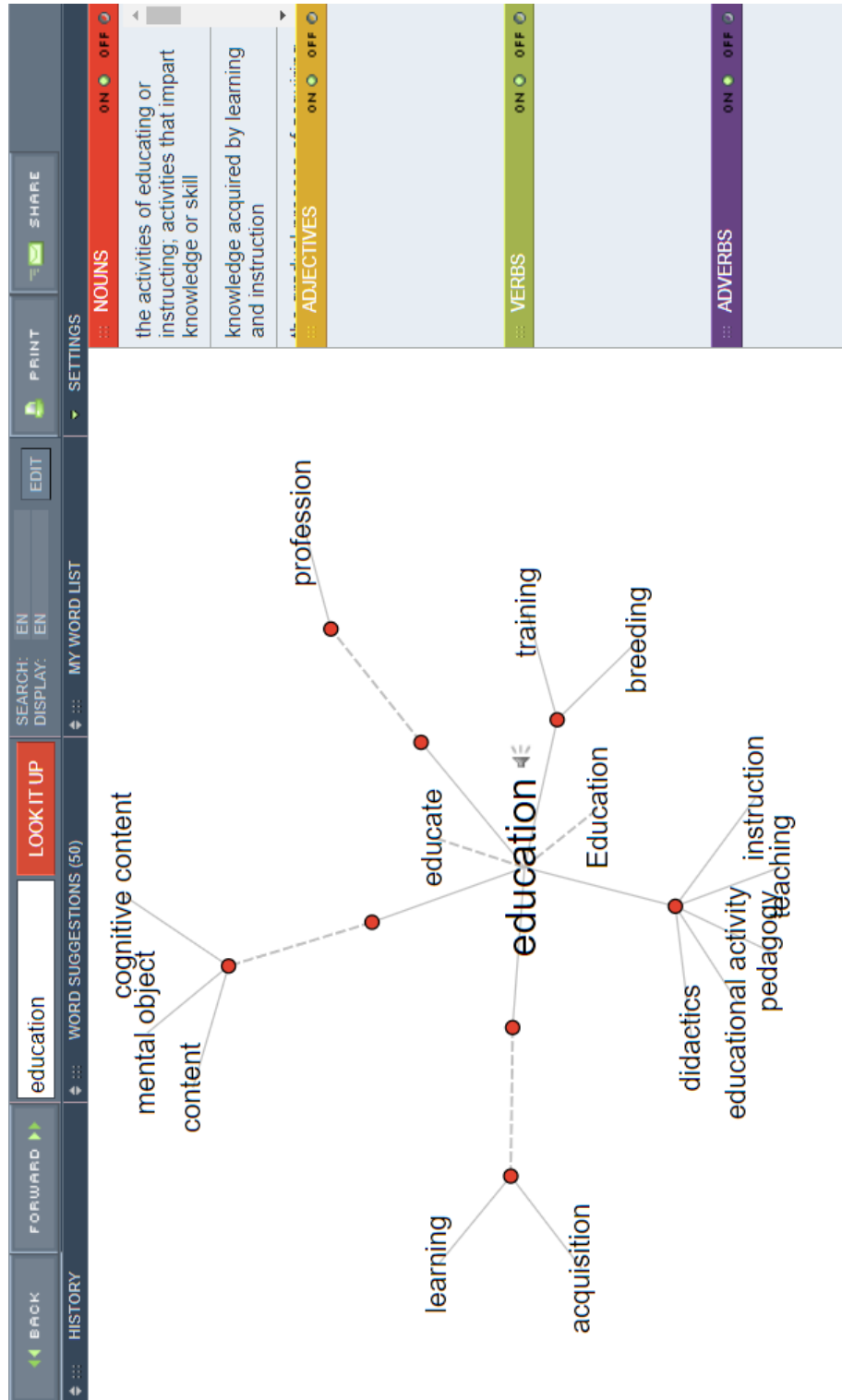

Fig. 1. The Visual Thesaurus Interface

Рис. 1. Интерфейс интернет-сервиса The Visual Thesaurus

Базовые лексемы, связанные с процессом обучения в истории английского языка, включают глаголы *learn, teach, study, educate*. Эти лексемы маркируют ключевые этапы развития понятий ‘учить/учиться’ и ‘обучать’.

Диахронический анализ демонстрирует, что в древне- и среднеанглийском языке (VII-XV вв.) тематическое поле «education» включало такие ключевые единицы, как глаголы *tæcan* ‘показывать, учить’ (888); *(ge)læran* ‘приобретать знание, учиться; учить’ (900); *wisian* ‘указывать путь, направлять’; ‘обучать’ (975); *(ge)tyhtan* ‘тренировать, дисциплинировать’ (1000); *(ge)teon* ‘обучать, учить’ (1000); *geþeawian* ‘инструктировать’ (1200); *inform* (1330); *form* (1340); существительные *lar* ‘знание, учение, наставление, обучение, знание, наука, проповедь, учение, догма’ (971); *wise* ‘способ, манера, расположение, обучение, расположение, направление’ (971); *tæcing* ‘учение, доктрина’ (1175); *information* (1386); *erudition* (1400); *instruction* (1412).

Глагол *læran* — многозначный. Его семантическая структура включает значения ‘учить, наставлять, воспитывать, проповедовать религиозное учение, учить догме, предписывать правило, увещевать, советовать, убеждать, внушать’ (*Anra manna gehwylcne ic myngie and lære ðæt anra gehwylc hine sylfne ongyte* «Я увещеваю и убеждаю каждого человека понять самого себя», 971). Религиозная семантика характерна для раннего этапа развития письменности и литературы Британии. В древнеанглийский период развиваются значения ‘приобретать знание в результате опыта, обучения, учебы’ (900); ‘приобретать знание о предмете, обучаться’ (971); ‘приобретать знание, знакомиться с чем-либо’ (1200); ‘учить’ (1200). Значения глагола ‘приобретать знания, учиться’ и ‘обучать, учить’ по-разному распределяются в германских языках: значение ‘учиться’ характерно для древнеанглийского и древневерхненемецкого языков — др.-англ. *leornian*, др.-верхненем. *lernen* ‘учиться’; значение ‘учить’ — для древнеанглийского, готского и древненорвежского языков — др.-англ. *læran*; гот. *laisjan*; др.-норв. *læra* ‘учить’.

К концу XVII в. выходит из употребления значение ‘информировать кого-либо’ (1425); становятся редкими словоупотребления типа ‘учить кого-то чему-то’ (1377) (*Many tales ge tellen that Theologye lerneth*, 1477). Основное значение ‘передавать знания, учить’ в современном английском языке (за некоторыми исключениями) не используется.

Глагол *tæcan* ‘показывать, учить’ включает в семантическую структуру несколько значений: ‘представлять; показывать путь; направлять, назначать; обращаться к разуму путем объяснения, учить’ (*Se Halga Gast ðe tæhþ rihtwisnysse* «Святой Дух, который учит благочестию», 1000); ‘обозначать, означать’. Данные значения развиваются примерно в один и тот же период: ‘информировать, обучать’ (971) ‘учить, обучать’ (1000); ‘передавать знание как учитель’ (1000). Знание в ранний период развития языка считалось Божественным, его освоение и передача были долгом клирика и монаха [20]. Более ранние значения лексемы — ‘информировать’ (888); ‘показывать (человеку) путь; направлять, вести, сопровождать, направлять’ (893); ‘показывать, что должно, направлять, назначать,

предписывать' (897); 'показывать, указывать' (900) (*Ic tæce sumum men his wæg* «Я показываю людям путь», 1000) — к концу XVI в. выходят из употребления.

Глаголы *learn* и *teach*, относящиеся к древнеанглийскому периоду, отсылают к таким ключевым идеям эпохи, как 'оставлять след', 'следовать за учителем', 'вести за собой' (*læran*) и 'показывать (путь)', 'подавать знак' (*tæcan*). Эта семантика восстанавливается посредством этимологического анализа германских лексем (ср. гот. *laists*, др.-англ. *last* 'след, шаг, путь', лат. *lira* 'борозда, колея'; др.-англ. *tæcan* 'показывать, указывать, учить', др.-верхненем. *zeihhan*, гот. *taikns* 'знак', гот. *taiknjan* 'показывать'). И хотя в истории индоевропейских языков в качестве этимонов лексем со значением 'учить' выступают значения 'брать', 'получать', 'приобрести' в значении 'мысленно присвоить' — 'получить', 'натолкнуться', 'привыкнуть', 'найти' (ср. др.-норв. *nema* 'учиться' формируется на базе исходного значения 'брать, схватить'), в основе глаголов *learn* и *teach* лежит семантика прокладывания пути, следования, демонстрации примера, знака на основе религиозной доктрины.

В среднеанглийский период в лексикон языка входит глагол *study*, передающий комплекс значений, связанных с обучением: 'использовать ум для приобретения знаний' (*The noble Plato he studied in the science of Astronomie*, 1450); 'сосредоточенно думать' (1340); 'внимательно читать' (1422); 'быть студентом' (1450); 'направить ум на овладение наукой, искусством, языком' (1445) (*Happy he, who studieth prudence on anothers books*, 1634); 'заниматься определенной областью знания' (1569); 'изучать проблему' (1600). Еще более интересно имя существительное *study*, семантическая структура которого включает такие значения, как: 'умственный труд, чтение и размышление, направленные на учение, литературное сочинение, изобретение и т. п.' (1300) (*Of studie took he mooste cure and moost heede*, 1386); 'учеба, умственное усилие; внимательное чтение, тщательное изучение' (1300); 'мысль или медитация, направленная на достижение цели; усилия' (1390); 'тщательный предварительный набросок будущего произведения искусства' (1769); 'дискурс или литературное произведение, посвященное подробному рассмотрению какого-либо вопроса' (1866) и др. Этимон лексемы *study* несет ключевую идею 'привязанности, преданности, усердия, кропотливости, рвения' (< лат. *studium*).

В ходе развития языка многие из значений многозначного глагола *study* становятся архаичными, выходят из употребления, в частности значения 'медитировать' (1300); 'настроиться на работу' (1340); 'пристраститься, настроить ум на что-либо, направить усилия на что-либо' (1382); 'упражняться, использовать мысль' (1450); 'стремиться к достижению чего-либо' (1606). Существительное теряет значения 'состояние умственного замешательства, беспокойство' (1290); 'привязанность, дружба, преданность благу другого; пристрастное сочувствие; желание, склонность; удовольствие, интерес' (1374) (*Therefore brethren, gather you, the disposition and study of the children, by the disposition and studie of the fathers*, 1537); 'работа, занятие, стремление' (1374); 'место обучения, университет' (1387); 'комната или шкаф с книгами' (1538).

В ранненовоанглийский период и позднее словарь пополнился такими лексемами и коллокациями, как глаголы *instruct* (1500); *nurture* (1526); *manure* (1540); *train* (1542); *breed* (1570); *lick into shape* (1612); существительные *culture* (1510); *nurturing* (1535); *training* (1537); *trainment* (1570); *train* (1581); *education* (1616); *schoolcraft* (1629); прилагательные *scientific* (1597); *disciplinary* (1644); *educational* (1652); *eruditional* (1657); *educative* (1856); *educationary* (1879) и др. [33].

Глагол *educate* входит в словарь английского языка в конце XVI в. (1588) в значении ‘обучать, обеспечивать школьное образование’; в начале XVII в. (1607) Оксфордский исторический словарь отмечает употребление слова в значении ‘вращивать, кормить (детей, животных), удовлетворять их физические потребности, воспитывать’. В конце XVII столетия данное значение становится архаичным и прекращает существование. Расширение семантической структуры слова приводит в начале XVII в. (1618) к появлению значения ‘воспитывать детей, формируя их привычки, манеры, интеллектуальные и физические способности’ (ср. *The youth of a people should be educated in forms and strains of virtue*, 1875). Такое важное для образования понятие, как ‘обучать человека для развития интеллектуальных и нравственных качеств; образовывать’ (*In my eyes the question is not what to teach, but how to Educate*, 1849), вербализуется посредством данного глагола в середине XIX в. Его формирование происходит параллельно с объективацией в языке смежного значения ‘тренировать человека, умственную/физическую черту для развития способностей’ (1841).

Ключевой идеей периода становится тезис, приведенный выше: *the question is not what to teach, but how to educate* «вопрос не в том, чему учить, а как образовывать» и противопоставляющий понятия *teach* и *educate* — ‘учить’ и ‘образовывать’. Примечательно, что этимолоном лексемы служит уже знакомое нам значение ‘вести вперед’ (< лат. *edūcĕre*; *ē* ‘из, наружу’ + *dūcĕre* ‘вести’). Важным представляется вывод о трансформации идей получения и передачи Божественного знания, следования за учителем, показывающим путь, — через усердие, любовь и рвение — к всеобъемлющему развитию ментальных и нравственных способностей обучающегося, включающих воспитание души.

Ключевые идеи, выраженные анализируемыми лексемами и охватывающие большой отрезок на хронологической шкале (X-XIX вв.), представляют значительный интерес для изучающих английский язык и культуру его носителей. Визуализация семантической истории лексем позволяет зримо приблизиться к постижению истории народа и его культуры.

Заключение

Цель исследования состояла в обосновании проблематики учебного мультимодального словаря в компьютерной лексикографии. Анализ семантического развития лексем английского языка показал, что история слова несет важную информацию для обучающихся и позволяет проникать вглубь векового развития лексикона, а словарь историко-культурологического типа может отразить в интерактивной словарной статье необходимую историко-культурную информацию.

В основу модели учебного мультимодального словаря для изучающих английский язык как иностранный легли результаты изучения тематического поля «education». У разработчика словаря появилась возможность зафиксировать и проанализировать семантические трансформации в диахронии посредством использования методов диахронической лингвистики, а у пользователя словаря — проследить за этими изменениями на широкой хронологической шкале.

Предлагаемый словарь — мультимедийный, он содержит иллюстрации, видео, музыку, аудиофайлы, отрывки культурно значимых текстов. Он интерактивен: пользователь имеет возможность изменять параметры поиска по различным критериям, принимая во внимание хронологию слова, его этимологию, релевантные контексты, частотность, семантику, примеры употребления. Отличительной особенностью словаря является учет исторического развития семантики слова, визуально представленной на интерактивной хронологической шкале. Обучающие могут увидеть, как семантика слова вписывается в один из векторов развития культурного тренда.

Наглядность, интерактивность, нелинейность, динамичность, историчность, антропоцентричность, культурологическая ориентированность представляют важнейшие параметры создания и функционирования разрабатываемого словаря, который можно охарактеризовать как словарь культурных идей эпохи. Слово в таком словаре выступает как проводник в мир вечно меняющихся культурных смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева М. В. Компьютерная лексикография в системе практической и теоретической лексикографии / М. В. Авдеева // Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (5 декабря 2012 г.). Пенза — Репт: Социосфера, 2012. С. 26-28.
2. Березовская Е. А. Современная лексикография: возможности электронных словарей / Е. А. Березовская, Е. В. Сухова // Русский язык: человек, культура, коммуникация — IV: сб. материалов Междунар. науч. конф. (15 апреля — 15 мая 2014 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 179-183.
3. Британский Национальный корпус. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
4. Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных. URL: <https://starling.rinet.ru>
5. Ваулина Е. Ю. Толковый словарь. Возможности электронной версии / Е. Ю. Ваулина // Структурная и прикладная лингвистика. 2007. № 7. С. 187-196.
6. Голубкова Е. Е. Новый облик современной лексикографии: будет ли существовать словарь через 20 лет? / Е. Е. Голубкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 20 (706). С. 73-80.
7. Згировская О. Г. Культурный компонент в семантике лексических единиц и его фиксация средствами лексикографии (на примере словарных статей на букву ж «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля) / О. Г. Згировская // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 11-23. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23 (дата обращения: 13.11.2020).

8. Исторический тезаурус английского языка. URL: <https://ht.ac.uk>
9. Кантышева Н. Г. Гипермедиаальные структурные элементы представления специальных знаний в компьютерной лексикографии / Н. Г. Кантышева // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). Филология. Искусствоведение. Вып. 71. С. 47-50.
10. Карпова О. М. Английская лексикография: учебное пособие / О. М. Карпова. М.: Академия, 2010. 176 с.
11. Лингвистическое моделирование: коллективная монография / под ред. В. Д. Табанаковой и др. Тюмень: Вектор Бук, 2009. 186 с.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
13. Новикова Т. Ф. Устаревшая лексика как лингвокультурный феномен и ее роль в формировании интереса к родному языку / Т. Ф. Новикова, С. Е. Терехова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). С. 19-26.
14. Палкова А. В. Основные понятия электронной лексикографии / А. В. Палкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 88-93.
15. Перванов Я. А. Заметки по электронной лексикографии / Я. А. Перванов. 2011. URL: <https://arxiv.org/abs/1107.1753> (дата обращения: 30.11.2019).
16. Пиотух К. В. Из истории развития английской лексикографии (лексикографический анализ словаря Chambers's Twentieth Century Dictionary of the English Language printed in 1901, reprinted in 1911. Edinburgh: W. & R. Chambers) / К. В. Пиотух // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 181-186.
17. Рублёва О. С. Слово в электронном словаре (с позиций пользователя электронными ресурсами): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Рублёва; Вятский гос. ун-т. Тверь, 2010. 20 с.
18. Селегей В. Электронные словари и компьютерная лексикография / В. Селегей; Ассоциация лексикографов Lingvo. URL: <https://docplayer.ru/36764723-Elektronnye-slovari-i-kompyuternaya-leksikografiya.html>
19. Сорокина Ю. В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса / Ю. В. Сорокина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76): в 3 ч. Ч. 1. С. 168-170.
20. Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 632 с.
21. Филиппович Ю. Историческая компьютерная лексикография — terra incognita в компьютерном мире / Ю. Филиппович, М. Чернышева // Компьютерра. 1999. № 45 (323). С. 45-50.
22. Чумарина Г. Р. Теория и практика составления электронных словарей (на материале татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Чумарина; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2010. 28 с.
23. Шляхова А. В. Электронный словарь и его специфика / А. В. Шляхова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2008. № 1. С. 181-185.
24. Щипицина Л. Ю. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие / Л. Ю. Щипицина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 128 с.

25. Amoia M. Using comparable collections of historical texts for building a diachronic dictionary for spelling normalization / M. Amoia, J. M. Martinez // Proceedings of the 7th Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities (Sofia, Bulgaria, August 8, 2013). Sofia, 2013. Pp. 84-89.
26. Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online / J. Bosworth, T. N. Toller. URL: <https://bosworthtoller.com/>
27. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages / C. D. Buck. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
28. Fine Dictionary. URL: <http://www.finedictionary.com>
29. Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>
30. Hamilton W. L. Cultural shift or linguistic drift? Comparing two computational measures of semantic change / W. L. Hamilton, J. Leskovec, D. Jurafsky // Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Austin, Texas: Association for Computational Linguistics, 2016. Pp. 2116-2121. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/D16-1229>
31. Lieberman E. et al. Quantifying the evolutionary dynamics of language / E. Lieberman et al. // Nature. 2007. Vol. 449. No. 7163. Pp. 713-716.
32. Metola Rodríguez D. From traditional to electronic lexicography: the dictionaries of Old English / D. Metola Rodríguez // Lexicography. 2018. Vol. 4. No. 7. Pp. 1-15.
33. Oxford English Dictionary / Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com>
34. Rosin G. D. Generating timelines by modeling semantic change / G. D. Rosin, K. Radinsky // Proceedings of the 23rd Conference on Computational Natural Language Learning (Hong Kong, China, November 3-4, 2019). Hong Kong, 2019. Pp. 186-195.
35. Schlechtweg D. SemEval-2020 Task 1: unsupervised lexical semantic change detection / D. Schlechtweg, B. McGillivray, S. Hengchen, H. Dubossarsky, N. Tahmasebi // Proceedings of the 14th International Workshop on Semantic Evaluation (Barcelona, Spain (Online), December 12, 2020). Barcelona, 2020. Pp. 1-23.
36. The Historical Thesaurus of English. URL: <https://ht.ac.uk/heatmap/>
37. The Visual Thesaurus / Thinkmap, Inc. URL: <https://www.visualthesaurus.com>
38. Visuwords. Visual Dictionary. Visual Thesaurus. Interactive Lexicon. URL: <https://visuwords.com>
39. WordVis. The Visual Dictionary. URL: <http://wordvis.com>
40. Zalizniak A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later / A. Zalizniak // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. Iss. 4. Pp. 770-787.

Nataliya V. DROZHASHCHIKH¹
Anastasiya Yu. BASHMAKOVA²

UDC 81-374

MULTIMODAL LEARNER'S DICTIONARY WITH HISTORICAL AND CULTURAL COMPONENTS IN EFL CLASSROOM

¹ Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of English Philology and Translation Studies,
University of Tyumen
n.v.drozhashchikh@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5910-2402

² Postgraduate Student, Teaching Assistant,
Department of English Philology and Translation Studies,
University of Tyumen
a.y.bashmakova@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-1432-1273

Abstract

This article studies the problem of making a multimodal computer dictionary with historical and cultural components for EFL classrooms. The relevance of the research topic is associated with the development of computer lexicography as a branch of applied linguistics at the intersection with digital humanities and digital pedagogy, as well as with the active development of new methods and tools in the practice of teaching foreign languages. The object of the research is a multimodal learners' computer dictionary that visualizes semantic changes in lexicon of the English language, in particular, the key lexemes of the thematic field "education". The purpose of this article is to substantiate the problems of creating an educational multimodal dictionary of a historical and cultural type in computer lexicography.

One of the objectives of the research is to study the specific semantic features of the units in the thematic field "education" in the multimodal learner's dictionary. The multimodal dictionary plays an important role in the interaction of the user with the virtual system, where the dictionary is not only an additional reference book but also a multifunctional means of teaching

---

Citation: Drozhashchikh N. V., Bashmakova A. Yu. 2021. "Multimodal Learner's Dictionary with Historical and Cultural Components in EFL Classroom". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 43-61.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61

---

and obtaining information about the culture of the target language countries, including the dynamics of its development. The introduction of such dictionaries into teaching is the key to successful immersion in the culture of the target language country and mastering language competencies.

This article presents the elements of typology and principles of building computer dictionaries, notes the role of a multimodal computer dictionary in teaching a foreign language, and proposes a model of a learner's multimodal dictionary of historical and cultural type for EFL classroom, as well as outlines the stages of dynamic development in English vocabulary.

Keywords

Computer lexicography, linguodidactics, learner's dictionary, multimodality, culturomics, thematic field, semantics.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61

REFERENCES

1. Avdeyeva M. V 2012. "Computer lexicography in the system of practical and theoretical lexicography". Proceedings of the International Research Conference "Topical Issues of Theory and Practice of Linguistic and Cultural Lexicography". Pp. 26-28. Penza; Rasht: Sotsiosfera. [In Russian]
2. Berezovskaya Ye. A., Sukhova Ye. V. 2014. "Modern lexicography: possibilities of electronic dictionaries". Proceedings of the International Scientific Conference "Russkiy yazik: chelovek, kultura, kommunikatsiya — IV". Pp. 179-183. [In Russian]
3. British National Corps. <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
4. Tower of Babel. Etymological database project. <https://starling.rinet.ru>
5. Vaulina Ye. Yu. 2007. "Dictionary. Possibilities of the electronic version". *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. Vol. 7, pp. 187-196 [In Russian]
6. Golubkova Ye. Ye. 2014. "New look of modern lexicography: will the dictionary exist in 20 years?". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 20 (706), pp. 73-80. [In Russian]
7. Zgirovskaya O. G. 2018. "Cultural component in the semantics of lexical units and its fixation by means of lexicography (on the examples of dictionary entries (letter Ж) in the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" of V. Dahl)". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*. No. 1, pp. 14-23. Accessed 13 November 2020. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23 [In Russian]
8. Historical thesaurus of the English language. <https://ht.ac.uk>
9. Kantysheva N. G. 2012. "Hypermedial structural elements of the presentation of special knowledge in computer lexicography". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 32 (286). *Filologiya. Iskusstvovedeniye*. Vol. 71, pp. 47-50. [In Russian]
10. Karpova O. M. 2010. *English Lexicography. Textbook*. Moscow: Akademiya. 176 pp. [In Russian]
11. Tabanakova V. D. et al. (eds.). 2009. *Linguistic Modeling: Collective Monograph*. Tyumen: Vektor Buk. 186 pp. [In Russian]

12. National Corpus of the Russian Language. <https://ruscorpora.ru/new/> [In Russian]
13. Novikova T. F., Terekhova S. Ye. 2014. "Obsolete vocabulary as a linguocultural phenomenon and its role in the formation of interest in the native language". Belgorod: Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. No. 6 (177), pp. 19-26. [In Russian]
14. Palkova A. V. 2015. "Basic concepts of electronic lexicography". Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. No. 4, pp. 88-93. [In Russian]
15. Pervanov Ya. A. 2011. "Notes on electronic lexicography". Accessed 30 November 2019. <https://arxiv.org/abs/1107.1753> [In Russian]
16. Piottukh K. V. 2017. "From the history of the development of English lexicography (Lexicographic analysis of the Chambers' Twentieth Century Dictionary of the English Language printed in 1901, reprinted in 1911. Edinburgh: W. & R. Chambers)". Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. No. 4, pp. 181-186. [In Russian]
17. Rublyova O. S. 2010. "Word in the electronic dictionary". Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract. Tver. [In Russian]
18. Selegey V. "Electronic dictionaries and computer lexicography". Association of lexicographers Lingvo. <https://docplayer.ru/36764723-Elektronnye-slovari-i-kompyuternaya-leksikografiya.html> [In Russian]
19. Sorokina Yu. V. 2017. "The concept of multimodality and analysis of multimodal lecture discourse". Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 10-1 (76): in 3 vols. Vol. 1, pp. 168-170. [In Russian]
20. Gurevich A. Ya. (ed.). 2003. Dictionary of medieval culture Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 632 pp. [In Russian]
21. Filippovich Yu., Chernysheva M. 1999. "Historical computer lexicography-terra incognita in the computer world". Kompyuterra. No. 45, pp. 45-50. [In Russian]
22. Chumarina G. R. 2010. "Theory and practice of compiling electronic dictionaries". Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract. Kazan: Institute of Language, Literature and Art named after Ibragimov G. of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 28 pp. [In Russian]
23. Shlyakhova A. V. 2008. "Electronic dictionary and its specificity". Vestnik Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates. No. 1, pp. 181-185. [In Russian]
24. Shchipitsina L. Yu. 2013. Information Technology in Linguistics: Textbook. Moscow: FLINTA: Nauka. 128 pp. [In Russian]
25. Amoia M., Martinez J. M. 2013. "Using comparable collections of historical texts for building a diachronic dictionary for spelling normalization". Proceedings of the 7th Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences and Humanities (Sofia, Bulgaria, 8 August). Pp. 84-89. Sofia.
26. Bosworth J., Toller T. N. Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online. <https://bosworthtoller.com/>
27. Buck C. D. 1949. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: University of Chicago Press.
28. Fine Dictionary. <http://www.finedictionary.com>
29. Google Ngram Viewer. <https://books.google.com/ngrams>

30. Hamilton W. L., Leskovec J., Jurafsky D. 2016. "Cultural shift or linguistic drift? Comparing two computational measures of semantic change". Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Pp. 2116-2121. Austin, Texas: Association for Computational Linguistics. <https://www.aclweb.org/anthology/D16-1229>
31. Lieberman E. et al. 2007. "Quantifying the evolutionary dynamics of language". *Nature*. Vol. 449, no. 7163, pp. 713-716.
32. Metola R. D. 2018. "From traditional to electronic lexicography: the dictionaries of Old English". *Lexicography*. Vol. 4, no. 7, pp. 1-15.
33. Oxford English Dictionary. Oxford University Press. <https://www.oed.com>
34. Rosin G. D., Radinsky K. 2019. "Generating timelines by modeling semantic change". Proceedings of the 23rd Conference on Computational Natural Language Learning, Hong Kong. Pp. 186-195.
35. Schlechtweg D., McGillivray B., Hengchen S., Dubossarsky H., Tahmasebi N. 2020. "SemEval-2020 Task 1: unsupervised lexical semantic change detection". Proceedings of the 14th International Workshop on Semantic Evaluation (Barcelona, Spain (Online), 12 December). Pp. 1-23. Barcelona.
36. The Historical Thesaurus of English. <https://ht.ac.uk/heatmap/>
37. The Visual Thesaurus. Thinkmap, Inc. <https://www.visualthesaurus.com>
38. Visuwords. Visual Dictionary. Visual Thesaurus. Interactive Lexicon. <https://visuwords.com>
39. WordVis. The Visual Dictionary. <http://wordvis.com>
40. Zalizniak A. 2018. "The catalogue of semantic shifts: 20 years later". *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22, no. 4, pp. 770-787.

Полина Ивановна ГЭВИН¹
Ольга Борисовна ПОНОМАРЁВА²

УДК 81'42:821.161.1+821.111

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
ЭКФРАСТИЧЕСКИХ РЕФЕРЕНЦИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. РУБИНОЙ И М. ЭТВУД)**

¹ аспирант, Тюменский государственный университет
polinagavin@gmail.com

² доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка,
Тюменский государственный университет
obronomareva@list.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается реализация экфрасиса как литературного приема в контексте русско- и англоязычных художественных произведений. В настоящее время феномен экфрасиса является относительно исследованной областью литературоведения. Однако большинство существующих работ фокусируется на анализе репрезентаций визуального в вербальном медиуме, тем самым оставляя неизученным аспект возможной читательской интерпретации экфрастического описания и его стилистическое выражение в художественном произведении. Таким образом, цель настоящей работы — выявление специфики языкового выражения экфрастических референций в русско- и англоязычных художественных произведениях на основе сопоставительного лингвокогнитивного анализа экфрастических интертекстуальных референций текстов произведений Д. И. Рубиной (2006) «На солнечной стороне улицы» и М. Этвуд (1988) «Cat's Eye» («Кошачий глаз»).

Цитирование: Гэвин П. И. Лингвокогнитивный аспект экфрастических референций в художественном тексте (на материале произведений Д. Рубиной и М. Этвуд) / П. И. Гэвин, О. Б. Пономарёва // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 62-79.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-62-79

В качестве основного метода исследования выступает сопоставительный лингвокогнитивный анализ, сочетающий в себе приемы когнитивной поэтики: дихотомия отношений «фигура — фон», модель литературного резонанса, теория нарративного взаимодействия. Анализ экфрастического описания с позиции фигуру-фоновых отношений показал, что персонаж, изображенный на картине, занимает роль фигуры и ярко выраженного аттрактора, тем самым воздействуя на читательское восприятие. Использование модели литературного резонанса подтверждает данное перцептивное воздействие наличием типичных семантических, синтаксических и стилистических черт (аттракторов) в анализируемых экфрастических отрывках. Сопоставление экфрастического описания произведения искусства с сюжетом, который стал причиной создания работы, выявило характерный параллелизм конструкций их текстовой организации. Отчасти параллельные конструкции содержат частные интертекстуальные референции, которые отсылают к объекту искусства, тем самым актуализируя репрезентацию картины в восприятии читателя.

Сопоставительный лингвокогнитивный анализ экфрастических референций в текстах русско- и англоязычных художественных произведений показал возможную интратекстуальность экфрастических референций, посредством которой устанавливается взаимосвязь между сюжетами внутри нарратива. Помимо этого, в русско- и англоязычном материале экфрастические референции имитируют визуальное построение объекта искусства на семантическом, синтаксическом и текстовом уровнях и как результат акцентируют метафорическую реализацию представленного произведения искусства.

Ключевые слова

Когнитивная поэтика, фигуру-фоновые отношения, интертекстуальная референция, нарративное взаимодействие, экфрасис, аттрактор, параллелизм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-62-79

Введение

Экфрасис как литературный прием

История экфрасиса берет свое начало в Древней Греции, где изначально экфрасис использовался как риторический прием для обучения студентов искусству словесного выражения, которое бы позволило «вообразить объект разговора, как будто бы увидев его своими глазами» [30, с. 11]. В современном понимании экфрасис может включать в себя «способы, с помощью которых пространство и время участвуют в различных формах взаимодействия действительности, текста и изображения» [15, с. 5]. В данном исследовании мы воспользуемся более узким определением экфрасиса как «описания какого-либо предмета визуальных искусств (живописи, архитектуры, скульптуры) в художественном произведении» [4, с. 293].

Экфрасис интердисциплинарен: находясь на пересечении литературоведения, изобразительного искусства и лингвистики, данный феномен долгое время привлекал внимание ученых. В зарубежной науке проблемой кросс-референции визуальной и вербальной репрезентации занимались М. Кригер [17], У. Дж. Митчелл [22],

Р. Уэбб [30], Дж. Холландер [15, 16], Дж. Хэффернан [14], С. Чик [12]; в отечественном языкознании в сфере экфрастических референций работали Н. В. Брагинская [1], Л. Геллер [2], М. Рубинс [7], а также многие современные ученые, чьи проекты отражены в сборниках материалов международных конференций, посвященных междисциплинарному изучению экфрасиса: «Экфрасис в русской литературе» [10], «Невыразимо выразимое» [5], «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения» [8].

Несмотря на значительный вклад данных работ в развитие теории экфрасиса, большинство исследований основываются на интерсемиотическом подходе к передаче значения, тем самым оставляя без внимания потенциал лингвистического выражения экфрасиса и его возможное воздействие на читательскую интерпретацию. Подобное видение в корне противоречит когнитивной трактовке текста, где первостепенная роль уделяется антропоцентрическому восприятию читателем языковых явлений.

В отличие от других литературоведческих теорий, когнитивная поэтика берет за основу анализа текст, интерпретацию которого дисциплина объясняет путем отсылок к имеющимся когнитивным механизмам. Сам термин был изначально введен Р. Цуром для обозначения когнитивного подхода к исследованию читательского восприятия поэзии ввиду отсутствия должного внимания в литературной критике к взаимосвязи структуры текста и создаваемых им эффектов на читателя [28]. В настоящее время теория когнитивной поэтики широко используется для анализа любого литературного текста с применением методологической базы, заимствованной и адаптированной из когнитивной науки [24, с. 6].

Таким образом, целью настоящей работы является выявление специфики языкового выражения экфрастических референций в русско- и англоязычных художественных произведениях посредством выполнения следующих задач: проведение лингвокогнитивного анализа экфрастических отрывков с использованием приемов когнитивной поэтики и сопоставление полученных результатов.

Методологическая основа когнитивной поэтики

Лингвокогнитивный анализ экфрастических отрывков основывается на принципе когнитивной поэтики, который отрицает рассмотрение литературного текста как статичного объекта с определенной «фиксированной» интерпретацией. Вместо этого с позиции когнитивной поэтики литературный текст представляет собой динамический процесс создания смысла читателем.

Данный подход подробно изложен во втором обновленном издании фундаментальной работы П. Стоквелла «Введение в когнитивную поэтику», где автор утверждает: «Литературный текст в буквальном смысле не существует до того момента, как будет прочитан. Таким образом, литературный текст — это не отдельный объект, а объект, который неизбежно вызывает активацию сознания» [24, с. 2]. Когнитивная поэтика репероформирует чтение в важнейший процесс, отражающий взаимодействие индивида с текстом («literary encounter», по Стоквеллу), в связи с чем на первый план выходит рассмотрение контекстуального

окружения, охватывающего знания, убеждения, эмоциональное состояние, социальный и личный опыт читателя [24, с. 6].

Когнитивная поэтика подчеркивает важность текстоцентрического подхода к анализу текста, поскольку любой литературный текст в первую очередь представляет собой выражение системы языка, отражающей индивидуальные особенности как автора, так и реципиента [24, с. 2]. Основываясь на ряде методологических подходов, когнитивная поэтика позволяет рассмотреть различные уровни взаимодействия структурных характеристик текста и его воздействия на читателя. Для нашего анализа мы воспользуемся тремя из них:

- дихотомия отношений «фигура — фон» [13, 29];
- модель литературного резонанса [25, 26];
- теория нарративного взаимодействия [19, 20, 21].

Дихотомия отношений «фигура — фон»

Категории «фигура» и «фон» зародились в гештальтпсихологии в конце XIX в. благодаря работам таких ученых, как М. Вертхаймер, В. Кёлер и К. Коффка, которые интересовались принципами, позволяющими бессознательным механизмам восприятия выстраивать целое («гештальт») из неполных полученных данных. Так, например, смотря на объект, частично закрытый меньшим по размеру предметом спереди, мы визуальное воспринимаем его выступающие части как одно целое несмотря на то, что они скрыты из виду [13, с. 65].

В когнитивной поэтике применение дихотомии «фигура — фон» связано с явлениями актуализации («foregrounding») или остранения — «вывода вещи из автоматизма восприятия» [9, с. 13]. П. Стоквелл говорит об остранении читателя от мира действительности как функции литературы в целом, а применительно к тексту определяет его как «эффект, заставляющий читателя заметить объект или средство описания таким способом, который попросту отличается каким-либо искусным образом от его предыдущего опыта» [24, с. 33]. Таким образом, актуализация определенного события, персонажа или объекта в читательском восприятии подразумевает его выделение посредством грамматических, синтаксических, пунктуационных, семантических или стилистических средств как «фигуры» по сравнению с остальным «фоном» текста. Базовые различия между фигурой и фоном были схематизированы Л. Талми [27, с. 315-316].

Релевантность дихотомии «фигура — фон» для данного исследования объясняется композиционной организацией объекта визуальных искусств, которая неизбежно включает в себя элементы фигури-фонных отношений. Лингвокогнитивный анализ экфрастических отрывков рассматривает языковые средства, выражающие фигури-фонные отношения внутри произведения искусства. Данные языковые элементы акцентируют внимание читателя на определенном персонаже или объекте и выстраивают ментальную репрезентацию экфрастического отрывка. Подобные языковые средства П. Стоквелл обозначает как аттракторы в своей модели литературного резонанса («attention-resonance model»).

Модель литературного резонанса

Модель литературного резонанса адаптирует механический процесс резонанса и когнитивную теорию селективного внимания к процессу чтения текста. Под резонансом П. Стоквелл подразумевает «читательский эффект, который производят некоторые впечатляющие литературные тексты, оставляя после себя долгое и непередаваемое ощущение личной важности» [26, с. 27]. Проводя параллель между резонансом в музыке и литературе, ученый утверждает, что внимание читателя «откликается» на определенный элемент в тексте (аттрактор), актуализируя его концептуализацию и таким образом превращая в «фигуру». Аттрактор привлекает внимание читателя при первом прочтении, однако нуждается в постоянном поддержании фокуса путем референции или обновления стилистических средств, в противном случае резонансный эффект затухает, и объект возвращается в сферу автоматизма восприятия, становится «фоном» [24, с. 77].

П. Стоквелл выделяет специфические характеристики, благодаря которым аттракторы «захватывают» внимание читателя [26, с. 31]. Представленный список частично берет свое идейное начало из когнитивной грамматики Р. Лангакера, где разработанная ученым шкала эмпатии распределяет степень выраженности аттрактора [18, с. 306-307]. Благодаря естественной эгоцентристской предрасположенности индивида сопереживать в первую очередь такому же человеку, как он сам, наиболее выраженным аттрактором считается «говорящий активный человек» [24, с. 78]. Далее шкала эмпатии перечисляет типы аттракторов по степени их потенциала привлечения внимания читателя: говорящий активный человек → пассивный слушающий человек → неопределенный индивид → группа людей → животное → растение → механизм → объекты человеческого масштаба → недвижимые объекты → панорамные объекты → абстракции [24, с. 78].

Таким образом, очевидна важность аспектов одушевленности, определенности и движения для выраженности аттракторов в тексте. Объединив когнитивные, стилистические, семантические и грамматические факторы, влияющие на выраженность аттракторов в литературном тексте, П. Стоквелл сформировал список их типичных характеристик:

- новизна (аттракторы в настоящий момент чтения);
- агентность (именная группа в активном залоге);
- топикальность (позиция подлежащего);
- эмпатия (в соответствии с приведенной выше шкалой);
- определенность (детерминация);
- активность (глаголы движения);
- проксимальность (близость восприятия объекта);
- яркость;
- целостность;
- крупность;

- высота;
- громкость;
- опасность (концептуальная характеристика, складывающаяся из нескольких факторов, указанных выше);
- отклонение от эстетической нормы (эстетический диссонанс, обценная лексика);
- отрицание [24, с. 79].

Лингвокогнитивный анализ экфрастических отрывков использует перечисленные текстовые характеристики аттракторов для определения возможных наиболее выразительных языковых средств, акцентирующих внимание читателя на отдельных элементах описываемого произведения искусства.

Теория нарративного взаимодействия

Экфрастическое описание объекта искусства прежде всего актуализируется на уровне всего художественного произведения, в связи с чем необходимо рассмотреть текстовый уровень функционирования экфрастических референций при проведении лингвокогнитивного анализа.

Отражая современный взгляд на феномен интертекстуальности, теория нарративного взаимодействия Дж. Мэйсон разграничивает языковое выражение интертекстуальной референции и когнитивный процесс ее восприятия читателем, предлагая следующую терминологию:

- нарративное взаимодействие — когнитивный акт установления связи между нарративами, может быть вызван интертекстуальной референцией;
- интертекстуальная референция — любой выраженный, доступный исследованию продукт нарративного взаимодействия [19, с. 21].

Новаторский подход к рассмотрению интертекстуальности с позиции когнитивной поэтики не признает «надлежащего» прочтения текста, а вместо этого стремится определить, на чем основывается диапазон индивидуальных интерпретаций интертекстуальных отсылок. Согласно Мэйсон, интертекстуальная референция не может существовать без контекстуализации — когнитивного процесса активации определенной нарративной схемы, представляющей собой индивидуальное понимание упомянутого текста в «ментальном архиве» читателя [20, с. 165; 21, с. 71-72].

Интертекстуальные референции различаются по степени детальности формируемых ими отсылок к нарративу и маркированности в тексте:

- *универсальные немаркированные референции* ссылаются на очень широкий диапазон нарративов, не устанавливая группу или жанр произведения, в результате чего читатель воссоздает нарративные схемы, ассоциирующиеся с заданной референцией, однако определить их более конкретно не представляется возможным;
- *универсальные маркированные референции* не указывают на конкретный нарратив, однако определяют группу, жанр или категорию произведений;

- *частные маркированные референции* ссылаются на определенный нарратив, используя его заголовок;
- *частные немаркированные референции* ссылаются на определенный нарратив, отмечая его какую-либо узнаваемую характеристику [19, с. 80-84].

Используя классификацию Дж. Мэйсон, мы выделим интратекстуальные экфрастические референции, ссылающиеся на объект искусства, и проанализируем их возможное воздействие на читателя с помощью комбинированных методов лингвокогнитивного подхода. Финальной стадией анализа станет сравнение полученных результатов, базирующихся на материале отрывков из русско- и англоязычных художественных произведений — «На солнечной стороне улицы» Д. Рубиной и «Cat's Eye» («Кошачий глаз») М. Этвуд.

Результаты исследования

Лингвокогнитивный анализ экфрастических референций в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»

Роман «На солнечной стороне улицы» Дина Рубина посвятила советскому Ташкенту как городу своего детства, рассказав о становлении художницы Веры Щегловой. Героиня романа погружается в искусство как возможность бегства от воспоминаний травматичных событий детства и суровости повседневной реальности, в связи с чем постепенно в жизни Веры ее работы становятся каналом передачи детских переживаний и эмоций. В восприятии художницы искусство конструирует отдельное онтологическое измерение, заменяющее мир, в котором она живет, и становящееся ее единственной «настоящей жизнью» [6, с. 151]. Таким образом, формирование персонажа как художника разворачивает мегаметафору ART IS LIFE [31, 32], где героиня на протяжении всего повествования воплощает свои воспоминания в реальности картин. На уровне текста данная символическая полифония [23] выражается с помощью экфрасиса как преобладающего литературного приема.

Рассмотрим экфрастическую репрезентацию одной из картин главной героини:

«Справа, на фоне пылающей оранжевыми дынями бахчи, сидела Маруся в шальварах из хан-атласа, в своей косынке, повязанной на пиратский манер, — с четырьмя грудями, к каждой из которых был привязан колокольчик для школьных звонков...» [6, с. 467].

Очевидно, что для читателей статьи или посетителей картинной галереи в романе отсутствие необходимого контекста не позволяет проникнуться метафорическим и личностным смыслом, заложенным в описании данного изображения. Однако читатель, знакомый со стилем художницы, проецирующей свой жизненный опыт на измерение картин, сможет идентифицировать сочетание интратекстуальных частных маркированных и немаркированных референций в экфрастическом отрывке. Так, имя главного персонажа картины — «Маруся» — создает маркированную отсылку к пересекающимся сюжетным линиям детства художницы и нарратора.

Репрезентация персонажа Маруси с позиции нарратора

В роли нарратора в романе выступает сам автор произведения, вплетающий в повествование автобиографические отрывки из своего детства. Согласно О. Гусевой, образ «лирической героини» запрограммирован на «несовпадение» с главным персонажем романа, несмотря на то что они неоднократно пересекаются в пространственно-временном измерении произведения [3]. Так, например, обе героини в разное время встречаются в своей жизни мужеподобную узбечку Марусю. Для лирической героини детское воспоминание о столкновении с Марусей мимолетно, но необыкновенно драматично. Укрыв на бахче дыню, девочки ели ее, расположившись на развалинах саманного дома неподалеку:

«И однажды, когда мы со Светкой сидели вот так, доглатывая самые вкусные, прозрачно-розовые на просвет ломти дыни, истекающие приторным соком, со стороны дороги показалась толстая тетка, в шароварах из хан-атласа и в пестром платке, повязанном на голове на пиратский манер» [6, с. 254].

Обратившись к девочкам, Маруся назвала свое имя и позвала их:

«Мы обернулись. В руке, чуть ниже толстого живота, в прорехе шаровар она держала какой-то розовый, неровного мясного цвета, сверток. Несколько долгих секунд... — одна... две... три... — ушло на осознание — что это за сверток... Мы сверзились с камня и понеслись ветром над землей по направлению к дому. И вслед нам неся яростный узбекский мат...» [6, с. 255].

Частные немаркированные референции устанавливают взаимосвязь произошедшего с предметом живописи, концентрируясь на описании внешности персонажа: «шаровары из хан-атласа», «пестрый платок, повязанный на голове на пиратский манер» в восприятии лирической героини и «шальвары из хан-атласа», «косынка, повязанная на пиратский манер» в экфрастическом отрывке. Образ Маруси, несомненно, занимает положение фигуры в организации картины, что эксплицитно выражается через определение «пылающей оранжевыми дынями бахчи» как фона, который, согласно дихотомии Талми, синтаксически представлен читателю раньше фигуры, более перманентно локализован и, как следствие, представляет меньший интерес для читателя.

Однако информация, предоставленная «визуальной» перцепцией, далека от характеристики самого персонажа. В сцене встречи с девочками образ Маруси выполняет роль главного аттрактора, поскольку «захватывает» внимание читателя сразу по нескольким критериям: агентность и топикальность выраженная на синтаксическом уровне («показалась толстая тетка», «она держала»); высокий уровень когнитивной эмпатии (персонаж Маруси выступает как «говорящий активный человек»); целостность образа героя, создающаяся за счет детальности описания и включающая в себя семантические параметры яркости («хан-атлас», «пестрый платок», «розовый, неровного мясного цвета, сверток»), и крупности («толстая тетка», «ниже толстого живота»).

Комбинация данных элементов подчеркивает ощущение опасности, которое передается читателю от героев сюжета. Неприятие Маруси лишь усиливается за счет семантики ассоциации платка, повязанного «*на пиратский манер*», и «*неровного мясного*» цвета, выбранного для описания свертка неназванного содержания. Обозначение цвета акцентирует семантику неживого и играет ключевую роль для понимания того, что произошло с Марусей.

Репрезентация персонажа Маруси с позиции главной героини

Читательская репрезентация персонажа Маруси дополняется трагическим случаем из детства главной героини романа, произошедшим в школе:

«Маруся (если ее принять за женщину, а все принимали ее за кого угодно, но официально считали женщиной) была тем драконом, который не давал опоздавшим ученикам после звонка войти в класс. Маруся была узбечкой, и считалось, что она женщина, но если призадуматься, то женского у нее было только имя, да и то не узбекское» [6, с. 273].

Опоздывая на урок, Вера неизбежно столкнулась с Марусей:

«„Куда пирёшься?!“ — На этот раз Маруся возникла не из своего угла, что было неожиданностью, а откуда-то сзади... Девочка обернулась и уперлась взглядом в большое нечистое лицо... Никогда еще она не видела Марусю так близко... Она стояла и молча изучала лохматые брови, крупный, сально блестящий нос с тремя спускающимися по хребту бородавками... редкие жесткие усы над морщинистой губой...» [6, с. 275].

Разглядывая «лва в пиратской косыночке», Вера не ответила на заданный вопрос, что заставило Марусю предположить, что девочка немая, а значит, не сможет свидетельствовать против нее:

«Тогда Маруся сгрэбла ее в оханку и куда-то понесла, сопя и рыча себе под нос. <...> Марусины железные лапы беспрестанно елозили по ее телу. Втолкнув Веру в туалет, она прижала ее к холодному кафелю стены, сорвала с девочки куртку и вдруг стала, ужасно сопя и матерясь по-узбекски, ощупывать, обшаривать и мять ее тело. Казалось, что этот дикий и странный обыск доставлял ей яростное наслаждение. Несколько секунд Вера не могла понять — что Марусе нужно; запах, исходивший от той, — запах кислого молока от волос, чеснока и застарелой табачной вони был ужасен. Это и привело девочку в чувство: брезгливое бешенство обдало ее волной какой-то пружинной силы. Она вывинтилась из жестких рук, нырнула под Марусино брюхо, так, что та, потеряв равновесие, упала на колени, и, схватив жестяное ведро с надписью „школа №...“, с силой опустила его на Марусину спину. И тогда испугалась и дико заорала, продолжая бить и бить ведром об эту жирную спину и голову» [6, с. 275-276].

Несомненно, само прочтение описания Марусиной попытки изнасилования ребенка порождает целый спектр эмоций от ярости до отвращения к персонажу,

что только усиливается стилистическими приемами и лингвокогнитивными элементами выраженности аттрактора.

На протяжении всей сюжетной линии гендерная принадлежность Маруси неоднократно вызывает сомнения окружающих ее людей, что находит отражение в иронических рассуждениях нарратора, где частое упоминание слов «женщина/женское» интенсифицирует противоположный эффект маскулинности персонажа: «если принять ее за женщину», «принимали за кого угодно, но официально считали женщиной», «считалось, что она женщина», «женского было у нее только имя». Причиной этому становятся ярко выраженные мужские черты поведения, характера и внешности Маруси, что отражается не только в детальном описании ее лица, но также в метафорических репрезентациях героини: «дракон», «лев в пиратской косыночке», «прирожденный и вдохновенный вышибала». На грамматическом уровне все существительные принадлежат к мужскому роду, а в плане семантики они передают разнообразные ассоциативные характеристики жестокости, разбойничества, борьбы, ярости и противозаконности.

Метафорическая репрезентация Маруси как «льва» разворачивается дальше: в восприятии девочки она «рычит себе под нос», ее руки — «железные лапы», вместо живота — «брюхо». Сам фрагмент описания попытки изнасилования девочки изобилует оценочной лексикой: «ужасно сопя», «дикий и странный обыск», «яростное наслаждение», «запах застарелой табачной вони», «брезгливое бешенство», что вызывает резонанс в восприятии читателя, выделяя Марусю как фигуру с ярко выраженными характеристиками аттрактора и тем самым повторяя организацию фигуру-фоновых отношений в картине художницы.

На уровне межнарративных связей случай из детства Веры вносит значительный вклад в процесс контекстуализации читателем картины с изображением Маруси. Помимо привнесенных концептуальных характеристик персонажа, элементы описания внешности Маруси внезапно приобретают смысл благодаря нарративному взаимоотношению, строящемуся на основе частных немаркированных референций: «четыре груди, к каждой из которых был привязан колокольчик для школьных звонков». Отсылка к школьной среде непосредственно обращается к детскому воспоминанию Веры, усиливаясь посредством акцентного описания женской груди, не соответствующей типичной анатомии человека. Почему художница изобразила Марусю именно так? Единого ответа на данный вопрос не существует, ассоциативная интерпретация каждого читателя будет уникальной. К примеру, мое личное прочтение экфрастического отрывка подсказывает взаимосвязь с метафорической репрезентацией Маруси как дракона, который, согласно мифологической традиции, имеет несколько голов.

Таким образом, интратекстуальные нарративные связи имитируют визуальную организацию картины художницы и выдвигают на первый план персонаж Маруси. С помощью различных семантических, синтаксических и грамматических средств экфрастические отрывки, рассказанные от лица художницы Веры и лирической героини (нарратора), обогащают репрезентацию персонажа

Маруси в сознании читателя дополнительными концептуальными смыслами. Интересно также отметить, что несмотря на отсутствие пересечения нарративных линий лирической героини и художницы, Маруся изображена на картине «на фоне пылающей оранжевыми дынями бахчи», отсылающей читателя к сюжетной линии девочек, окликнутых Марусей во время поедания украденной дыни. Если следовать повествованию, об этом случае никак не могла знать сама художница.

Образ Девы Марии в романе Маргарет Этвуд «Кошачий глаз»

Роман М. Этвуд «Кошачий глаз» («Cat's Eye») рассказывает историю формирования личности Элейн, в детстве страдавшей от травли своей школьной подруги Корделии. Не в силах противостоять издевательствам, Элейн покорно выполняет все требования Корделии и других девочек, которые постоянно экспериментируют, до какого предела они смогут пойти. Психологическое унижение доводит Элейн до состояния депрессии и лишает как воли, так и желания жить. Зная, что родители не смогут ее понять, Элейн обращается к Деве Марии, прося в своих молитвах помочь ей.

Переломным моментом во взаимоотношениях Элейн и Корделии становится эпизод на мосту, едва не стоивший Элейн жизни. Корделия выбросила шапочку Элейн на ненадежный лед мартовской реки и приказала спуститься в долину за ней. Элейн повиновалась и по пояс зашла в ледяную реку, но уже не чувствовала в себе сил вернуться. И в тот момент, когда девочка уже почти полностью оледенела и была на грани потери сознания, ей видится Дева Мария:

«There's someone on the bridge, I can see the dark outline. At first I think it's Cordelia, come back for me. Then I see that it's not a child, it's too tall for a child. I can't see the face, there's just a shape. One of the yellowish-green lights is behind it, coming out in rays from around the head. (...)

I hear someone talking to me. It's like a voice calling, only very soft, as if muffled. I'm not sure I've heard it at all. I open my eyes with an effort. The person who was standing on the bridge is moving through the railing, or melting into it. It's a woman, I can see the long skirt now, or is it a long cloak? She isn't falling, she's coming down toward me as if walking, but there's nothing for her to walk on. (...)

Now she's quite close. I can see the white glimmer of her face, the dark scarf or hood around her head, or is it hair?» [11, с. 224].

Собравшись с силами, Элейн следует за фигурой, выбирается из реки и находит путь домой. Изначально читатель, как и Элейн, лишь смутно представляет себе приближающуюся фигуру: универсальные референции «*the dark outline*», «*too tall for a child*», «*the yellowish-green lights is behind it, coming out in rays from around the head*» представляются слишком общими для идентификации персонажа. Девочка называет фигуру «*someone*», подчеркивая неопределенность персонажа, но по мере ее приближения Элейн угадывает более конкретные черты: «*it is a woman, I can see the long skirt now, or is it a long cloak?*» и описывает манеру движения: «*melting*», «*isn't falling*», «*as if walking, but there's nothing for her*

to walk on». Таким образом, через восприятие главного героя создается аллюзия к сверхъестественности персонажа. Знание о том, что Элейн в своих молитвах обращалась к Деве Марии, а также более точное описание фигуры (женщина в длинной накидке или юбке) создает явную референцию к образу Богородицы в сознании читателя. Как результат, несмотря на то что главная героиня не называет Деву Марию по имени, восприятия персонажа ее глазами становится достаточно для того, чтобы читатель смог вполне конкретно определить образ.

Персонаж Девы Марии занимает центральное положение в организации экфрастического отрывка, что подтверждается с помощью грамматических, синтаксических и семантических средств выраженности фигуры. Согласно ранее приведенному списку П. Стоквелла, образ Девы Марии ярко текстуально выражен посредством принципов агентности и топикальности («*the person*», «*a woman*»), нарастающей определенности («*someone*» → «*the dark outline*» → «*a shape*» → «*the person*» → «*she*») и проксимальности («*The person who was standing on the bridge is moving through the railing, or melting into it*»; «*she's coming down toward me*»; «*Now she's quite close*»).

Видение Элейн не только спасло ей жизнь, но и сыграло решающую роль в ее взаимоотношениях с Корделией. Девочка ощутила, что Корделия не имеет над ней никакой реальной власти, и прекратила свое общение с ней. Несмотря на это, детская психологическая травма оставила глубокий отпечаток на всю последующую жизнь Элейн, заставляя ее нередко думать о Корделии. В одной из своих работ она изобразила случай, произошедший с ней на мосту:

«The last painting is Unified Field Theory. It's a vertical oblong, larger than the other paintings. Cutting across it a little over a third up is a wooden bridge. (...)

Positioned above the top railing of the bridge, but so her feet are not quite touching it, is a woman dressed in black, with a black hood or veil covering her hair. Here and there on the black of her dress or cloak there are pinpoints of light. The sky behind her is the sky after sunset; at the top of it is the lower half of the moon. Her face is partly in shadow» [11, с. 481].

Экфрастический отрывок содержит множество интратекстуальных референций к судьбоносному случаю из детства Элейн. Данные внутритекстовые референции создают дополнительный контекст, который читатель привносит для актуализации объекта искусства (к примеру, «*wooden bridge*», «*a woman dressed in black*», «*a black hood or veil covering her hair*», «*pinpoints of light*»).

Описание картины начинается с изображения моста как фона, определяя локацию сюжета. В качестве фигуры на картине выступает персонаж Девы Марии, однако отрывок не называет ее имени, а повторяет процесс «узнавания» читателем персонажа. Яркой характеристикой сверхъестественности образа становится тот факт, что она не стоит на мосту, а находится над ним: «*her feet are not quite touching it*». Данная частная немаркированная референция отсылает читателя к воспоминаниям Элейн, описывающей манеру движения фигуры: «*she's coming down toward me as if walking, but there's nothing for her to walk on*».

Далее экфрастический отрывок фокусируется на описании самого персонажа, одетого в черную одежду с вуалью или капюшоном, покрывающим волосы: «*a woman dressed in black, with a black hood or veil covering her hair*».

Экфрасис картины более статичен, он не передает динамики мыслей девочки, пытающейся разглядеть черты показавшейся вдали женщины: «*I can see the long skirt now, or is it a long cloak?*»; «*the dark scarf or hood around her head, or is it hair?*». Сомнения девочки в данном контексте выражены с помощью риторических вопросов, однако данное значение теряется в экфрастическом описании картины, где персонаж Девы Марии представлен более определенно. Параллелизм конструкций экфрасиса и воспоминаний художницы дополняется упоминанием о бликах света: «*here and there on the black of her dress or cloak there are pinpoints of light*». Подобно им, от образа Девы Марии также исходил свет: «*one of the yellowish-green lights is behind it, coming out in rays from around the head*».

Визуальная организация картины имитирует фигуру-фоновое текстуальное построение сюжета, произошедшего с Элейн на мосту. Синтаксические и семантические аттракторы выделяют персонаж Девы Марии как центральный, что повторяется в картине, где ее образ занимает главенствующее положение. На уровне интратекстуальных нарративных взаимосвязей реализуется описание персонажа Девы Марии, что создает ярко выраженную отсылку к ее образу как внутри художественного произведения, так и вне его.

Заключение

Экфрастические референции в рассмотренных отрывках романов Д. Рубиной и М. Этвуд связывают сюжетные линии внутри нарратива, актуализируя тем самым репрезентацию произведения искусства в сознании читателя. При рассмотрении описания картин и контекста их создания нами была выявлена закономерность в организации их фигуру-фоновых отношений. Центральный персонаж, функционирующий как ярко выраженная фигура в сцене, также занимает центральное положение в визуальной организации картины.

На уровне лингвистического анализа эта черта выражена параллелизмом конструкций, изображающих персонажей как в сюжете повествования, так и в экфрастических отрывках. Таким образом, интертекстуальные нарративные референции имитируют визуальную организацию картин, выдвигая на первый план персонажей, оказавших существенное влияние на жизнь главных героев произведений. Литературная фигура экфрасиса символически реализуется в художественном тексте с помощью различных семантических, синтаксических и грамматических языковых средств и дополняет концептуальное восприятие романа читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) / Н. В. Брагинская // Славянское и балканское языкознание. 1977. С. 259-283.

2. Геллер Л. На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин / Л. Геллер // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Спец. вып. 44. С. 151-171.
3. Гусева О. П. Поэт как центральная фигура романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» / О. П. Гусева // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 2 (2). С. 95-99.
4. Журбина А. В. Экфрасис / А. В. Журбина // Большая российская энциклопедия. М., 2017. Том 35. С. 293.
5. «Невыразимо выразимое». Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / под ред. Д. В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.
6. Рубина Д. И. На солнечной стороне улицы / Д. И. Рубина. М.: Эксмо, [2006] 2012. 512 с.
7. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс. СПб.: Акад. проект, 2003. 354 с.
8. Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения: Коллективная монография / под ред. Т. Автухович. Седльце, 2018. 703 с.
9. Шкловский В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. М.: Ардис, 1929. 269 с.
10. Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под. ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. 216 с.
11. Atwood M. Cat's Eye / M. Atwood. London: Virago Press, [1988] 1990. 487 pp.
12. Cheeke S. Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis / S. Cheeke. Manchester: Manchester University Press, 2010. 216 pp.
13. Evans V. Cognitive Linguistics: An Introduction / V. Evans, M. C. Green. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 848 pp.
14. Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery / J. A. W. Heffernan. Chicago, IL: University of Chicago Press, [1993] 2004. 262 pp.
15. Hollander J. The Gazer's Spirit: Poems Speaking to Silent Works of Art / J. Hollander. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995. 392 pp.
16. Hollander J. The poetics of ekphrasis / J. Hollander // Word & Image. 1988. No. 4 (1). Pp. 209-219.
17. Krieger M. Ekphrasis: The Illusion of the Natural Sign / M. Krieger. Baltimore: John Hopkins University Press, [1991] 2019. 293 pp.
18. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar, vol. 2: Descriptive application / R. W. Langacker. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 628 pp.
19. Mason J. Intertextuality in Practice / J. Mason. Amsterdam: John Benjamins, 2019. 216 pp.
20. Mason J. Narrative / J. Mason // The Cambridge Handbook of Stylistics // P. Stockwell & S. Whiteley (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 179-195.
21. Mason J. Narrative interrelation, intertextuality and teachers' knowledge of students' reading / J. Mason // Knowing about Language: Linguistics and the Secondary English Classroom / D. Clayton & M. Giovanelli (eds.). London: Routledge, 2016. Pp. 162-172.
22. Mitchell W. J. T. Ekphrasis and the other / W. J. T. Mitchell // Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. 1994. Pp. 151-181.
23. Ronell A. P. Some thoughts on Russian-language Israeli fiction: Introducing Dina Rubina / A. P. Ronell // Prooftexts. 2008. No. 28 (2). Pp. 197-231.

24. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction* / P. Stockwell. 2nd edition. London: Routledge, 2019. 256 pp.
25. Stockwell P. *Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading* / P. Stockwell. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 224 pp.
26. Stockwell P. The cognitive poetics of literary resonance / P. Stockwell // *Language and Cognition*. 2009. No. 1 (1). Pp. 25-44.
27. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics* / L. Talmy. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Vol. 1: Concept structuring systems. 573 pp.
28. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics* / R. Tsur. Amsterdam: North-Holland, 1992. 586 pp.
29. Ungeger F. *An Introduction to Cognitive linguistics* / F. Ungeger, H.-J. Schmid. 2nd edition. London: Longman, 2013. 384 pp.
30. Webb R. Ekphrasis ancient and modern: the invention of a genre / R. Webb // *Word & Image*. 1999. No. 15 (1). Pp. 7-18.
31. Werth P. Extended metaphor — a text-world account / P. Werth // *Language and Literature*. 1994. No. 3 (2). Pp. 79-103.
32. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse* / P. Werth. London: Routledge, 1999. 390 pp.

Polina I. GAVIN¹
Olga B. PONOMAREVA²

UDC 81'42:821.161.1+821.111

**THE LINGUO-COGNITIVE ASPECT
OF EKPHRASTIC REFERENCES
IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS
BY D. RUBINA AND M. ATWOOD)**

¹ Postgraduate Student, University of Tyumen
polinagavin@gmail.com

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of the English Language,
University of Tyumen
obponomareva@list.ru

Abstract

The following article explores ekphrasis as a literary device in the context of the Russian and English language literary texts. The phenomenon of ekphrasis is regarded to be a relatively researched area in the literary criticism. However, the majority of the existing research focuses on the visual representations in the verbal medium, thereby neglecting the aspect of the reader's possible interpretation of an ekphrastic description and its stylistic expression in a literary text. Thus, the aim of this article is to identify the specific language patterns constructing ekphrastic references in the Russian and English language literary texts by conducting a comparative linguo-cognitive analysis of ekphrastic intertextual references in Dina Rubina's 'On the Sunny Side of the Street' (2006) and Margaret Atwood's 'Cat's Eye' (1988).

The research is based on the comparative linguo-cognitive analysis combining the following cognitive poetic techniques: the 'figure — ground' dichotomy, the model of literary resonance, and the narrative interrelation theory.

Citation: Gavin P. I., Ponomareva O. B. 2021. "The Linguo-Cognitive Aspect of Ekphrastic References in a Literary Text (Based on the Works by D. Rubina and M. Atwood)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 62-79.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-62-79

The analysis of the figure-ground relations in ekphrastic descriptions has shown that the main character takes the figure position and becomes a pronounced attractor, thereby exerting an affective influence on the reader's perception. The application of the literary resonance model confirms this claim by identifying typical semantic, syntactic and stylistic features (attractors) of the character in the analysed ekphrastic passages. The comparison of an ekphrastic description to a passage which it is based on has revealed the characteristic parallelism of their syntactic and semantic patterns. In part, parallel constructions contain specific intertextual references that create links to an art object, thus actualising the representation of a picture in the reader's perception.

A comparative linguo-cognitive analysis of ekphrastic references in Russian and English literary texts has shown the possible intratextuality of ekphrastic references, which establish the relationships between plots within the narrative. Additionally, in both literary texts, ekphrastic references imitate the visual construction of an object of art at the semantic, syntactic and textual levels and, as a result, accentuate the metaphorical realisation of the presented artefact.

Keywords

Cognitive poetics, figure-ground relations, intertextual reference, narrative interrelation, ekphrasis, attractor, parallelism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-62-79

REFERENCES

1. Braginskaya N. V. 1977. "Ekphrasis as a type of a text (to the issue of structural classification)". *Slavic and Balkan linguistics*. Pp. 259-283. [In Russian]
2. Geller L. 1997. "Approaching ekphrasis as a genre. Russian background for non-Russian paintings". *Wiener Slawistischer Almanach. Special Issue 44*, pp. 151-171. [In Russian]
3. Guseva O. P. 2013. "Poet as a central character in Dina Rubina's Novel 'On the sunny side of the street'". *Vyatka State University Herald. Vol. 2 (2)*, pp. 95-99. [In Russian]
4. Zhurbina A. V. 2017. "Ekphrasis". *Big Russian Encyclopedia. Vol. 35*, p. 293. [In Russian]
5. Tokarev D. V. (ed.). 2013. 'Inexpressibly Expressive'. *Ekphrasis and problems of visual representation in fictional texts*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 572 pp. [In Russian]
6. Rubina D. I. [2006] 2012. *On the sunny side of the street*. Moscow: Eksmo. 512 pp. [In Russian]
7. Rubins M. 2003. *Figurative joy of beauty: Ekphrasis in art of acmeists and European tradition*. Saint-Petersburg: Akkad. proekt. 354 pp. [In Russian]
8. Avtukhovich T. (ed.). 2018. *Theory and history of ekphrasis: Conclusions and perspectives of its research: Collection of articles*. Sedl'tse. 703 pp. [In Russian]
9. Shklovskiy V. B. 1929. *On the theory of prose*. Moscow: Ardis. 269 pp. [In Russian]
10. Geller L. 2002. *Ekphrasis in Russian literature. Works of the Lausanne symposium*. Moscow: MIK. 216 pp. [In Russian]

11. Atwood M. [1988] 1990. *Cat's Eye*. London: Virago Press. 487 pp.
12. Cheeke S. 2010. *Writing for art: The aesthetics of ekphrasis*. Manchester: Manchester University Press. 216 pp.
13. Evans V., Green M. C. 2006. *Cognitive linguistics: An introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 848 pp.
14. Heffernan J. A. W. [1993] 2004. *Museum of words: The poetics of ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, IL: University of Chicago Press. 262 pp.
15. Hollander J. 1995. *The gazer's spirit: poems speaking to silent works of art*. Chicago, IL: University of Chicago Press. 392 pp.
16. Hollander J. 1988. The poetics of ekphrasis. *Word & Image*. No. 4 (1), pp. 209-219.
17. Krieger M. [1991] 2019. *Ekphrasis: the illusion of the natural sign*. Baltimore: John Hopkins University Press. 293 pp.
18. Langacker R. W. 1991. *Foundations of Cognitive Grammar, vol. 2: Descriptive application*. Stanford, CA: Stanford University Press. 628 pp.
19. Mason J. 2019. *Intertextuality in practice*. Amsterdam: John Benjamins. 216 pp.
20. Mason J. 2014. Narrative. In P. Stockwell, S. Whiteley (eds.) *The Cambridge handbook of stylistics*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 179-195.
21. Mason J. 2016. Narrative interrelation, intertextuality and teachers' knowledge of students' reading. In D. Clayton, M. Giovanelli (eds.) *Knowing about language: Linguistics and the secondary English classroom*. London: Routledge. Pp. 162-172.
22. Mitchell W. J. T. 1994. *Ekphrasis and the other. Picture theory: Essays on verbal and visual representation*. Pp. 151-181.
23. Ronell A. P. 2008. Some thoughts on Russian-language Israeli fiction: Introducing Dina Rubina. *Prooftexts*. No. 28 (2), pp. 197-231.
24. Stockwell P. 2019. *Cognitive poetics: An introduction, 2nd edition*. London: Routledge. 256 pp.
25. Stockwell P. 2009. *Texture: A cognitive aesthetics of reading*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 224 pp.
26. Stockwell P. 2009. The cognitive poetics of literary resonance. *Language and cognition*. No. 1(1), pp. 25-44.
27. Talmy L. 2000. *Toward a Cognitive Semantics, vol. 1: Concept structuring systems*. Cambridge, MA: MIT Press. 573 pp.
28. Tsur R. 1992. *Toward a theory of cognitive poetics*. Amsterdam: North-Holland. 586 pp.
29. Ungeger F., Schmid H.-J. 2013. *An introduction to cognitive linguistics, 2nd edition*. London: Longman. 384 pp.
30. Webb R. 1999. Ekphrasis ancient and modern: The invention of a genre. *Word & Image*. No. 15 (1), pp. 7-18.
31. Werth P. 1994. Extended metaphor — a text-world account. *Language and literature*. No. 3 (2), pp. 79-103.
32. Werth P. 1999. *Text worlds: Representing conceptual space in discourse*. London: Routledge. 390 pp.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лариса Сергеевна КИСЛОВА¹

Мария Александровна ВЕТОШКИНА²

УДК 821.16.11

ТЕЛЕСЕРИАЛ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ ДИСКУРСЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
l.s.kislova@utmn.ru

² магистрант, Тюменский государственный университет
m.a.vetoshkina@utmn.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу такого явления, как телесериал в современном массовом дискурсе. Массовая культура неизменно отстаивает консервативные и потому популярные в обществе ценности и оперирует рядом элементарных нравственных установок. При восприятии произведения массовой культуры формируется представление о человеке, обществе, истории и быте. Телесериалы, являющиеся современным форматом, позволяют визуальному контенту вытеснить вербальный и способны конструировать ту или иную реальность. Телесериал — специфическая культурная модель, трансформация и функционирование которой — результат особого отношения аудитории к телевидению. Герой телемелодрам — эмоционально-впечатлительный человек, умиляющийся благородству и ужасающийся злу, поскольку в центре любого телесериала

Цитирование: Кислова Л. С. Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика / Л. С. Кислова, М. А. Ветошкина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 80-105.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105

присутствуют элементы сентиментализма — направления, апеллирующего к чувствам человека, безусловно идеализирующего добродетели, четко разграничивающего добро и зло, положительных и отрицательных героев. Целью исследования является рассмотрение телесериала как одного из самых успешных проектов в современном массовом дискурсе. В тексте статьи на основе типологического подхода анализируется корпус современных телесериалов, прослеживается трансформация сериала от адаптированных к оригинальным. Теоретическую и методологическую основу работы составили труды Хосе Ортеги-и-Гассета, Умберто Эко, М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, Н. А. Николиной, В. М. Михалковича и других исследователей феномена массовой культуры. В рамках методологии исследования мы обращаемся к анализу художественного мира известных нам телепроектов, лидирующих в ряде мировых регионов. В статье впервые формулируется природа подобных явлений, базирующихся на национальном материале, и характеризуются популярные латиноамериканский, турецкий, российский контент. Телесериалы воссоздают национальную картину мира, транслируя национальную специфику и знакомя телезрителя с особенностями жизни человека в том или ином географическом пространстве. Сериал, по логике его создателей, должен погружать зрителя в состояние катарсиса, заставляя сопереживать, плакать и даже страдать. Сериал создает, как правило, более насыщенную событиями действительность, он не просто органично встроен в жизненное пространство, а становится его неотъемлемой частью. Таким образом, телесериал является перспективным социальным проектом, претендующим на одну из доминантных позиций в современном культурном контексте.

Ключевые слова

Массовая культура, дискурс, сентиментализм, текст, кинотекст, теленовелла, мелодрама, стратегия, медиапространство, национальный проект.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105

Введение

Термином «массовая культура» сегодня обозначают корпус произведений, носящих упрощенный характер и первоначально создаваемых для среднестатистического, поверхностного реципиента. Понятие «массовая культура» тесно связано с понятиями «массы», «человека массы», впервые предложенным философом Хосе Ортега-и-Гассетом в 1930 г.: «Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, „как и все“, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [7, с. 7-8].

Разделение культуры на элитарную и массовую активизировалось в XX в., когда маргинализация общества привела к появлению целого пласта «массовой культуры», которую исследователи отказывались признавать культурой в полном смысле этого слова, поскольку «идеи массового человека таковыми не являются и культурой он не обзавелся» [7, с. 69]. Появилась необходимость описать и классифицировать это явление.

«Высокую» культуру и культуру массовую зачастую объединяет общность поднимаемых проблем. При восприятии произведения массовой культуры формируется представление о человеке, обществе, истории и быте. Разделяя элитарную и массовую литературу, исследователи опираются на ряд признаков, позволяющих определить, к какой категории можно отнести тот или иной литературный текст или кинотекст.

Основным признаком массовой культуры можно назвать ее массовость, поскольку широкий интерес к массовой культуре возникает в XX в. в массовом сознании. Также акцентируют внимание на ее востребованности, поскольку именно этот культурный слой вызывает значительный интерес. Можно выделить и два признака, связанных с отличительными характеристиками художественного произведения, относящегося к массовой литературе: тривиальность (воспроизведение раз за разом давно ставших банальными сюжетных схем, использование общественных и художественных стереотипов) и популярность (сознательное потакание вкусу усредненного потребителя). Массовую культуру называют популярной, тривиальной, китчевой. Каждый из этих терминов широко используется и в отечественных, и в зарубежных исследованиях.

Термин «бестселлер» (англ. bestseller — наилучшим образом продающийся, лидер продаж) уже несколько десятилетий используется для обозначения наиболее популярных произведений массовой культуры, что подчеркивает их коммерческую успешность. Кроме того, дублируется материал, уже знакомый аудитории, для привлечения внимания к новому продукту. Могут быть воспроизведены любые элементы текста или кинотекста: заглавие, система персонажей, сюжет и фабула.

Успешное произведение неизбежно порождает множество подражаний именно в силу стремления авторов сделать его популярным. Характерная черта функционирования продуктов массовой культуры — цикличность. Цикл запускается в тот момент, когда произведение становится популярным: в течение одного или двух сезонов автор бестселлера издает еще несколько аналогичных продуктов, стремясь закрепить успех, а подражатели, следуя популярной тенденции, предлагают свои продукты, являющиеся копией успешного текста. Несомненно, автор произведения, предназначенного для масс, должен чутко прислушиваться к пожеланиям потребителей, угадывать даже те, что они не выражают напрямую. Он зависит от «рыночных умонастроений», именно поэтому его произведения будут отличать злободневность: наличие намеков на актуальные события, рассуждения на темы, активно обсуждаемые в обществе, отсылки к популярной культуре. Таким образом, автор бестселлеров обречен стать «заложником своего авторского образа» [4]. Автор, нацеленный на значительную прибыль, не стремится рисковать, поэтому обращается к стереотипам. Массовая культура неизменно отстаивает консервативные и потому популярные в обществе ценности и оперирует рядом элементарных нравственных установок: любовь рано или поздно преодолевает все препятствия, добро побеждает зло, обман раскрывается и наказывается. С одной стороны, это позитивное свойство, с другой же стороны, существует опасность,

что постепенно законы художественной реальности переносятся на окружающий мир, а читатель или зритель теряет способность мыслить критически. Массовая культура постепенно изменяется вслед за культурой «высокой», копирует ряд ее идей, но делает это с большой осторожностью, убедившись, что общество относится к ним позитивно. Массовая культура неизбежно должна воспроизводить ряд концепций, претендующих на всеобщность и абстрактность. Она призвана говорить о том, что важно для большинства потребителей — о вечных проблемах, так или иначе волнующих каждого.

В массовой культуре четко обозначена система жанров, внутренняя устойчивость и однородность, узнаваемость модели. Жанр — строгая схема, предъявляющая требования ко всем компонентам текста, создаваемого по особой формуле. Он обуславливает стереотипность имиджей героев, подчеркнутую условность фабулы. Смещение жанров не приветствуется и практически не встречается в произведениях массовой культуры. В современном литературном процессе грань между «элитарной» и «массовой» культурами постепенно размывается. Массовая культура всё чаще с осторожностью, но поднимает проблемы, свойственные культуре «элитарной», предлагая далеко не однозначные выводы, а «высокая» культура использует жанровые схемы и некоторые художественные приемы создателей популярной культуры. М. А. Литовская отмечает, что «популярное искусство, оперативно реагируя на значимые социальные изменения появлением текстов с определенными тематикой и проблематикой, персонажами, социальными реалиями, фиксирует как появление новых социальных сил, так и смену отношения к уже существующим, в том числе к тем, что ранее оценивались отрицательно. Конечной целью как адаптации искусством социально нового, так и переоценки старого является прокладывание пути к общественному примирению: формирование у аудитории ощущения естественности существующего на момент создания текста искусства порядка вещей» [5, с. 155-156].

Телесериалы — современный и наиболее популярный формат репрезентации массовой культуры — позволяют визуальному контенту вытеснить вербальный и способны конструировать ту или иную реальность и создавать собственный мир: «Оно [произведение] должно дать читателю или зрителю полностью обустроенный мир, чтобы его поклонники могли цитировать персонажей и эпизоды, как если бы они были принадлежностью их собственного приватного мира, мира, по поводу которого можно составлять викторины и разгадывать их, чтобы адепты в общении узнавали друг друга» [14, с. 3].

Предполагается, что художественные характеристики телесериалов зависят от того, в какой стране создается тот или иной телевизионный продукт, основной задачей которого является воздействие на аудиторию.

Актуальность темы. В своей исследовательской работе мы рассматриваем феномен художественного телеповествования в современном медиапространстве. Зрителям импонируют трогательные истории, демонстрируемые в телеэфире, ставшие ключевыми в современном массовом дискурсе. В тексте статьи на основе типологического подхода анализируется корпус современных

телесериалов, прослеживается трансформация сериалов от адаптированных к оригинальным.

Целью работы является рассмотрение телесериала как одного из актуальных социальных проектов современной массовой культуры. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих *задач*:

1. Рассмотреть корпус современных знаковых художественных телепроектов.
2. Проследить трансформацию образов, мотивов и сюжетов в нескольких латиноамериканских, российских и турецких телесериалах.
3. Выявить национальный аспект в современном телесериале — отечественном и зарубежном.
4. Сформулировать природу такого феноменального явления, как телесериал, и выяснить, претендует ли он на одну из ведущих позиций в массовом художественном пространстве.

Научная новизна исследования заключается в возможности проанализировать национальный аспект современных телесериалов — отечественных и зарубежных.

Материалы и методология

Материалом исследования послужили телевизионные сериалы, выпускающиеся в странах Латинской Америки, России и Турции. Методологическую и теоретическую основу работы составили труды Хосе Ортеги-и-Гассета, Умберто Эко, М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, Н. А. Николиной, В. М. Михалковича и других исследователей феномена массовой культуры, а также труды Ж.-Ж. Руссо как одного из основателей сентиментализма. В рамках методологии исследования мы обращаемся к анализу художественного мира известных нам телепроектов, лидирующих в ряде мировых регионов, и рассматриваем, опираясь на типологический подход: 1) наличие чувственного опыта воздействия на аудиторию, 2) присутствие концепции литературоцентризма, 3) впечатления от просмотров, 4) специфику сюжетной организации востребованных в той или иной национальной аудитории телесериалов, 5) характеристику ключевых образов в организации многоуровневого телеповествования, 6) гендерную специфику телеаудитории и соответственно телеперсонажей.

Таким образом, художественная концепция сериала воспринимается как часть уникального дискурса параллельного мира, в котором вольно или невольно оказывается телезритель.

Обсуждение и результаты

Телевизионные новеллы впервые появились в 1940-х гг. в Америке и быстро завоевали весь мир. Таким образом, сложилась устойчивая традиция создания сериала, насчитывающая более 80 лет. В России и Турции сериалы появились гораздо позже, но ситуация активно развивалась и образовалась собственная культура сериала, стремительно завоевавшего мировой рынок. В настоящее время основными центрами мелодраматического сериального искусства в мире становятся Латинская Америка, Турция и Россия.

Российского телезрителя подготавливали к восприятию телесериалов постепенно. Телевизионные многосерийные фильмы периода 1970-х — 1980-х гг., такие как «День за днем», «Ольга Сергеевна», «Солнечный ветер», «Вход в лабиринт», «Семнадцать мгновений весны», «Место встречи изменить нельзя», «И это всё о нем», «Визит к Минотавру», «Гонки по вертикали», «Лекарство против страха», «Вечный зов», «Долгая дорога в дюнах», создали в стране новую аудиторию и во многом подготовили почву для восприятия традиционных телесериалов, появившихся на отечественном экране в 1990-х гг.

Первым в СССР (1988-1989 гг.) демонстрируется знаменитый бразильский сериал «Рабыня Изаура» с Луселией Сантуш в главной роли. Основная идея этого телепроекта, вполне адекватная требованиям отечественного телезрителя, и отсутствие сравнительного контекста не позволили увидеть те художественные особенности классического сериала, которые настойчиво обращают на себя внимание в теленовеллах более позднего времени. Но абсолютное погружение российского телезрителя в мир бесконечных телеисторий начинается в 1992 г., после триумфального шествия по телеэкранам страны популярной мексиканской мелодрамы «Богатые тоже плачут» (продюсер Валентин Пимштейн) с одной из самых ярких звезд латиноамериканского кино Вероникой Кастро в главной роли. Успешно стартовав на отечественном телевидении, бесконечный «мыльный» марафон заполняет собой частично пустующее телепространство и без особого труда завоевывает российский телерынок.

Сегодня невозможно представить себе телевидение России без теленовелл. В статье «Время телевидения» В. М. Михалкович отмечает, что «после какого-либо приключения герой сериала возвращается к тем же условиям существования, с которых началось его участие в приключении. Этой „натуральностью времени“, этими бытовыми ритмами повседневности сериал диаметрально противоположен перспективно-временным сокращениям информационной и других программ. Благодаря подобному контрасту... сериал так органично и прижился на телевидении» [6, с. 21]. Многие поклонники теленовелл не спешат признаваться в своем тайном пристрастии, продолжая, тем не менее, зачарованно следить за приключениями Марианны, Ракель, Марисоль, Марии, Розы, Гресси, Каролины, Антонеллы, поскольку, по мнению В. М. Михалковича, одно из природных свойств телевидения заключается в том, что «человеку, уединившемуся в тепле домашнего очага, оно возвращает „мир судьбы“, но превращенный в собственную тень, а значит, дематериализованный и облегченный. Вместе с тем, ТВ дает своему зрителю шанс властвования над дематериализованным и облегченным миром» [6, с. 10].

Телесериалы, как правило, предоставляют зрителю уникальную возможность расширить границы собственного мира. Теленовеллы приподняли завесу тайны над таким загадочным и непознанным явлением как, например, Латинская Америка. Теленовеллы отличаются, как правило, чрезвычайным разнообразием: классические мелодрамы, мелодрамы с элементами детектива, детективы с явными признаками мелодрамы, исторические мелодрамы, молодежные, фантастические,

профессиональные, юмористические сериалы, боевики, триллеры, мистические триллеры. Теленовеллы — феноменальное завоевание массовой культуры, органично вписавшееся в культурологическое поле нового времени, — сегодня претендуют на доминантную роль в отечественной телеиндустрии. В настоящее время телевидение преимущественно демонстрирует многочисленные российские телесериалы, рейтинг которых за последние годы значительно возрос. Предельно жесткие многосерийные фильмы, в которых присутствует обязательная детективная интрига, по степени востребованности не уступают лучшим европейским и латиноамериканским теленовеллам, чье лидерство долгое время считалось неоспоримым. Каждый телевизионный канал выпустил в эфир огромное количество телесериалов, снискавших заслуженное признание многочисленной аудитории.

Наблюдающийся «взгляд на сериал как форму переживания культуры сегодняшнего дня (занимающую сознание, подсознание, формирующую образы и смыслы — то, из чего конструируется социальное воображение), меняющуюся на наших глазах, использующую совершенно фантастические цифровые технологии представления, может быть диалектически расширен рассмотрением его повествовательных оснований. Нарратология может предоставить уже наработанный арсенал для анализа относительно новых повествовательных практик» [3, с. 64]. Массовая культура формирует те или иные критерии восприятия действительности, и произведения массовой культуры зачастую являются для потребителя неким суррогатом жизни. Стереотипы, предлагаемые, например, телесериалами, обогащают жизненный опыт телезрителей посредством демонстрации поведенческих критериев и характерных конфликтных ситуаций. Телесериалы в силу своих специфических свойств воспроизводят клишированные образы и типичные модели поведения человека. Увиденное в телесериале воспринимается зрителями, как правило, достаточно буквально: «Сегодня совершается кардинальный переворот в восприятии ТВ массовым зрителем. Его внимание приковывает уже не программа вечера, а отдельная передача, о которой имеется информация. Меняется и сам характер программ художественного вещания. Всё чаще встречается переплетение театральности и жизни, прямое вторжение искусства в жизнь, сотворение его непосредственно из материала самой жизни. Всё большее место занимает на экране *театр спровоцированной ситуации*» [8, с. 6]. Именно спровоцированная ситуация, в итоге, является основой любой современной теленовеллы и сближает телесериалы с суперпопулярными в настоящее время реалити-шоу. В сериалах моделируются те или иные сюжетные ходы, провоцируются конфликтные ситуации, выстраивается достаточно жесткая схема взаимоотношений внутри игрового поля, демонстрируются разнообразные характерные типы и воссоздаются различные вариации жизненных сценариев.

Многие современные мировые теленовеллы отличаются совершенно отчетливым урбанистическим колоритом. События разворачиваются в основном в пространстве города. Связь большинства теленовелл с определенным (реальным или абстрактным) топосом создает некую иллюзию замкнутого пространства.

Город, репрезентируемый в том или ином телесериале, может быть как столичным, так и провинциальным. Но жесткий ритм столицы и обманчивая медлительность провинции, тем не менее, одинаково безжалостны по отношению к персонажам. Конфликтная ситуация, как правило, возникает в самом начале и в основном исчерпывается в финале, однако остается ощущение некоторой искусственности развязки и определенной непроявленности финальных характеристик персонажей. Но говорить об образе города как о достоверном, узнаваемом и соотносимом с действительностью не представляется возможным, поскольку город во многих теленовеллах условен, лишен индивидуальности и явлен только как некая форма организации пространства.

Телесериалы возвращают телезрителей (особенно телезрительниц, поскольку женщина традиционно считается хранительницей домашнего очага) к основанному на «коллективном бессознательном» (К. Г. Юнг) и восходящему еще ко времени «младенчества человечества» (К. Г. Юнг) интуитивному стремлению почувствовать себя частью племени, рода, семьи, коллектива, внутри которого культивируются взаимоотношения, основанные как на кровном родстве, так и на духовной близости. Современная теленовелла, активно пропагандируя ключевые матримониальные ценности, продолжает отстаивать идею незыблемости семейных устоев. Оказавшись в одиночестве, оторвавшись от любимых людей, герой, возможно, впервые ощущает собственную значимость и, как ни странно, начинает получать удовольствие от жизни, наполненной событиями и приключениями. Таким образом, сериал, герои которого словно участвуют в игре на выживание, напоминает телевизионное шоу, где не выдержавший испытания выбывает.

Любой телесериал — это своего рода некий симбиоз страстей, и потому счастливый финал, как правило, представляет собой безоговорочную победу героя, находящего выход из, казалось бы, безнадежной ситуации. Но финал теленовеллы, как и любого шоу, просчитывается не всегда. Свершив возмездие, герои обретают покой, однако настоящее освобождение возможно лишь после того, как их примут в новую семью, уже в другой, доминантной, роли. Так выглядит новая версия изгнания из рая и возвращения в рай героини, прошедшей сквозь испытания. Как правило, и виновником всех бед героини современной теленовеллы, и ее спасителем оказывается мужчина. В телесериалах невольное «преступление» героини обязательно сопровождается ужасным наказанием, однако жестокость наказания ярче расцветивает необыкновенные краски нового рая. Своего рода «особые приметы» любой классической теленовеллы — обязательный счастливый финал, в котором появляется новая любящая семья, а персонажи проходят полное обновление, явленное как результат пережитых испытаний. Однако современный телесериал представляет собой симбиоз пронзительного натурализма и классического традиционализма: романтическая любовь, поверженные враги, надежда на безоблачное счастье. Обретая черты традиционной мелодрамы, трагедия едва ли не превращается в фарс, поскольку грань между событиями реалистичными и идеальными, фантастическими размывается, а герой легко

может превратиться в антигероя. Этот процесс происходит подчеркнуто незаметно, поскольку в сознании нового персонажа постепенно стирается граница между добром и злом, добродетелью и пороком. Даже сама по себе эта неизбежность органичного перехода персонажа из одного качества в другое может являться предметом художественного осмысления. Активный герой современной теленовеллы постоянно совершает как положительные поступки, так и поступки, которые производят обратное впечатление. Таким образом, новейший сериал постепенно отказывается от свойственного классической мелодраме четкого деления на амплуа. В настоящее время телесериалы выполняют функцию своего рода «антидепрессантов», помогают телезрителям справиться с накопившимися отрицательными эмоциями и победить стресс, однако некоторые теленовеллы скорее наоборот стремятся погрузить зрителя в состояние стресса, поскольку зачастую вызывают шоковый эффект (российские телепроекты «Метод» и «Метод-2», «Закрытая школа», «Полнолуние» и пр.).

Современные российские телесериалы, активно пропагандирующие непреходящие семейные ценности, концептуально близки классическим советским черно-белым фильмам. В новейшей теленовелле также преобладают персонажи, относящиеся к семье как к Абсолюту и квалифицирующие ее утрату как великую трагедию. Авторы сериалов создают гармоничный неомиф о семье, объединяя известные классические сюжеты в единую систему, основу которой составляют мифологемы «творения» и «конца света». Феномен семьи является частью особой мифологизированной этики. Таким образом, миф о семье транслируется практически в каждой современной отечественной теленовелле.

Телесериал представляет собой культурную модель, трансформация и функционирование которой является результатом особого отношения аудитории к телевидению. Основная черта эстетики сериала — определенной формы вымысла, преобладающей в современном культурном пространстве, — повторяемость персонажей, сюжетных конструкций и соотносимость этих явлений с реальной картиной мира. Сериал, безусловно, ценен как феномен социально-психологический: с появлением его в сетке вещания телеканалов многие телезрители получили необычную возможность наблюдать за подобием «живой жизни». Постоянная востребованность теленовелл является показателем неистощаемости жизненного материала, предлагаемого телевидением, поскольку действительность продолжает порождать всё новые и новые сюжеты, а событийный ряд в телеисториях разворачивается на фоне всё нарастающего конфликта. Для многих сериалов, например, характерно сопоставление внешней линии действия и его внутреннего отражения, нестандартное для подобного телевизионного жанра. Для развития сюжета наиболее значимыми являются не поступки как таковые, а сложные духовные процессы, приводящие к закономерным изменениям во внутреннем мире персонажей.

Телезрители пытаются выстраивать собственные поведенческие стратегии, подражая героям теленовелл. Вряд ли с ними произойдет то же, что случилось с героями, однако именно возможность иных жизненных сценариев примиряет

человека с экранной реальностью. Телезрители проживают вслед за персонажами другую виртуальную жизнь, получают новые впечатления и ощущают множество неизведанных эмоций, наблюдая за приключениями телегероев. Однако в этой гамме чувств доминирует ощущение спокойствия и защищенности, способствующее формированию позитивного взгляда на окружающий мир: «Сериал создает и транслирует смыслы, которые с неизбежностью влияют на наше сознание. Достаточно долго удерживая внимание аудитории, он может создавать и удерживать определенные смыслы, форматирует мир, поставляя массовому сознанию готовые пакеты интерпретаций. В этом плане сериалы являются привлекательными уроками жизни и мышления» [11, с. 43].

Говоря о популярности сериалов, необходимо вспомнить и об истории возникновения латиноамериканских теленовелл. По версии исследователей жанра, «источником сюжетов современных мелодраматических сериалов являются английские сентиментальные романы... а также французские серийные романы XIX века» [14, с. 2292] (*здесь и далее перевод М. А. Ветошкиной*). Неудивительно, что сюжеты сериалов во многом повторяют сюжетные линии сентименталистского текста, а позиция сентименталистов, идеалом которых выступал «естественный человек», свободный от пороков, далекий от цивилизации, дублируется в медиапространстве. Ключевая оппозиция, согласно идее Жан-Жака Руссо, связана с оппозицией «природа — культура», которая в телесериалах проявляется через конфликт гармонии чувств и рассудочности. Таким образом, после значительного перерыва сентименталистские тенденции возвращаются и продолжают свою долгую жизнь на экране.

Во многих латиноамериканских сериалах появляется образ наивной девушки, приехавшей в город из деревни, обманутой или соблазненной горожанином, — хотя в современном мире подобная ситуация и выглядит анахронизмом. По мысли венесуэльского режиссера Хосе Игнасио Кабрехаса (José Ignacio Cabrujas): «Если взглянуть... на традиции народного театра Латинской Америки, творчество писателей, таких как Флоренсио Санчес в Рио-де-Плата... Рафаэль Гинанд в Венесуэле — везде появляется тема крестьянина или наивной девушки, обманутой человеком из города. Это тема востребована в латиноамериканском мире» [12]. Таким образом, сформировавшаяся еще в XVIII в. оппозиция «природа — цивилизация» в замешанной на синтезе язычества и христианства культуре стран Латинской Америки доминирует и по сей день. Распространенная в Латинской Америке антитеза «деревня — город» влияет не только на сюжет теленовеллы, но и на репрезентацию образа главной героини, которая, будучи девушкой из деревни — идиллически-прекрасного пасторального локуса — перемещается из природного ландшафта в цивилизационный. Она оценивает город и горожан, подходя к ним с меркой патриархальной нравственности, идиллических представлений о духовности, что является трагическим заблуждением. Выйдя из «естественного состояния», героиня сразу становится жертвой обстоятельств и не может уже вернуться к прежним ценностям, поскольку «счастливая жизнь золотого века всегда была состоянием, чуждым человеческому роду, потому ли,

что он не мог ее оценить, когда мог ею наслаждаться, потому ли, что она была для него потеряна, когда он мог ее оценить» [10, с. 306].

Героини латиноамериканских сериалов, как правило, также прибывшие в большой город из провинциального пространства — деревни/хижины/трущоб, придерживаются идеалистических взглядов на мир, не понимая, что в городе совершенно иные нравственные установки и моральные нормы. Даже если героиня выросла среди благ цивилизации, она не вписывается в пространство города: между нею и окружающим миром воздвигнута незримая стена. Ограниченное пространство (закрытая школа-пансион, где Эва и Перла из аргентинского сериала «Черная жемчужина» чувствуют себя глубоко одинокими) или идеологические, религиозные противоречия (Жади — героиня бразильского сериала «Клон»). Эта выключенность героини из городского пространства роднит латиноамериканскую теленовеллу и сентиментальную повесть XVIII в. В Латинской Америке (ярче всего это проявляется в Мексике) распространен двойственный подход к трактовке женского образа. Анна Лопес, исследователь из Оксфордского университета, подробно рассматривая гендерный аспект латиноамериканских, в особенности мексиканских, телесериалов, отмечает, что «наиболее подробно в мелодраме рассматриваются вопросы индивидуальной (гендерной) идентичности в патриархальной культуре и суть определения Мексики как нации. В Мексике вопросы индивидуальной идентичности осложнены колониальным наследием, которое характеризует женщину и ее предполагаемую нестабильность и ненадежность как первоисточник национальной идентичности. Мексиканская нация определяется двумя женскими образами: с одной стороны, Девы Гваделупской, Матери и Покровительницы, и с другой стороны, национальной предательницы доньи Марины, также известной как Ла Малинче или Малинче Тенепатль, ацтекской принцессы, подаренной Кортесу и передавшей свой народ в руки конкистадоров» [15, с. 508]. Именно на Малинче в Мексике возлагается вина за виктимизацию нации. Специфика сложного образа латиноамериканской женщины, безгрешной и вместе с тем порочной, по своему реализуется сценаристами и режиссерами в разных странах континента. Но основные его черты так или иначе проявляются в каждой героине теленовеллы. Можно предположить, что в результате изображения традиционной двойственности женского образа возник столь часто появляющийся в мелодрамах тандем сестер, одна из которых символизирует светлую сторону женственности, а другая — темную.

Этот образ абсолютно идентичен образу героини латиноамериканской теленовеллы, наивной девушки, выросшей среди простых людей, сначала робко влюбляющейся, затем теряющей голову от любви и наконец попадающей в водоворот безумной и трагической страсти.

Теленовеллы — увлекательные истории о великой любви, вечной ненависти, верности, предательстве, роскоши и нищете, сбывшихся мечтах и трагических совпадениях — претендуют на одно из ведущих мест в мировом телепространстве и значительно влияют на рост рейтинга того или иного телеканала. Сегодня

в России доминируют отечественные сериалы, однако именно благодаря латиноамериканским теленовеллам российские зрители когда-то познакомились с этим жанром и полюбили его. Наивные, эмоциональные, сентиментальные истории любви открывают их поклонникам яркий, экспрессивный, ошеломляющий мир далекого и таинственного континента. До появления на российском телерынке многочисленных латиноамериканских сериалов отечественные зрители знали о Латинской Америке совсем немного. Словно сказочная мелодия звучали названия далеких городов: Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Мехико, Гвадалахара, Сантьяго. Феноменальный успех латиноамериканских теленовелл в России отчасти объясняется еще и тем, что их персонажи узнаваемы. В этих сентиментальных историях, как правило, отсутствует средний класс, а основные события разворачиваются на фоне антагонистических взаимоотношений бедных и богатых. По мнению В. А. Демениной, «распространение телесериалов как продукта потребления и экспорта, рост расходов на них и почти гипнотическое увлечение ими — лишь некоторые стороны данного явления, столь заметного в повседневной жизни. Влияние латиноамериканских телесериалов на обитателей разных частей света так же очевидно, как и загадочно» [2, с. 154].

Благодаря латиноамериканским сериалам, российский телезритель смог расширить границы собственного мира и приобщиться к неизвестной культуре далекого континента. Телесериалы по-латиноамерикански — это проявление особой ментальности, возвращенной в праздничной карнавальной стихии. Теленовеллы не заменяют латиноамериканцам живую жизнь, они и есть живая жизнь для многих из них. На Кубе, подарившей миру первую латиноамериканскую теленовеллу, время просмотра сериалов священно: «Это в России сериалы смотрят, на Кубе в них „живут“. Экранные страсти, любовь, ревность, тайны, образ мыслей и поступков — естественное, может быть, слегка упрощенное продолжение повседневной жизни. В результате просмотр каждой серии превращается в эффектный, динамичный спектакль, где основное действие происходит „по эту сторону“ экрана» [1, с. 15].

Неискушенному зрителю может показаться, что латиноамериканские сериалы просто дублируют друг друга, но на самом деле это ложная точка зрения, поскольку в каждом фильме выстраивается модель мира, воссоздающая неповторимый колорит именно той страны, в которой собственно и разворачивается действие телеистории.

Наиболее подвижными и менее шаблонными являются бразильские, колумбийские и венесуэльские телесериалы, но традиционный сюжет о бедной сироте встречается чаще в аргентинском и мексиканском телепространстве.

Аргентинский телесериал обладает чрезвычайно замысловатой сюжетной структурой, но основу сюжета аргентинской теленовеллы, как правило, составляет романтическая история любви богатого молодого человека и бедной девушки. Известнейшим сценаристом Аргентины является Энрике Торрес — прозаик, по романам которого и снимается большинство телеисторий на студиях Sonotex, Telearte, Telefe. В центре сюжета аргентинского телесериала явлен образ кроткой

мученицы, в одиночку противостоящей враждебности окружающих («Мануэла», «Милагрос», «Первая любовь»). Действие теленовелл обычно разворачивается в Буэнос-Айресе, однако виды столицы Аргентины в них практически отсутствуют. Действующие лица общаются друг с другом в роскошных гостиницах, фешенебельных особняках, офисах, ресторанах, но на природе, в сельской местности они почти не появляются. Вообще в аргентинских сериалах преобладает интернациональное начало. В большинстве аргентинских проектов достаточно редко встречаются испанские женские имена и распространены имена национально не окрашенные (Барбара, Норма, Антонелла, Валерия, Дельфина, Регина, Виктория, Эва, Малвина, Маргарита, Паула, Аделина и др.), а также итальянские, французские и даже англо-саксонские фамилии (Солерно, Ди Карло, Пиовани, Висконти, Ферето, Тейлор, Девис). Характерным для аргентинских теленовелл явлением можно назвать отсутствие наказания для отрицательных героев. Возмездие настигает злодеев не всегда, они либо умирают своей смертью («Мануэла», «Первая любовь», «Селеста», «Селеста, только Селеста», «Антонелла», «Цыганка»), либо спасаются бегством («Нано», «Богатые и знаменитые», «Черная жемчужина», «История любви»), а зачастую под влиянием чувств превращаются в добропорядочных буржуа («Черная жемчужина», «Дикий ангел»). Грехи, совершенные отрицательными персонажами, искупаются угрызениями совести, нередко мучительными воспоминаниями, что возвращает к сентименталистской идее об искуплении зла душевными страданиями. Таким образом, если бразильские телепроекты по большей части создаются в относительно реалистическом ключе, то авторы аргентинских сериалов стараются показывать действительность сквозь призму нравственных постулатов, свойственных еще сентименталистам.

Наиболее традиционными среди латиноамериканских телесериалов считаются мексиканские. Трансформируя известный сюжет о бедной сироте, ставший архетипическим, мексиканцы создают сентиментальные, любимые народом сказки, с которых в том числе и началось знакомство российской аудитории с теленовеллой. Судьба героини — бедной девушки, прошедшей сквозь лабиринт страданий и унижений и встречающей в финале благородного принца, словно воплощает тайную мечту многих телезрительниц о вечной любви. Такие телесериалы, как «Богатые тоже плачут», «Просто Мария», «Дикая роза», «Никто кроме тебя», «Моя вторая мама», «Ложь во спасение», «Мне не жить без тебя», безусловно, снискали всеобщую зрительскую любовь в Мексике, России и других странах мира. И хотя героини мексиканских телесериалов, пожалуй, слишком типизированы и даже взаимозаменяемы, однако именно они отражают классический идеал латинской девушки-селянки, получившей строгое католическое воспитание, пережившей невзгоды и страдания, обманутой и покинутой циничным возлюбленным, но сохранившей душевную чистоту. Мексиканские телеистории являются столь привлекательными для зрителей, поскольку финал каждой из них заранее предвосхищен: в нем торжествует добро и после череды испытаний геройня всё же обретает заслуженное счастье.

Крупнейшей компанией в телемире Мексики является могущественная корпорация Televisa, так называемая «фабрика сериалов», экспортирующая свою продукцию более чем в сто двадцать стран мира. Конкуренцию ей составляет мексиканская телекомпания TV Azteca, создающая телесериалы «повышенного риска». Они отличаются выразительным национальным характером и отчасти разрушают многие стереотипы классической теленовеллы, претендуя на статус своего рода интеллектуальной мелодрамы («Взгляд женщины», «Три жизни Софии», «Искушения», «Ничего личного», «Излишне сердечный»). Героини этих телесериалов горды, умны, уверены в себе, и каждая из них сопротивляется роли жертвы, навязанной обществом. Они выбирают сопротивление обстоятельствам и, как правило, побеждают. Таким образом, с помощью продукции этой телекомпании разрушается телемиф о белокурой красавице, кроткой и беззащитной, отличающейся абсолютным смирением, и тиражируется классический тип мексиканской женщины с ярко выраженным темпераментом и колоритной южной внешностью. Однако в большинстве мексиканских теленовелл традиционно доминируют кроткие и чувствительные героини («Марисоль», «Мне не жить без тебя», «Узы любви», «Золотая клетка»).

Во многих латиноамериканских сериалах возникает тема деревни, но развивается она по-разному. Если в мексиканских теленовеллах, как правило, только сообщается, что героиня приехала из сельской местности, то в венесуэльских и бразильских теленовеллах наглядно продемонстрирована деревенская жизнь. События разворачиваются в небольших провинциальных поселениях, хотя впоследствии могут переместиться и в индустриальные центры. Так, например, представлена внешне спокойная, размеренная, но в то же время наполненная драматическими событиями жизнь сельских провинций («Тропиканка», «Секрет тропиканки», «Лето нашей тайны», «Кровные узлы», «Голос сердца»). Такие сериалы можно назвать «пасторальными», именно в них преобладают в основном сказочные картины счастливых будней человека побережья и отсутствуют темные стороны жизни большого индустриального города. Большинство бразильских сериалов отличает яркий национальный колорит: в них осязимо выражены афро-индейские мотивы. Главная героиня по-бразильски — это чаще всего представительница коренного населения («Тропиканка», «Секрет тропиканки», «Голос сердца»). Неискушенная индейская девушка, оказавшись в большом городе, сталкивается с жестокостью окружающего мира, очаровывается недостойным молодым человеком, пресыщенным или безвольным, и прилагает немало усилий для того, чтобы обрести независимость. Именно эта интрига и становится основной в «пасторальном» бразильском сериале. В телепространстве Бразилии конфликт «природа — цивилизация» репрезентируется как противостояние наивных деревенских жителей, воплощающих духовность, и обитателей каменных джунглей города, отрицающих нравственные ценности. Подобный конфликт присутствует и в эстетической системе сентименталистов, видевших в крестьянине так называемого «естественного человека», не способного на гармоничное существование в порочном социуме.

Отличительной чертой венесуэльских телесериалов, пожалуй, является пространственная удаленность основного действия от столицы. («Реванш», «Кассандра», «Королева сердец»). Изображение патриархальных нравов латиноамериканской деревни также отсылает зрителя к руссоистской концепции «естественного человека», земледельца: «Сословие земледельцев, единственно необходимое и самое полезное» [9, с. 464], обладающего природной нравственностью, что соответствует естественным условиям существования человека. Таким образом, конфликт природы и цивилизации явлен сквозь призму противостояния нравственно чистой героини-селянки и отказавшегося от моральных принципов героя, принадлежащего к высшим слоям общества.

Следует отметить, что сериалы, выпускаемые различными мировыми телекомпаниями, зачастую основаны на опробованных в Латинской Америке адаптированных сюжетах. Образ героини, выросшей в идиллически-прекрасном месте среди нравственных людей и совершенно не подготовленной к реальной жизни, многократно трансформируется в мировой культуре, каждый раз обновляясь. Можно предположить, что именно латиноамериканские теленовеллы сохранили для нас этот образ в первоизданном виде — таким, каким его задумывали сентименталисты еще в XVIII в. Герой телемелодрам — эмоционально-впечатлительный человек, умиляющийся добродетели и ужасающийся злу, поскольку в центре любого телесериала присутствуют элементы сентиментализма — направления, апеллирующего к чувствам человека, безусловно идеализирующего добродетели, четко разграничивающего добро и зло, положительных и отрицательных персонажей.

В настоящее время в мире особенно популярны турецкие мелодрамы. Турецкий и российский менталитеты, казалось бы, ничто не может роднить, но некая общность между ними, тем не менее, существует. Турция представляется российскому телезрителю местом, где можно погрузиться в состояние покоя и ощутить другой ритм жизни. Путеводителями по этой неизвестной стране становятся романы Орхана Памука и атмосферные тексты Эльчина Сафарли. Наиболее востребованы в России такие турецкие сериалы, как «В чем вина Фатмагюль?», «Великолепный век», «Черные деньги и любовь», «Вишневые сезоны», «Между небом и землей», «Невеста из Стамбула», «Запретная любовь», «Запретный плод», «Не отпускай меня», «Слезы Дженнет», «Опасная любовь», «Судьба сестер», «Пусть ангелы хранят», «Госпожа Гюлли», «Эзель», «Черная любовь», «Черно-белая любовь», «Боль в моем сердце», «Любовь против судьбы», «Госпожа Фазилет и ее дочери», «Сломанные цветы», «Черный хлеб», «Два лица Стамбула». Мелодраматичность, основанная на сентименталистских принципах, в турецком телепространстве обладает специфическим характером: сентиментальный пафос углубляется за счет восточного колорита. Усиление чувств, обострение конфликтных ситуаций связаны со специфической турецкой ментальностью. Очень популярны сериалы, в которых поднимаются темы патриархальных традиций на востоке Турции и взаимоотношений внутри национальных кланов («Доверие», «Сыла. Возвращение домой», «Любовь и наказание», «Новая невестка»). Герой культового сериала «Любовь

и наказание» Саваш подчиняется жестоким обычаям одного из кланов, правящих в городе Ван. Его борьба за любовь Ясмин — девушки с побережья, воспитанной в европейских традициях — позволяет герою отстоять свою независимость и пересмотреть взгляды на доминантную роль семьи. Еще более безвыходная ситуация складывается в жизни Сылы, героини сериала «Сыла. Возвращение домой». Девушка, рожденная в Мидьяте, древнем городе, расположенном в самом сердце нагорья Тур-Абдин на востоке современной турецкой провинции Мардин — перекрестке дорог древней Месопотамии, воспитанная в состоятельной приемной стамбульской семье, становится жертвой обмана. Возвращение Сылы на родину в патриархальную турецкую провинцию ставит под угрозу ее физическое существование, поскольку по местным законам она должна пожертвовать собой во имя чести семьи и клана. Таким образом, во многих турецких телетекстах пафос сентиментальности связан с социальной тематикой или историческими событиями («Великолепный век», «Завоеватель», «Фатих», «Великолепный век. Империя Кесем»), что придает сюжету остроту, создает внутреннюю напряженность и обнаруживает глубокий внутренний драматизм: «В этой связи можно говорить о двух трендах развития сериалов. С одной стороны, это их всё большая специализация и подстройка под аудиторию: возрастную, конфессиональную, культурально-национальную. И нишевое таргетирование сериалов заметно даже неспециалисту. Но одновременно, с другой стороны, идет процесс расширения аудитории сериалов. Но достигается это обобщение не столько за счет упрощения и схематизации сюжетов и героев, сколько за счет насыщения контента возможностями его разнообразных интерпретаций и смыслопорождения, чтобы каждый зритель и читатель мог вычитать и высмотреть свое, „надышать“ текст своим смыслом» [11, с. 47].

Именно поэтому в последние годы, следуя общемировой тенденции, турецкие и латиноамериканские сериалы постепенно перемещаются из телевизионного пространства на крупнейшие развлекательные интернет-платформы — Netflix и Amazon. При всём стремлении создателей таких сериалов вписаться в рынок и предложить стандартизированный продукт, соответствующий обобщенным культурным запросам людей от 15 до 40 лет, поскольку именно они являются основными потребителями сериалов, размещаемых на платформах в Сети, присутствует и желание по возможности транслировать картину того или иного национального мира. Условная «стандартизация» контента проявляется прежде всего в выборе жанра. Но помимо традиционных сериалов в жанре «драмы» и «мелодрамы», на интернет-платформах появляются турецкие и латиноамериканские сериалы других жанров, более востребованные в молодежной среде. Возникают первые национальные сериалы, снятые в жанрах «фэнтези» и «хоррор»: турецкие «Защитник» (Hakan: Muhafiz / The Protector, 2018, реж. Джан Эвренол (Can Evrenol) и Гёкхан Тирьяки (Gökhan Tiryaki)), «Дар» (Atiye / The Gift, 2019, реж. Гонендж Уяник (Gonenc Uyanik)), «Бессмертные» (Yaşamayanlar / Immortals, 2018, реж. Альфан Эшли (Alphan Eseli)); латиноамериканские «Дьяблеро» (Diablero, Мексика, 2018, реж. Хосе Мануэль Кравиото (J. M. Cravioto)), «Всегда ведьма» (Siempre Bruja / Always a Witch,

Колумбия, 2019, реж. Лилиана Боканегра (Liliana Bocanegra)), «Зеленая граница» (Frontera Verde / Green Frontier, Колумбия, 2019, реж. Лаура Мора Ортега (Laura Mora Ortega)), «Спектрос» (Spectros, Бразилия, 2020, реж. Дуглас Петри (Douglas Petrie)) и др.

Владельцами стриминговых интернет-платформ востребованы фильмы в жанрах, редко встречающихся в турецком и латиноамериканском телепроизводстве: «остросюжетный детектив» («Бехзат Ч. Полиция Анкары» (Behzat C.: Bir Ankara Polisiyesi, 2010, реж. Сердар Акар (Serdar Akar), Доган Умит Караджа (Doğan Ümit Karaca))) и «боевик» («Волк» (Böğü / Wolf, 2018, реж. Кан Эмре (Can Emre), Чем Озюдур (Çem Özuduru))). Традиционно большой популярностью у целевой аудитории пользуются сериалы про школьную повседневность, проблемы взросления и романтические отношения старшеклассников, такие как турецкие «Любовь 101» (Aşk 101 / Love 101, 2020, реж. Ахмет Катыксыз (Ahmet Katıksız), Дениз Йорулмазер (Deniz Yorulmazer), Умут Арал (Umut Aral), Гонендж Уяник) и «4N1K» (2018, реж. Мурат Онбул (Murat Onbul)); латиноамериканские «Отмена действия» (Control Z, Мексика, 2020, реж. Бернардо де ла Роса (Bernardo De La Rosa) и Алехандро Лосано (Alejandro Lozano)), «Созвучие» (Sintonia, Бразилия, 2019, реж. Джонни Араужо (Johnny Araújo)) и др.

Несмотря на то, что сюжеты этих теленовелл неизбежно клишированы, режиссеры предлагают визуальный ряд, наполненный национальным колоритом. Таким образом, зритель, выросший в латиноамериканской или турецкой среде, острее сопереживает героям, поскольку может ассоциировать себя с ними или же узнает что-то новое про неизвестную ему культуру.

Также для интернет-платформ снимаются и патриотические сериалы на исторические темы, повествующие о героических страницах прошлого страны-производителя: «Восход Оттоманской империи» (Rise of Empires: Ottoman, Турция, 2020, реж. Эмре Шахин (Emre Şahin)), «Боливар: замечательная битва» (Bolívar, unalucha admirable / Bolívar, an admirable fight, Колумбия, 2019, реж. Луис Альберто Рестрепо (Luis Alberto Restrepo)). Помимо развлекательной, эти телепродукты выполняют просветительскую функцию и прививают молодым людям интерес к истории страны-производителя.

Турецкие телесериалы — экранизации классических и современных текстов, распространенные в телепространстве Турции, во многом позволяют зрителю знакомиться с лучшими образцами турецкой литературы: «Жалость» (Acımak, 1985, реж. Орхан Аксой (Orhan Aksoy)) по одноименному роману Решата Нури Гюнтекина (Reşat Nuri Güntekin) 1928 г.; «Королек — птичка певчая» (Çalıkuşu) по одноименному роману Решата Нури Гюнтекина 1922 г. (сериал, 1966, реж. Осман Фахир Седен (Osman Fahir Seden); сериал, 1986, реж. Осман Фахир Седен; телесериал, 2013, реж. Чаган Ырмак (Çagan İrmak) и Доган Умит Караджа); «Листопад» (Yaprak Dökümü, 2005, реж. Месуде Эрарслан (Mesude Erarşlan)) по одноименному роману Решата Нури Гюнтекина 1930 г.; «Симфония любви» (Dudaktan Kalbe, 2007, реж. Андаç Хазнедароглу (Andaç Haznedaroğlu)) по роману «От уст к сердцу» (Dudaktan Kalbe) Решата Нури Гюнтекина 1925 г.;

«Запретная любовь» (Aşk-ı Memnu, 2008, реж. Хиляль Сарал (Hilal Saral)) по одноименному роману Халида Зия Ушаклыгиля (Halid Ziya Uşaklıgil) 1899 г.; «Ферма леди» (Hanımın Çiftliği, 2009, реж. Фарук Тургут (Faruk Turgut)) по одноименному роману Орхана Кемала (Orhan Kemal) 1961 г., «В чем вина Фатмагюль?» (Fatmagül'ün Suçu Ne, 2010, реж. Хиляль Сарал) по авторскому сценарию Ведата Тюркали (Vedat Türkali) 1986 г., адаптированному и изданному как роман в 2011 г.; «Мирная улица» (Huzur Sokağı, 2012, реж. Шенол Сёнмез (Senol Sönmez)) по одноименному роману Шуле Юксель Шенлер (Şule Yüksel Şenler) 1970 г.; «Два лица Стамбула» (Fatih-Harbiye, 2014, реж. Садуллах Селен (Sadullah Celen)) по одноименному роману Пеями Сафа (Peşami Safa) 1931 г.; «Курт Сеит и Александра» (Kurt Seyit ve Şura, 2014, реж. Хиляль Сарал) по романам писательницы Нермин Безмен (Nermin Bezmen) 1992-1994 гг.; «Фи, Чи, Пи» (Fi Çi Pi, 2017, реж. Мерт Байкал (Mert Baykal)) по одноименной трилогии писательницы Азры Кохен (Azra Cohen) 2013-2015 гг.; «Стамбульская невеста» (İstanbul Gelin, 2017, реж. Зейнеп Гюнай (Zeynep Günaş Tan)) по роману писательницы Гюльсерен Будаиджиоглу (Dr. Gülseren Budayıcıođlu) «Возвращение к жизни» (Hayata Dön, 2011); «Защитник» (Hakan: Muhafiz / The Protector, 2018, реж. Джан Эвренол, Гёкхан Тирьяки, по роману писательницы Н. Ипек Гёкдель (N. İpek Gökdel); «Дар» (Atiye, 2019, реж. Гонендж Уяник, Озан Ачыктан (Ozan Açıktan), Бурку Алптекин (Burcu Alptekin), Али Танер Балтаджи (Ali Taner Baltacı), Гёкхан Тирьяки (Gökhan Tiryaki)) по роману Шенгюль Бойбаш (Sengül Boybas) «Пробуждение мира» (Dünyanın Uyanışı, 2018); «Ветреный» (Hercai, 2019, реж. Джем Карджи (Sem Karci), Беналь Тахири (Benal Tahiri)) по одноименному роману Сюмейе Коч (Sümeyye Koç); «Твоя судьба — дом, в котором ты родился» (Dođduđun Ev Kaderindir, 2019, реж. Чагры Байрак (Cagri Bayrak), Мурат Озтюрк (Murat Öztürk) по роману Гюльсерен Будаиджиоглу «Девушка за стеклом» (Camdaki Kız, 2019); «Музей невинности» (Masumiyet Muzesi) по одноименному роману Орхана Памука 2008 г. Сериал должен выйти на экраны в 2021 г.

У российского телезрителя сегодня популярны отечественные мелодрамы, часть из которых являются адаптациями зарубежных аналогов («Татьянин день», «Слово женщине», «Не родись красивой», «Маргоша», «Ищейка», «Хорошая жена», «Адвокатессь», «Шифр», «Налет», «Преступление» и др.). Такие телесериалы обладают чрезвычайно замысловатой сюжетной структурой и становятся мегапопулярными в отечественном телепространстве. Так, например, телесериал «Татьянин день» — адаптация успешной колумбийской мелодрамы «Война Роз» (La Guerra de las Rosas), реж. Даго Гарсия и Луис Филипе Саламанка. «Татьянин день» (авторы отечественной адаптации — Анастасия Касумова и Алексей Молоков) стал одним из самых рейтинговых сериалов 2007 г. и вызвал большой резонанс еще на этапе съемок. Другой чрезвычайно популярный проект «Не родись красивой», премьера которого состоялась в 2005 и 2006 гг. на телеканале «СТС», представляет собой ремейк колумбийской теленовеллы «Я — Бэтти, дурнушка» (Yo soy Betty, la fea; 1999, реж. Марио Рибера Ферейра (Mario Ribero Ferreira)).

Сериал «Не родись красивой» прошел в России с колоссальным успехом и в свое время значительно повысил рейтинги телеканала. «Маргоша» (реж. Сергей Арланов) — российская адаптация аргентинской теленовеллы «Лалолоа». Сериал имел очень высокие рейтинги, и было решено приступить к созданию оригинального продолжения. Таким образом, со 151-й серии сценарий «Маргоши» полностью стал писаться российскими авторами. Создатели сериала «Лалолоа» признали российскую версию картины чрезвычайно удачной. Еще один телесериал «Моя прекрасная няня» — российский телепроект, снятый по мотивам американского сериала «Няня» (1993-1999) в 2004-2006 и 2008 гг., дважды был награжден телевизионной премией ТЭФИ — в 2005 и 2006 гг.

Сегодня в российском телепрокате традиционно преобладают детективные сериалы («Улицы разбитых фонарей», «Свои», «След», «Охота на Золушку», «Тайны следствия», «Нераскрытый талант», «Метод», «Преступление», «Мост», «Ворона», «Черная лестница», «Ищейка», «Полицейский участок», «Московская борзая» и др.), а также регулярно демонстрируются психологические драмы и мелодрамы («Воровка», «Трое против всех», «Другая жизнь», «Две судьбы», «Сестры», «Ундина», «Всегда говори всегда», «Доярка из Хацапетовки», «Вероника», «Ключи от счастья», «Однажды будет любовь», «Улыбка пересмешника», «Татьянин день», «Дыши со мной», «Нити любви», «Зеркала», «Скажи правду» и др.). Достаточно активно создатели российских теленовелл осваивают и жанр мистического триллера, так называемого «русского хоррора» («Возмездие», «Черный ворон», «Закрытая школа», «Здесь кто-то есть», «Ангелы и демоны», «Пятая стража», «Вторжение», «Бухта страха», «Тёмный инстинкт», «Бессонница», «Я отменяю смерть», «Агентство О.К.К.О.», «Второе зрение»).

Чрезвычайно востребованы сегодня и сериалы о настоящих мужчинах, поскольку образ мужественного героя, связанного с силовыми структурами и поминутно рискующего жизнью, приобретает отчетливые черты своеобразного бренда («Спецназ», «Знахарь», «Мужская работа», «Господа офицеры», «Псевдоним „Албанец“», «Курорт цвета хаки», «Морские дьяволы» и др.). С 2000-х гг. на экранах появляется образ женщины-детектива («Каменская», «Ищейка», «Спасская», «Старые кадры», «Морозова», «Московская борзая», «Своя чужая», «Ворона», «Полицейский участок», «Тайны следствия», «Некрасивая подружка», «Вокально-криминальный ансамбль», «Оперетта капитана Крутова», «Под напряжением», «Обратный отсчет», «Тень за спиной», «Случайный кадр», «Мост», «Преступление»). Рациональная Каменская, сдержанная Швецова, эмоциональная Кушнир, собранная Морозова, женственная Борзова, замкнутая Левашова, стильная Маринец, аутентичная Веермаа, резкая Воронцова, пленительная Спасская, жесткая Москвина становятся любимцами телезрителей.

В российских телесериалах сегодня доминируют литературоцентричные стратегии. Можно наблюдать четыре основные группы телеисторий, созданных на литературной основе:

1. Первая группа — экранизации классических произведений: «Идиот» (2003), реж. Владимир Бортко; «Преступление и наказание» (2007),

- реж. Дмитрий Светозаров; «Бесы» (2007), реж. Валерий Ахадов и Геннадий Карю; «Братья Карамазовы» (2008), реж. Юрий Мороз; «Бесы» (2014), реж. Роман Шалапин; «Герой нашего времени» (2006), реж. Александр Котт; «Тарас Бульба» (2009), реж. Владимир Бортко; «Анна Каренина» (2017), реж. Карен Шахназаров; «Обрыв» (2011), реж. Валерий Федосов; «Полонез Кречинского» (2007), реж. Вадим Дубровицкий; «Горе от ума» (2019), реж. Динар Гарипов; «Юнкера» (2006), реж. Игорь Черницкий, Андрей Малюков; «В лесах и на горах» (2010), реж. Александр Холмский.
2. Вторая группа — телесериалы, снятые по бессмертным произведениям XX в.: «Белая гвардия» (2012), реж. Сергей Снежкин; «Мастер и Маргарита» (2005), реж. Владимир Бортко; «Хождение по мукам» (2017), реж. Константин Худяков; «Доктор Живаго» (2005), реж. Александр Прошкин; «Тихий Дон» (2015), реж. Сергей Урсуляк; «Угрюм-река» (2020), реж. Юрий Мороз; «Жизнь и судьба» (2012), реж. Сергей Урсуляк; «В круге первом» (2006), реж. Глеб Панфилов; «Дети Арбата» (2004), реж. Андрей Эшпай; «Тяжелый песок» (2008), реж. Антон Барщевский и Дмитрий Барщевский; «Московская сага» (2004), реж. Дмитрий Барщевский; «Таинственная страсть» (2016), реж. Влад Фурман.

Но наиболее многочисленными являются две следующие группы телесериалов:

3. Созданные по мотивам современных авторов-беллетристов (В. Орлова, Ю. Полякова, В. Токаревой, Г. Яхиной, Л. Юзефовича, Д. Рубиной, А. Иванова).
4. Созданные по произведениям представителей массовой литературы (Е. Вильмонт, А. Бересневой, Е. Жариновой, Кати Метелицы, М. Метлицкой, А. Луниной, С. Петровой, Н. Андреевой, В. Колочковой, Л. Мартовой, А. Марининой, Т. Устиновой, А. и С. Литвиновых, Т. Гармаш-Роффе, Т. Поляковой, Е. Михалковой, Д. Донцовой, В. Платовой, Н. Александровой, Н. Андреевой, А. Малышевой, А. Орлова, А. Звягинцева, Е. Марковой, А. Князевой, И. Мельниковой, Д. Вересова).

Таким образом, в российском медиапространстве преобладают литературоцентричные стратегии и большинство сериалов базируется на серьезном литературном материале, что гарантирует их качество, но при этом мелодраматизм и сентиментальность остаются доминантными характеристиками любого телепроекта. Зачастую дебют телесериала стимулирует издание того или иного литературного материала. Каждый сериал, в том числе и самый несложный, по логике продюсеров и авторов, должен погружать зрителя в состояние катарсиса, заставляя сопереживать, плакать и даже страдать. И хотя опыт демонстрации сериалов в отечественном телепрокате относительно невелик, но за время существования этой индустрии даже калькированные теленовеллы превзошли оригинальные за счет насыщения кинотекста психологизмом, наполнения интерактивностью, «которая выражается, прежде всего, в удовлетворении запроса аудитории в развитии, расширении связной смысловой картины порождаемой реальности» [11, с. 47].

Выводы

В результате анализа телесериалов можно выделить ряд общих черт в телеповествованиях, зачастую созданных по единым шаблонам. При этом персонажи, мотивы, сюжеты и модели поведения в социуме, транслируемые в сериале, различаются в зависимости от национальной специфики того или иного телесериала. В веб-пространстве на стриминговой платформе Netflix также сохраняется этно-культурная тональность, поскольку именно она привлекает зрителей из разных стран.

В турецких сериалах преобладают матримониальные ценности и изображаются зачастую критикуемые в таких фильмах архаичные патриархальные традиции («Черный хлеб», «День, когда написана моя судьба», «В чем вина Фатмагюль?», «Сыла. Возвращение домой», «Любовь и наказание»), показано противостояние восточных традиций и западного образа жизни, антитетичность традиционного уклада в центральной, западной и восточной частях страны.

В контексте латиноамериканских телесериалов явлена картина мира в каждой конкретной стране южноамериканского континента, а также Мексики и Кубы. Национальные пространства обладают собственной идентичностью, и в сериалах демонстрируются условные особенности жизни в каждой из стран Латинской Америки. В таких сериалах всегда присутствует яркий социальный оттенок и демонстрируется острая социальная проблематика: материальное расслоение, низкий уровень жизни части населения, проблемы безопасности, криминальная атмосфера, ранние браки, безработица, домашнее насилие, жесткий гендерный дисбаланс, жизнь в опасных районах («Перспектив Бразилии», «Красный цвет Бразилии», «Механизм», «Раздвоение личности», «Правила игры», «Невидимый город», «Охотник», «Лабиринт», «В форме закона», «Если я сейчас закрою глаза», «Убийственные рейтинги», «Братство», «Преследование», «Дикий округ», «Темный ангел», «Любовь и страх», «Бабочка», «Обещание», «Повелитель небес», «Черная вдова» и др.).

Российские телесериалы соответственно обладают собственной национальной спецификой, хотя социальный аспект чаще всего демонстрируется в специализированных телесериалах («Челночницы», «Станица», «В клетке», «Мажор»), в то время как в мелодраматических телесериалах подчеркнут именно человеческий, душевный аспект. Кроме того, в России снимается значительное количество исторических телепроектов («Годунов», «Раскол», «Крылья Империи», «Екатерина», «Тобол», «Грозный», «Петр Первый. Завещание», «Тобол», «Демон Революции», «София», «Романовы», «Жуков», «А.Л.Ж.И.Р.» и др.). Исторические сериалы производят и в Бразилии, например, показанный на отечественном экране телепроект «Земля любви, земля надежды» о судьбах итальянских переселенцев, а также в Турции о времени правления султанов Ближневосточной Порты («Великолепный век», «Завоеватель», «Великолепный век. Империя Кесем», «Фатих», «Хюррем Султан» и др.). Однако несмотря на столь значимые различия, общим для всех мировых телесериалов является мелодраматизм, возвращение к пафосу сентиментальности как ключевому.

Сериал создает, как правило, более насыщенную событиями действительность, он не просто органично встроен в жизненное пространство, он является его неотъемлемой частью. И погружаясь в искусственную реальность, телезритель стремится условно занять место одного из героев, мысленно уточнить его мотивацию, объяснить его поступки, подтвердить или оспорить его стратегию. Таким образом, сегодня сериал становится перспективным социальным и национальным проектом, претендующим на одну из доминантных позиций в современном культурном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзикович Е. Сериал под названием «Куба» / Е. Айзикович // Сериал. 2001. № 43. С. 15-17.
2. Деменина В. А. Жизнь и... снова жизнь чилийских телесериалов / В. А. Деменина // Латинская Америка. 1999. № 12. С. 154-156.
3. Козлов Е. В. Нарратив сериала: между буквой и цифрой / Е. В. Козлов // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 63-69.
4. Купина Н. А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николина. М.: Флинта, 2009.
URL: <https://litlife.club/br/?b=211006&p=1>
5. Литовская М. А. Капитализация «плесени»: незамеченные герои романтической эпохи / М. А. Литовская // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 155-165.
6. Михалкович В. М. Время телевидения / В. М. Михалкович // Экранные искусства и литература. Телевизионный этап. М.: Наука, 2000. С. 4-24.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.
8. Петров Г. Н. Телевизионная драматургия: Проблемы журналистского мастерства и особенности творчества / Г. Н. Петров. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 119 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Сочинения: в 3 томах / Ж.-Ж. Руссо. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Том 2. 762 с.
10. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. М.: Наука, 1969. 704 с.
11. Тульчинский Г. Л. Факторы сериальности в массовой культуре и литературе / Г. Л. Тульчинский // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 38-51.
12. Cabrujas José Ignacio: "La muerte de la telenovela" // ProDavinci.
URL: <http://prodavinci.com/2010/05/16/actualidad/jose-ignacio-cabrujas-la-muerte-de-la-telenovela/>

13. Eco U. "Casablanca": cult movies and intertextual collage / U. Eco // *SubStance*. Vol. 14. No. 2. Iss. 47: *In Search of Eco's Roses* (1985). University of Wisconsin Press. Pp. 3-12. URL: <http://www.jstor.org/stable/3685047>
14. La Pastina A. Telenovela / A. La Pastina // *Encyclopedia of Television*. New York: Fitzroy Dearborn, 2004. Pp. 2292-2294.
15. Lopez A. M. Tears and desire: women and melodrama in the 'Old' Mexican Cinema / A. M. Lopez // *Feminism and Film*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. Pp. 505-520.

Larisa S. KISLOVA¹
Maria A. VETOSHKINA²

UDC 821.16.11

**TV SERIES AS A SOCIAL PROJECT
IN MODERN MASS DISCOURSE:
NATIONAL SPECIFICATIONS**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian Literature,
University of Tyumen
l.s.kislova@utmn.ru

² Master Student, University of Tyumen
m.a.vetoshkina@utmn.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of such a phenomenon as a television series in the modern mass discourse. Popular culture invariably defends conservative and therefore popular values in society and operates with a number of elementary moral attitudes. Perceiving a work of mass culture, it is possible to imagine what is love, society, history and everyday life. TV series in a modern format, allow visual content to supplant verbal content and are able to construct this or that reality. TV series is a specific cultural model, transformation and functioning of which is the result of a special attitude of the audience to television. The hero of telemelodrama is an emotionally impressionable person, touched by virtue and horrified by evil, since at the center of any television series there are elements of sentimentalism — a direction that appeals to feelings a person who unconditionally idealizes virtue, clearly distinguishes between good and evil, goodies and bad guys. The aim of the study is to consider friction of the television series as one of the most successful projects in modern mass discourse. In the text of the article, on the basis of a typological approach, the corpus of temporary television series, the transformation of the series adapted to the original. The theoretical and methodological basis of the work

---

Citation: Kislova L. S., Vetoshkina M. A. 2021. “TV Series as a Social Project in Modern Mass Discourse: National Specifications”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities, vol. 7, no. 1 (25), pp. 80-105.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105

---

was made up of works Jose Ortega y Gasset, Umberto Eco, M. A. Chernyak, M. A. Litovskaya, N. A. Kupina, N. A. Nikolina, V. M. Mikhalkovich and other researchers of the phenomenon of mass culture. In this article the nature of this phenomenon is formulated for the first time, it is created on the basis of national material, and features popular Latin American, Turkish, Russian content. TV series recreate the national picture of the world, broadcast revealing national specifics and introducing the viewer to the peculiarities of human life in a particular geographic space. According to the logic of the creators, the series should immerse the viewer in a state of catharsis, forcing empathy, crying and even to have a feeling of fear. As a rule, the series creates more eventful reality, it is not just organically built into the living space, but becomes its integral part. Thus, the television series is a promising social project, claiming to be one of the dominant positions in the modern cultural context.

Keywords

Mass culture, discourse, sentimentalism, text, film text, telenovela, melodrama, strategy, media space, national project.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105

REFERENCES

1. Aizikov E. 2001. "Serial called 'Cuba'". Serial. No. 43, pp. 15-17. [In Russian]
2. Demenina V. A. 1999. "Life and ... again the life of Chilean television series". Latin America. No. 12, pp. 154-156. [In Russian]
3. Kozlov E. V. 2018. "Narrative of the series: between letter and number". Cult-goods: mass literature of modern Russia between letter and number: the collection of scientific articles. SPb: RGPU named after A. I. Herzen. Pp. 63-69. [In Russian]
4. Kupina N. A., Litovskaya M. A., Nikolina N. A. 2009. Mass literature today: textbook. allowance. Moscow: Flinta. <https://litlife.club/br/?b=211006&p=1> [In Russian]
5. Litovskaya M. A. 2018. "Capitalization of 'mold': unnoticed heroes of the romantic era". Cult goods: mass literature of modern Russia between letter and number: the collection of scientific articles. SPb: RGPU named after A. I. Herzen. Pp. 155-165. [In Russian]
6. Mikhalkovich V. M. 2000. "Television time". Screen arts and literature. Television stage. Moscow: Nauka. Pp. 4-24. [In Russian]
7. Ortega y Gasset H. 2016. Revolt of the masses. Translated from Spanish by A. Geleskula. Moscow: AST. 256 pp. [In Russian]
8. Petrov G. N. 1999. Television dramaturgy: Problems of journalistic skill and features of creativity. SPb: Publishing house of St. Petersburg. University. 119 pp. [In Russian]
9. Rousseau J.-J. 1961. Works: in 3 volumes. Moscow: State Publishing House of Fiction. Vol. 2, 762 pp. [In Russian]
10. Rousseau J.-J. 1969. Treatises. Moscow: Nauka. 704 pp. [In Russian]
11. Tulchinsky G. L. 2018. "Factors of seriality in mass culture and literature". Cult-goods: mass literature of modern Russia between letter and number: the collection of scientific articles. SPb: RGPU named after A. I. Herzen. Pp. 38-51. [In Russian]

12. Cabrujas José Ignacio. "La muerte de la telenovela". ProDavinci. <http://prodavinci.com/2010/05/16/actualidad/jose-ignacio-cabrujas-la-muerte-de-la-telenovela/>
13. Eco U. 1985. "'Casablanca': cult movies and intertextual collage". *SubStance*. Vol. 14, no. 2, iss. 47: In Search of Eco's Roses. University of Wisconsin Press. Pp. 3-12. <http://www.jstor.org/stable/3685047>
14. La Pastina A. 2004. "Telenovela". *Encyclopedia of Television*. New York: Fitzroy Dearborn. Pp. 2292-2294.
15. Lopez A. M. 2000. "Tears and desire: women and melodrama in the 'Old' Mexican Cinema". *Feminism and Film*. Oxford; New York: Oxford University Press. Pp. 505-520.

Кристина Михайловна МАРШАНИЯ¹
Ольга Михайловна УШАКОВА²

УДК 821.111

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФЕЛИНОФИЛИЯ И АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ МОДЕРНА (Т. ГОТЬЕ, ДЖ. ДЖОЙС, Т. С. ЭЛИОТ)

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
christy-m@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0218-0079

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
olmiva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0656-3774

Аннотация

Для каждой литературной эпохи характерны определенные модели литературной анималистики со своими смысловыми акцентами и символикой, типами коммуникации «человек — животное», жанровыми предпочтениями. В статье рассматриваются особенности литературной фелинистики эпохи модерна, выясняются культурные и социальные причины художественной фелинофилии. Материалом исследования стали три текста, написанные в период с 1869 по 1939 г., рассматриваемые как в широком культурном контексте Нового времени, так и в границах своего времени (модерн): «Домашний зверинец» (*“Ménagerie intime”*, 1869) Т. Готье, «Копенгагенские коты» (*“The Cats of Copenhagen”*, 1936) Дж. Джойса и «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» (*“Old Possum’s Book of Practical Cats”*, 1939) Т. С. Элиота. В ходе нашего исследования мы опирались как на историко-литературные работы, посвященные анализу конкретных анималистических образов, труды культурологического характера, а также обращались к опыту структуралистских исследований и идеям нового

Цитирование: Маршания К. М. Литературная фелинофилия и анималистические ракурсы модерна (Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот) / К. М. Маршания, О. М. Ушакова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 106-127.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

постгуманистического знания (*Human-Animal Studies*). Анималистические тексты Готье — Джойса — Элиота объединяют не только действующие персонажи-кошки, но и определенные художественные ракурсы, сходные типы взаимоотношений «человек — животное», социальный и культурный контексты, в которых репрезентированы их герои. Фелинные персонажи Готье — Джойса — Элиота имеют много общего: это антропоморфные обитатели урбанистического пространства индустриальной эпохи, ведущие соответствующий образ жизни и обладающие качествами, присущими среднему классу. Кошки Готье — Джойса — Элиота обладают яркой индивидуальностью, незаурядными способностями, живым умом, богатым эмоциональным миром, живут по законам человеческого общества. Это привлекательные, разумные, витальные, цивилизованные индивиды с неповторимыми, эксцентричными характерами (гуморами). Авторы с любовью, восхищением и снисходительно-добродушным юмором относятся к своим героям. Этот тип отношений можно охарактеризовать как сентиментальный, патриархальный, патерналистский, антропоцентричный, социально маркированный.

Ключевые слова

Human-Animal Studies, анималистика, литературная фелинофилия, кошки в литературе и искусстве, Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

Введение

Анималистические образы в искусстве являются такими же древними, как и само искусство. Анималистическая художественная традиция непрерывно развивается от первых наскальных рисунков и устных рассказов о животных до постмодернистской «кошачьей» рефлексии Чарльза Буковски и актуальных интернет-мемов. Уже в поэмах Гомера представлено многообразие анималистических ракурсов, начиная с простого упоминания животных как части окружающего реального мира («псы празднобродные» в первых стихах «Илиады») и заканчивая образами мыслящих, чувствующих и даже разговаривающих «друзей человека» (кони Ахиллеса, Балий и Ксанф; пес Одиссея, Аргус). Образы гомеровских животных вполне могут быть проблематизированы как объекты современных междисциплинарных исследований *Human-Animal Studies*, посвященных изучению взаимодействия человека и животных.

В своем подробном обзоре новейших работ по экокритике латышская исследовательница Каролина Гансовская отмечает: «*Human-Animal Studies* пытаются ответить на множество вопросов об отношениях человека и животных: как человек может понять чувства других животных и найти с ними общий язык; как система взглядов человека на пол и расу влияют на восприятие при чтении литературы, связанной с темой животных; какова взаимосвязь между научной культурой и человеческими способами понимания и соотнесения себя с другими животными?» [3]. Представляется интересным применить некоторые элементы этой методологии к литературной анималистике прошлых эпох, что позволит

расширить наши представления о ней и обозначить новые исследовательские ракурсы (о новых «пост- и трансгуманистических» методологических подходах см., например, статью «„Немножко лошади“: антропологические заметки на полях анималистики» В. Ю. Михайлина и Е. С. Решетниковой [9]).

С точки зрения «больших данных» (“*big data*” истории всемирной литературы), для каждой литературной эпохи характерны те или иные модели литературной анималистики со своими смысловыми акцентами и символикой, типами коммуникации «человек — животное», жанровыми предпочтениями (сказки, басни, животный эпос и др.) и т. п. Материалом нашего исследования являются литературные тексты, созданные во второй половине XIX и первой половине XX вв. — период, который в истории культуры часто обозначают как «эпоха модерна». Отсутствие эстетической нормативности не отменяет наличия определенных художественных закономерностей, обусловленных общим социокультурным пространством эпохи. Французский писатель и поэт Теофиль Готье (*Théophile Gautier*, 1811-1872) стоит у истоков литературы модерна, а такие классики высокого («интернационального») модернизма, как Джеймс Джойс (*James Joyce*, 1882-1941) и Томас Стернз Элиот (*T. S. Eliot*, 1888-1965), представляют одну из вершин развития этой культурной парадигмы.

Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся скорее к «побочным», маргинальным литературным продуктам, «багателям», как определяет «Популярную науку о кошках, написанную Старым Опоссумом» известная шведская элиотовед Марианн Тормален, автор монографии «Животные Элиота» [22, с. 40]. «Домашний зверинец» (“*Ménagerie intime*”, 1869) Т. Готье, «Копенгагенские коты» (“*The Cats of Copenhagen*”, 1936) Дж. Джойса и «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» (“*Old Possum’s Book of Practical Cats*”, 1939) Т. С. Элиота объединяют не только действующие персонажи, коты и кошки, но и определенные художественные ракурсы, схожие типы взаимоотношений «человек — животное», социальный и культурный контексты, в которых эти герои существуют.

Нами были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить общие ракурсы литературной фелинофилии Готье — Джойса — Элиота, рассмотреть исторический контекст, ее породивший, определить особенности анималистики каждого автора. В ходе нашего исследования мы опирались как на историко-литературные работы, посвященные анализу конкретных анималистических образов, труды культурологического характера, а также обращались к опыту структуралистских исследований и идеям нового «постгуманистического» знания, позволяющим по-новому рассмотреть литературную анималистику прошлого.

Результаты и обсуждение

*От средневековой фелинофобии к буржуазной фелинофилии:
культурно-исторический экскурс*

Кошки и коты (*Felis domestica*) в качестве литературных персонажей возникли уже в античной и средневековой литературах, где по большей части были

представлены факультативно как часть окружающего мира и биологические объекты, охотники за мышами, а также как аллегории религиозного и морального порядка (кот с пойманной мышью в средневековых bestiaries символизировал дьявола, ловца человеческих душ). Также кошки упоминаются и как спутники монахов (защитники рукописей от мышей и т. п.) или ведьм, которые легко превращаются в кошек. В сказках, животном эпосе (например, кот Тиберт в «Романе о Лисе»), баснях и т. п. коты обладали волшебными свойствами и представлены как аллегории или «эмблемы».

По мере того, как трансформировался статус кошки в реальной жизни и кошачья суровая полугодовалая «трудовая» жизнь сменялась комфортом и сытостью буржуазного городского быта индустриальной эпохи, коты перемещались из хозяйственных помещений в спальню и гостиную, изгой и «дьявольское отродье» превращались в ласковых домашних любимцев благопристойных граждан. Соответственно менялись культурные стереотипы, а в литературных текстах и живописи появлялись новые образы цивилизованных, разумных и благодушных «фелин».

Одной из первых литературных меток этого нового отношения к кошкам можно назвать сказку «Белая кошечка» (*“La Chatte Blanche”*, 1698) Мари-Катрин д’Онуа (1651-1705), вошедшую во второй том сказок «Новые сказки, или Модные феи». С точки зрения процесса трансформации фелинной образности любопытна также жанровая зарисовка Ж. О. Фрагонара «Урок музыки» (1769), на которой явно влюбленный в свою ученицу учитель наблюдает за игрой очаровательной отроковицы. Белая кошка, прикорнувшая между клавесином и лютней, напоминает своей условностью и некоторым схематизмом bestiary котов и может восприниматься как средневековая аллегория эротического желания. Не белая ли это кошечка-невеста д’Онуа, кошка-видение из девических мечтаний приютилась рядом с ученицей как предвестие свадьбы? С другой стороны, дремлющая кошка вполне может восприниматься как часть реального мира, признак обеспеченного и комфортного буржуазного быта, любимица барышни, живущая ее жизнью в хозяйских (а не хозяйственных) покоях. В культурной перспективе фрагонаровский «то ли котик, то ли видение» контрастирует с тщательно прорисованными кошечками бельгийской художницы Генриетты Роннер-Книп (1821-1909) или натурализмом и котоцентризмом знаменитого гигантского полотна «Любовники моей жены» австрийского художника Карла Калера (1855-1906), представляющими живописный апофеоз европейской котомании буржуазной эпохи. Галерея визуальной фелинистики — от стилизованных котов рукописных Евангелий, в которых кошки являются элементом декоративной каллиграфии, до живописных полотен с котами, выписанными во всех подробностях, главными и единственными объектами изображения — наглядное свидетельство того, как росло значение домашних кошек в жизни человека.

Не имеющий практического значения интерес и выстраивание новых бескорыстных и «сентиментальных» отношений между человеком и котом обусловили и новые типы литературной антропоморфности. Не случайно именно кот

как примета нового буржуазного быта является символом бюргерской морали и филистерства у Э. А. Гофмана. Фелинные литературные персонажи, всё органичнее вписывающиеся в уклад городской жизни, наделяются чертами обычного человека, обывателя, при этом почти нивелируются свойства, связывающие их с нечистой силой и колдовством. В какой-то мере сохраняются эротические и мистические ассоциации, но сопутствующая им ранее пугающая хтоническая темная энергия смягчается и сглаживается в процессе этой новой художественной «доместикации».

Стоит отметить, что в реальной жизни эти изменения протекали не без драматических коллизий. Американский историк Роберт Дарнтон в своей книге «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры» обращается к одному из таких «революционных» эпизодов кошачьей истории, перелому в сознании, кодифицирующему кошек как неотъемлемую принадлежность нового буржуазного быта. История печатника Конта, случившаяся в конце 30-х гг. XVIII в., свидетельствует о том, как кошки стали представлять для буржуа большую ценность, чем люди, что вызывало возмущение простолюдинов: «Перебивая хребет „серенькой“, они, с одной стороны, обзывали супругу хозяйина ведьмой и шлюхой, а с другой — превращали хозяйина в дурака-рогоносца. Это было метонимическое оскорбление, наносимое на уровне не слов, а поступков, и оно задевало за живое, так как кошки были слабостью именно буржуазного образа жизни. Сами работники никогда не держали домашних животных: это было столь же чуждо им, как измывательство над животными было чуждо их хозяевам. Кошки оказались заложниками несовместимых образов жизни, за что бедным животным и доставалось со всех сторон» [6, с. 120]. Устроенное рабочими типографии «кошачье побоище» отразило конфликт двух культур: уходящей, архаической, с жестоким обращением с кошками как символами черной магии и ведовства, дикими ритуалами типа «шаривари», и новой буржуазной городской, индустриальной культуры, в которой домашние животные становятся полноправными домочадцами и воспринимаются как мыслящие и чувствующие существа.

Фелинофилия охватила всю европейскую ойкумену и все социальные слои, хотя по-прежнему была связана преимущественно с городской средой и буржуазным (мещанским) бытом. Московский исследователь О. Л. Довгий (Алиса Львова), составитель научных «бестиарных» сборников и автор многочисленных работ по вопросам литературной анималистики, в своей «бестиарной шутке» (статья «Бестиарий „Графа Нулина“») фиксирует эту перекодировку кошачьей образности на русском материале («Граф Нулин» А. С. Пушкина, 1825, опубл. 1827). «Лукавый кот», как троп (в данном случае зооморфная метафора) и явление повседневного быта, стоит особняком на фоне прочей живности, имеющейся в поэме, простых деревенских животных. Его образ имеет «солидную» культурную кодировку и игровой (и игривый) характер: «Если граф сравнен с котом самим автором, то муж — „баловень служанки“, как ясно из содержания, стало быть, тоже кот» [7, с. 149]. Так, в тексте, выбранном нами произвольно,

представлены культурные стереотипы и метафорика новой эпохи, понятные читателю: кот как домашнее, городское, избалованное существо, наделенное активной сексуальностью и сохраняющее архаические лукавство и коварство (шекспировские аллюзии). К началу XIX в. кот как культурный феномен и литературный персонаж имеет уже богатую историю и художественную родословную. На фоне других анималистических персонажей он породист, цивилизован (почти «европеец», как граф Нулин) и тесно (интимно) связан с человеком и его частной жизнью.

Таким образом, зарождение фелинофилии как социокультурного и художественного феномена связано с конкретной исторической ситуацией и обусловлено значительными социальными и экономическими трансформациями. Важную роль в гуманизации анималистических литературных образов сыграла и зародившаяся во второй половине XVIII в. романтическая чувствительность. Именно этим новым отношением к домашним животным обусловлены процессы психологизации и индивидуализации анималистических образов. В рассматриваемых нами текстах действуют персонажи, соответствующие этой модели взаимоотношений человека и животных. Коты — это сложные «индивидуальности», достойные любви и поклонения, наделенные привлекательными человеческими качествами.

Пик и классика художественной и бытовой фелинофилии, как, собственно, и апология буржуазных семейных и «домашних» ценностей, представлены в викторианской культуре. Яркие фелинные образы и разнообразные кошачьи истории, начиная с котов Льюиса Кэрролла и Эдварда Лира, стали узнаваемыми символами английской культуры (стартовый момент этой британской литературной анималистической эпопеи связан с «Песнями Матушки Гусыни», опубликованы в 1760). В весьма информативной и щедро иллюстрированной книге «Кошки в книгах: славная многовековая история книжной иллюстрации» (*“Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration through the Ages”*), изданной Британской библиотекой в 1997 г. (переиздана в 2008 г.), отмечается, что переход к восприятию кошек как разумных и очеловеченных индивидов способствовал появлению большого количества литературы, в том числе иллюстрированной, героями которой стали «гуманизированные» коты. В частности, последнее десятилетие XIX в. «отмечено бумом обращения к изображению кошек, занимающихся человеческими делами, и формированием направления, развивавшегося в самых различных формах в произведениях таких рисующих писателей, как Беатрис Поттер, Кэтлин Хейл, Грэм Окли» [17, с. 13].

Особо в этом контексте хотелось бы обратить внимание на рисунки английского художника Луиса Уильяма Уэйна (*Louis William Wain*, 1860-1939), которые могли бы сгодиться в качестве конгениальных иллюстраций ко всем заявленным нами текстам. Это именно об Уэйне сказал Герберт Уэллс, что тот «изобрел кошачий стиль, кошачье общество, целый кошачий мир. Английские кошки, которые не походят на кошек Уэйна и не живут их жизнью, должны стыдиться самих себя» [17, с. 78]. Кошки Уэйна учатся в школе, играют в гольф, флиртуют, женятся,

выпивают, картежничают и т. д. Любопытно, что первый художник-иллюстратор элиотовской «Популярной науки о кошках» Николас Бентли (*Nicolas Bentley*, издание 1940 г.) изображает кошачьих персонажей в точно таких «викторианских» шляпах и котелках, какие носили кошки Уэйна. Излишества и издержки этого бума, реального и литературного, охватившего Британские острова, в сатирической форме изображены в рассказе П. Г. Вудхауса, опубликованном в 1936 г., под символическим названием «Всем кошкам — до свидания!» [23]. В русском переводе названия «Кошки, кошки» (перевод Н. Л. Трауберг) эта символика исчезает. Можно отметить, что в определенном смысле Вудхаус обозначает границу очередного поворота культурной истории фелинности и фелинистики.

Felis Catus Sapiens в творчестве Т. Готье и Т. С. Элиота

Кошки Готье — Джойса — Элиота, обладающие яркой индивидуальностью, незаурядными способностями, живым умом и богатым эмоциональным миром, живущие по законам человеческого общества, естественно вписываются в «буржуазную» модель бытовой и художественной фелинофилии. Отношение всех авторов к кошачьему племени характерно для этого времени и, кроме того, отражает индивидуальную бытовую фелинофилию каждого.

Книга Готье «Домашний зверинец» печаталась в 1869 г. отдельными выпусками в журнале «Парижская мода». Характер издания сразу маркировал текст как чтение развлекательное и несерьезное. Анималистические образы, а также философские рассуждения о животных неоднократно появлялись в литературных произведениях Готье. Но в «Домашнем зверинце» домашние животные становятся главными героями, вокруг которых и формируется особый анималистический нарратив. Занимательные истории о домашних любимцах становятся своего рода романтическим анималистическим манифестом, автор которого утверждает концепцию разумности животных, обладающих душой и внутренней речью. В. А. Мильчина, известный отечественный романист, переводчик книги на русский язык, в своем предисловии очень точно отмечает этот новый тип анималистической «идеологии», противопоставленный предшествующему классицистическому рациональному и дидактическому подходу: «Между тем в рассказах Готье скрывается мысль глубокая и для этого писателя очень важная. Готье был убежден в том, что животные — не машины, не способные ни чувствовать, ни тем более думать (как считал французский философ XVII века Рене Декарт), и что они — конечно, на свой лад — мыслят и даже разговаривают. Зверинные истории, приведенные в книге, именно об этом» [4, с. 7].

В поэтическом цикле «Популярная наука о кошках», написанная старым Опоссумом» Элиота (далее — «Популярная наука о кошках»), мы используем название в переводе А. Сергеева, впервые представленное в сборнике его переводов 1971 г., как уже устоявшееся в отечественном культурном контексте, что не означает негативного отношения к другим переводам этого заглавия) эта романтическая традиция очеловечивания домашних животных предстает уже в несколько «уставшем» и сниженном виде, что объясняется в числе прочего

и тем, что первоначально адресатами стихов были дети. Свою роль сыграло и обращение к национальной английской традиции, в которую органично вписывается элиотовские тексты. Это забавные, эксцентричные, порой на грани абсурдизма, детские стишки (*nursery rhymes*), лимерики и поэзия нонсенса Эдварда Лира [5].

Цикл «Популярная наука о кошках» впервые был опубликован в Англии 5 октября 1939 г. Еще весной 1936 г. книжка была проанонсирована издательством «Фэйбер энд Фэйбер»: «Книга мистера Элиота о собаках-полликах и кошках-джелликах, как она была поведена ему человеком в белых гетрах» [16, с. 251]. Супруга поэта Валери Элиот в связи с появлением мюзикла «Кошки» Э. Л. Уэббера уточнила историю публикации: «По первоначальному замыслу в сборник должны были быть включены стихи на соответствующие темы... декламируемые человеком в белых гетрах... В конце все улетали на воздушном шаре — поэт, Гетры, кошки и собаки» [19, с. 8]. Большая часть стихов была написана между 1936 и 1938 гг. специально для детей из семейств Фэйберов и Морли (друзей поэта). Валери Элиот называет крестников Элиота, Тома Фэйбера и Элисон Тэнди (у Элиота было четверо крестников), «музами» старого Оппоссума. Так же, как и в случае с «Домашним зверинцем» Готье, впоследствии произошло расширение читательской аудитории, и популярность этих «маргинальных» текстов порою выше, чем у «программных» произведений.

На первый взгляд, может показаться, что «Домашний зверинец» Готье и «Популярная наука о кошках» Элиота — это произведения, никак между собою не связанные, хотя бы потому, что они относятся к разным литературным направлениям, родам и жанрам. У Готье, которого числят среди поздних романтиков, — проза, а у модерниста Элиота — поэзия, и общим между ними является лишь то, что их главные герои — животные, большинство из которых представлено семейством кошачьих. Но на самом деле выбор нами именно этих авторов для сопоставления не случаен. Элиот с глубоким почтением относился к творчеству Готье и воздавал дань уважения французскому мастеру в своих критических работах и поэзии: «Если стремишься понять суть поэзии, необходимо чтение Сафо, Катулла. Вийона, когда он в своей стихии, Готье, пока он не становится ужасающе холоден, или же, для не владеющих языками, — чтение добряка Чосера» [14, с. 456]. Известный исследователь английской поэтической традиции О. И. Половинкина в статье «Некто Гришкина из стихотворения Т. С. Элиота: Поэтическое впечатление о „Русских сезонах“» приводит пример заимствования Элиотом у Готье в стихотворении «Шепотки бессмертия» структуры поэтического произведения (две части по четыре четверостишия) из стихотворения «Костры и могилы» (сборник «Эмали и камеи», 1858) [11, с. 230], а сама Гришкин (*Grishkin*) чем-то напоминает Кармен Готье. Оба автора виртуозно контаминируют элементы разных культурных эпох, смешивают разные временные пласты, современность и прошлое и т. п.

Следует добавить и уточнить, что фелинность Гришкин скорее бодлеровского свойства. Широко известный анализ сонета «Кошки» Романа Якобсона

и Клода Леви-Стросса вполне может служить одним из ключей к пониманию образа Гришкин: «для Бодлера образ кошки теснейшим образом связан с образом женщины, на что эксплицитно указывают два стихотворения из того же сборника, озаглавленные „Кошка“ и „Кот“, а именно сонет « Viens, mon beau chat, sur mon cœur amoureux », где содержится много объясняющий стих: « je vois ma femme en esprit... », а также стихотворение: « Dans ma cervelle se promène... un beau chat, fort, doux », где прямо ставится вопрос: « est-il fée, est-il dieu? » [15, с. 253]. Якобсон и Леви-Стросс также отмечают имеющийся в бодлеровских «Кошках» мотив «колебания» между мужским и женским. Если абстрагироваться от сложных вопросов, связанных с поэзией Бодлера, и вернуться к истокам литературной фелинистики Нового времени (термин «фелинистика» мы используем по аналогии с понятием «анималистика» как обозначение совокупности литературных текстов, главными героями которых являются кошки), то в сказках Шарля Перро и мадам д’Онуа представлены как мужской (Кот в сапогах), так и женский (Белая кошка) типы. Известно, что свои сказки д’Онуа опубликовала как «ответ» на появление «Сказок Матушки Гусыни» Перро. С тех пор этот гендерный паритет (кот — кошка) сохраняется на протяжении всей художественной фелинистической традиции.

Очевидно, что у Бодлера сохраняется (реанимируется, реконструируется) «добржуазный», средневековый тип фелинности, что связано, в том числе, с его мировоззренческими принципами. Очень подробно этот аспект анализируется в статье «Образ кошки и символика зла в стихотворениях Ш. Бодлера» московской исследовательницы О. В. Альбрехт: «вокруг образа кошек у Бодлера образуется своеобразное семантическое поле: темнота, глубина, свечение, чувственность, холод, опьянение» [1, с. 13]. Этой темной архаической сексуальностью помимо «русской» Гришкин наделены также такие «фелинные» героини эллиотской поэзии, как Рашель, урожденная Рабинович («Суини среди соловьев», 1918), и Фреска (*Fresca*) из неопубликованных фрагментов «Бесплодной земли», 1922 г. (там же в черновиках встречается забавная зооморфная фамилия “*Katzegg*”, леди *Кошачьяйцо*, патронесса веселых дам). Это свидетельствует о том, что архаическая концепция фелинности продолжала культивироваться в поэзии модерна и в определенной степени связана с антибуржуазным пафосом поэтического мейнстрима декаданса и с сознательным возрождением архаических начал искусства у модернистов и т. п.

Любопытно проявляется гендерный расклад и у Элиота: в серьезной поэзии фелинность связана с женским началом, в поэзии, написанной в традициях нон-сенса, количественно доминируют коты. Добавим также, что в серьезной поэзии наиболее ярким мужским зооморфным типом является гориллообразный Суини. Если обратиться опять же к архаической символической, то легко заметить, что в средневековых bestiaries обезьяна и кошка часто изображаются вместе как образы порока и чувственности. Эта парочка затем переходит, символизируя грехи, в ренессансные живописные полотна, изображающие грехопадение Адама и Евы (например, на картине голландского художника Корнелиса ван Харлема

«Грехопадение», 1592, на заднем плане, сразу за Адамом и Евой изображены обнимающиеся обезьяна и кошка). Зная художественную эрудицию Элиота, нельзя исключать сознательное обращение поэта к средневековой и ренессансной символике в стихотворениях 1910-20-х гг. В целом вопросы зооморфной кодировки, фелинной образности и метафоричности в «серьезной» поэзии Элиота заслуживают специального рассмотрения (очень репрезентативный обзор и анализ данной проблемы имеется в главе «Кошки» уже упомянутой выше монографии «Животные Элиота» М. Торвален, которая оставляет «Популярную науку о кошках» за рамками своего исследования).

Не вдаваясь в подробности, можно заметить, что как домашние, так и «большие» кошки в творчестве Элиота существуют в разных эстетических парадигмах и под разными ракурсами. В данной работе мы рассматриваем только один из них, хотя и весьма существенный: комическая стихия в духе литературы нонсенса развивалась в творчестве Элиота, начиная с ранних стихов, представленных в сборнике «Инвенции мартовского зайца». Разные подходы к разработке фелинной образности отражают различные стороны творческой личности поэта: консерватор («роялист», «англо-католик» и респектабельный буржуа в быту) — новатор, «революционер» в искусстве; глубокий знаток метафизической поэзии — любитель мюзик-холла и низовой, популярной культуры своего времени и т. п. Многообразие анималистических ракурсов также объясняется разнообразием литературных традиций, на которые ориентировался поэт.

Очевидно, что и Готье, и Элиот относятся к животным с любовью и уважением, они воспринимают кошек как существ, способных мыслить и выражать свои эмоции и чувства. «Домашний зверинец» Готье является по сути автобиографическим произведением, где автор рассказывает забавные и трогательные истории о своих домашних питомцах. Из биографии Элиота нам также известно, что на протяжении всей жизни в его доме жили животные, и в основном это были представители семейства кошачьих. Элиот придумывал им оригинальные и замысловатые имена, и они нередко становились прототипами героев его произведений. Общим местом стало уже упоминание о том, что Генри Уэр Элиот (*Henry Ware Eliot*), отец поэта, любил рисовать котиков, а на обложке первого издания «Популярной науки» (1939) резвятся и танцуют кошки, нарисованные самим автором стихов.

И Готье, и Элиот со знанием дела «рисуют» портреты кошек, представляя их внешние и внутренние характеристики. Это свидетельствует о важности для обоих авторов феномена «гумора» (итал. *umore*, англ. *humor*, лат. *humor* — влага.). Понятие «*humor*» (*humour*) используется в современном английском языке в значении «темперамент» и имеет глубокие исторические корни. С древних времен человечество делало попытки типологизировать личность относительно ее взаимодействия с окружающим миром. В эпоху Возрождения понятие «гумор» обозначало определенный темперамент персонажа в комедийном жанре: «характеры, демонстрирующие один из четырех темпераментов — сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический» [18, с. 24].

Кстати, в культуре Ренессанса кошки были зооморфным соответствием холерического темперамента, например, в знаменитой гравюре Альбрехта Дюрера «Адам и Ева в раю» (1504) кот, как считают интерпретаторы (в частности, Э. Панофски), символизирует гордость и жестокость, свойственные холерическому темпераменту. В данном случае понятие «гумор» мы используем в значении «неповторимый, оригинальный, эксцентричный характер персонажа». Можно с легкостью обнаружить сходные типажи внешности и темпераментов героев, основанные на гуморальной типологии, как в «Домашнем зверинце», так и в «Популярной науке о кошках».

В элиотовском цикле почти каждое из 15 стихотворений посвящено отдельной кошке. Готье же признается в любви к кошкам в трех главах «Домашнего зверинца»: «Старые времена» (старая серая кошка, Хильдебрант, Госпожа Теофиль), «Белая династия» (Дон Пьеро Наваррский, Серафита, Зизи) и «Черная династия» (Анжольрас, Гаврош, Эпонина, Клеопатра), в которых писатель последовательно и детально описывает десять своих кошек и рассказывает связанные с ними истории.

В женских образах кошек у Готье и Элиота можно выявить множество сходных черт. О первой кошке Готье нам известно лишь то, что она была серой и старой и всегда принимала сторону своего юного хозяина, защищая его от его родителей, если те хотели его наказать за какую-либо шалость. Кошка Госпожа Теофиль, рыжая с белой грудкой, голубыми глазами и розовым носом обладала особой трепетностью: «Госпожа Теофиль создание нежное и деликатное, обожала благовония. Она приходила в экстаз от пачулей или кашмирского ветивера» [4, с. 32]. Она также очень любила музыку, но была крайне чувствительна к верхним нотам, которые выводили ее из себя.

Кошка-аристократка Серафита, элегантная и утонченная, «имела характер мечтательный и созерцательный» [4, с. 38]. Она отвечала на ласки только тем, кого считала достойными своего уважения. Серафита была равнодушна к духам, флаконам с эссенциями, благоухающим букетам цветов и носовым платкам, источающим запах парфюма. По мнению автора, эта кошка точно соответствовала своему поэтическому времени и прекрасно вписывалась в декадентскую парижскую среду. Кошка Эпонина (из династии черных) отличалась изящной и стройной фигурой, она была обладательницей немного вытянутой мордочки и зеленых раскосых глаз: «Мир не знал кошки столь же чувствительной, столь же нервной столь же наэлектризованной» [4, с. 53]. Эпонина была очень общительной, гостеприимной, умной и доброй кошкой. Ее дочь Клеопатра не унаследовала красоту матери, но была очаровательной и скромной.

Стоит отметить, что в «Домашнем зверинце» создается своеобразный одорический колорит, что является, конечно же, приметой эпохи модерна: «„Ольфакторный взрыв“ в литературе рубежа XIX-XX в. носит не количественный, а качественный характер, он является одним из характерных показателей обострения антропологической проблематики в искусстве этого времени, в результате чего произошло смещение акцентов родового содержания лирики в сферу

соматических реакций субъекта» [12, с. 76]. Кошки Готье, подобно женщинам, равнодушны к парфюмерии и благовониям и идеально вписываются в эту тенденцию, будучи по своей природе наделены незаурядно тонким обонянием.

В «Популярной науке о кошках» женских образов кошек гораздо меньше, чем мужских. Они так же, как и любимицы Готье, питают страсть к музыке. Кошка Гамби Пусси-Пестрый-Нос учит мышей вокалу, «джеллейные» кошки превосходно танцуют вальс и гавот и обожают устраивать ночные концерты и балы: «Днем они почти не видны». Прекрасные фелины не любят суеты и избегают какой-либо активности, но ночью всё меняется, они резвы и деятельны: «Джеллейные кошки вертки и прытки, / Они умеют водить хоровод. / И прыгают словно дергун на нитке, / И ловко танцуют вальс и гавот» [13, с. 367]. Английские кошки Элиота, подобно французским, умны, хитры, домовиты и тщательно следят за своим внешним видом.

Что касается мужских образов котов, второй по счету в семье Готье кот Хильдебрант описывается автором как кот романтической эпохи. Рыжеватый с черными полосками и огромными зелеными глазами, беспородный кот напоминал тигра. В поэтическом цикле Элиота можно уловить внешнее сходство Хильдебранта с котом по имени Тигриный Рык (само имя говорит о том, что окрас кота напоминает тигриный). Но по своей природе эти коты представляют абсолютно разные темпераменты. «Тигриный рык — убийца, вор — повсюду сеет страх», и лишь изредка, «умягченный романтическим моментом», «он поддавался сантиментам» [13, с. 363].

Первым представителем династии белых в семье Готье был ангорский кот Пьеро, получивший свое имя за прекрасную пушистую белоснежную шерстку, и которого, когда он вырос, именовали не иначе как Дон Пьеро Наваррский, подчеркивая тем самым его величие. Это был кот-эстет, обожавший книги и интеллектуальные беседы своих хозяев. Ни в одном из котов Элиота не угадывается прямая параллель с Пьеро. Но своей строгостью, стремлением к четкому следованию порядкам в доме и заботой о своем хозяине он немного напоминает кота Шимблшенкса из стихотворения Элиота «Шимблшенкс, железнодорожный кот», который старательно нес дежурство в поезде, заботясь о пассажирах.

К белой династии можно отнести и великолепного ангорского кота Зизи, по прозвищу «слишком красивый, чтобы что-нибудь делать». Он подобен курильщику опиума, который «постоянно пребывает в состоянии созерцательного кайфа» [4, с. 58]. Зизи обожает музыку и часто музицирует, прогуливаясь по клавишам фортепиано. Этот образ у Элиота представляет кот из стихотворения «Толстофер Джон, денди»: «Толстофер Джон — ужасный пижон, / Весь вид его говорит, / Что он держит путь не куда-нибудь, / Но только на Сент-Джеймс-стрит!» [13, с. 381]. Этот кот-гурман всегда одет по последней моде и является завсегдатаем самых пафосных клубов.

Ангорская парочка, Пьеро и Серафита, произвели на свет трех черных котят, которые положили начало черной династии в доме Готье. Поскольку роман «Отверженные» Виктора Гюго был на пике моды в то время, котяткам дали имена

в честь героев романа: Анжольрас, Гаврош и Эпонины (о которой упоминалось ранее). Анжольрас был самым красивым из них. Подстриженный на манер пуделя, он походил на льва или даже химеру: «В повадках его сквозила некая театральная напыщенность; он, казалось, позировал, точно актер, вызывающий восторг публики» [4, с. 50]. Кот Гус из стихотворения Элиота «Гус, театральный кот» напоминает Анжольраса своим пристрастием к актерству. Также можно заметить, что его полное имя Аспарагус созвучно с именем героя французского писателя. На этом, пожалуй, всё их сходство исчерпывается. Элиотовский кот «тощ как скелет, а мех клочковат, / И лапы от старости малость дрожат», хотя «в юности был он — только держись!» [13, с. 379]. У Готье Анжольрас же, в своем преклонном возрасте, растолстел из-за своей страсти к чревоугодию, что его и погубило.

Гаврош — плут и повеса, любящий находиться в обществе бродячих котиков, напоминает сразу двух котиков в «Популярной науке о кошках», Шаромыгу и Разваляху, «уличных акробатов, канатоходцев и дерзких шутов». У Гавроша была забавная физиономия, а движения его были комичны и похожи на пляску простолюдина. Его главной отличительной чертой от элиотовских злостных котопакостников является доброе сердце: «Порой он приводил домой товарищей, которых повстречал, слоняясь по улицам, и делил с этими несчастными, страдающими от истощения и превратившимися в ходячие скелеты, свою еду, ибо он был великодушен» [4, с. 52].

Для создания портретов героев «Популярной науки о кошках» характерен своеобразный антропоморфизм. Элиот легко стирает границы между человеком и кошкой. Что касается животных Готье в «Домашнем зверинце», то, как отметила В. А. Мильчина, они «думают и действуют почти как люди — но при этом они вовсе не похожи на животных из сказок, притчей или басен, они узнаваемые, живые звери с четырьмя лапами и хвостом» [4, с. 15]. По ее мнению, не все коты в литературе антропоморфны, и коты, изображенные Готье, как раз являются тому подтверждением [8].

В нарративной технике анализируемых авторов также можно отметить общие черты. В «Популярной науке о кошках» повествование в основном ведется от первого лица единственного числа: «Мне давно об этом рассуждать надоекло...», «Я расскажу всё как было сначала: ...» [13, с. 365, 373]. А в «Домашнем зверинце» автор ведет повествование от первого лица множественного числа, используя местоимения «нам», «наш», «мы»: «Нас не раз изображали в карикатурном виде...», «В ту пору нам было три года...», «Говорили мы только на гасконском наречии» [4, с. 21, 22]. Но если обратиться к биографии Готье, то становится ясно, что за этими местоимениями во множественном числе скрывается он сам, используя форму, унаследованную из французской журналистики, коей он посвятил большую часть своей жизни. Стоит отметить, что в русском переводе Мильчиной эта особенность сохранена.

Изобилие культурных отсылок, реминисценций и ассоциаций является еще одной характерной чертой «Домашнего зверинца» и «Популярной науки

и кошках». Эти приемы служат своеобразной призмой, через которую авторы смотрят на окружающую действительность. Готье и Элиот активно используют в своих текстах имена реальных людей, образы из художественных произведений, отсылки к историческим событиям. В стихотворении «Макавити — волшебный кот» (*“Macavity: The Mystery Cat”*), рассказывая о коте, которого никак не может поймать Скотланд Ярд, Элиот целенаправленно использует образ профессора Мориарти из рассказов А. Конан Дойла (одного из любимых писателей поэта) о Шерлоке Холмсе. Строка «Я сидел у постели бедняжки Нелл» [13, с. 380] из стихотворения «Гус — театральный кот» отправляет просвещенного читателя (а именно для него пишут Готье, и Элиот) к роману «Лавка древностей» Чарльза Диккенса.

Примеры подобных культурных аллюзий можно встретить буквально на каждой странице «Домашнего зверинца» Готье: упоминания знаменитых художников (Рембрандта ван Рейна и Вильгельма фон Каульбаха), великих поэтов и писателей (Н. Буало, Ш. О. Сент-Бева, Дж. Г. Байрона, А. де Мюссе, О. Бальзака) и др. Готье не только называет фамилии, но и дает отсылки к их произведениям: фраза «Но я иду к другим, и лучшим» взята из романтической драмы «Эрнани» Виктора Гюго (действие 3, сцена 6) [4, с. 110]. Сравнивая своего кота Пьеро с котом Мурром, он упоминает главного героя романа Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (1819-1821). Котятам из черной династии достались не только имена главных героев романа Гюго «Отверженные», но и их характеры. Свою кошку Госпожу Теофиль автор сравнивает с пантерой, изображенной на полотне Жана-Леона Жерома (1824-1904), популярнейшего художника Второй империи [4, с. 110].

Коты Готье и Элиота — порождение урбанистической культуры. Город предстает естественным пространством обитания котов. Значимые для авторов топосы постоянно встречаются в текстах. Так, у Готье это Париж, Тарба, Новый мост и т. п. Примером таких культурных топографических «вкраплений» у Элиота является упоминание улицы Сент-Джеймс Стрит (*St. James Street*), одной из самых фешенебельных и дорогих улиц Лондона. Для англоязычного читателя это название обладает особой смысловой нагрузкой, вызывая ассоциативные ряды, тем самым формируя образ кота-«денди», прогуливающегося по этой улице. Среди топосов кошачьего обитания встречаются Блумсбери Сквер (*Bloomsbury Square*), площадь в одном из старейших районов Лондона, где расположены Британский музей и Британская библиотека, а также традиционно размещаются издательства и модные богемных заведения, Пэлл Мэлл (*Pall Mall*), «парадная» улица, соединяющая Трафальгарскую площадь с королевским дворцом и т. п. Они не только формируют хронотоп текста (респектабельные районы и пригороды Лондона), но и наделяют героев, обитающих в нем, соответствующими социальными характеристиками, привычками, манерами и психотипом. Примечательно то, что многие из этих локаций связаны непосредственно с биографией поэта: неподалеку от Блумсбери Сквер, на Рассел-Сквер, 24, размещалось элиотовское издательство «Фэйбер и Фэйбер», в котором была опубликована

и «Популярная наука о кошках, на Пэлл Мэлл, 71 до сих пор находится Оксфордско-Кембриджский клуб (*Oxford and Cambridge Club*), членом которого был Элиот, и т. п. В определенной степени коты Готье и Элиота ходят по маршрутам, проложенным их создателями.

Абсолютно человеческими являются гастрономические пристрастия и пищевое поведение кошек Готье и Элиота. Они не снисходят до рутинной ловли грызунов, их охотничьи инстинкты проявляются лишь как некие атавизмы. Так, Эпониная ест за одним столом с хозяевами, она «была единогласно возведена в ранг человеческого существа, поскольку очевидно, что ею движет нечто большее, чем инстинкт. Ранг этот дает ей право есть за обеденным столом, как принято у людей, а не на полу из миски, как подобает животным» [4, с. 54-55]. Госпожа Теофиль, наблюдая за попугаем, напоминает чревоугодника, «которого ждет на столе пулярка с трюфелями» [4, с. 30]. Элиотовские коты — тоже отменные гурманы: Гус, театральный кот, не прочь выпить джина, Уходжерри и Хвастохват любят побаловаться бараньей ногой, украденной прямо из духовки, а Толстофер Джон, завсегда у зланных мест, знает, где подают лучшие устрицы, а где «желе из костей кабана». Нельзя не заметить, что вкусы этих котов вполне соответствуют гастрономическим предпочтениям обеспеченного среднего класса. В целом в описании внешности, туалетов и вкусов на кошках Готье и Элиота лежит некоторый налет светскости, кошачьего гламура и «глянца».

*«Копенгагенские коты» Дж. Джойса
как факт литературной фелинистики*

В эту респектабельную и разумную кошачью компанию прекрасно вписываются копенгагенские коты Джеймса Джойса. «Копенгагенские коты» более всего соответствуют предложенному Тормален понятию «багатель». Это действительно литературная «безделица», жанр которой можно обозначить как короткий рассказ. Фелинные образы фигурируют на протяжении всего творчества Джойса (например, кот Леопольда Блума в «Улиссе»), но в «Копенгагенских котах» мы встречаем именно антропоморфные анималистические образы. Данная история не была предназначена для публикации и вряд ли ее создание рассматривалось автором как акт литературного творчества. Это письмо Джойса своему единственному внуку Стивену, отправленное 5 сентября 1936 г. из Копенгагена вместе с «Троянским конем», наполненным сладостями. В отличие от более известного широкой публике рассказа «Кошка и дьявол» (также содержащегося в письме внуку, отправленном 10 августа того же года), в «Копенгагенских котах» нет увлекательного острого сюжета. Джойс решил позабавить внука рассказом о том, что в Копенгагене, в котором он тогда находился по своим литературным делам, раньше не было котов, но с тех пор, как писатель их туда завез, коты стали играть важную роль в жизни города, выполняя работу полицейских. Коты могут помочь старушкам переходить через дорогу, а также проводят целый день в постели, куря сигары, как это делают местные датские полицейские.

Эта история была впервые издана в книжном формате в США в 2012 г. с иллюстрациями известного американского карикатуриста Кэйси Сорроу (*Casey Sorrow*). Имеющейся у нас экземпляр подарочного формата отпечатан на высококачественной бумаге, в суперобложке, представляющей портрет Джойса с чемоданом, из которого торчит кошачий хвост, текст сопровождается забавными рисунками. Страницы не проставлены, как и не указано имя автора предисловия и комментариев. Литературный статус этого текста пока под вопросом, как и проблема законности этой публикации. Но очевидно, что любой новый автограф Джойса имеет огромное значение для исследователей и почитателей его творчества. С точки зрения сферы наших научных интересов, «Копенгагенские кошки» являются еще одним фактом, подтверждающим литературную фелинофилию модернистов.

В отличие от кошки в «Кошке и дьяволе», копенгагенские коты, как и кошки Элиота, антропоморфны. Они курят сигары, переводят старушек через дорогу и едят рыбу, которой так много в Копенгагене. А еще они не похожи на датских полицейских, хотя коты тоже любят поспать, они никогда не употребляют простокваши, которую так любят настоящие полицейские. В оригинале представители правопорядка пьют “*buttermilk*” [21], что обычно переводится на русский язык как «пахта», хотя фуд-блогеры утверждают, что более адекватным соответствием являются «простокваша» или «кефир». Несмотря на малый объем и маргинальный характер этого текста, он, несомненно, представляет интерес как образец того типа литературной фелинофилии, который был представлен выше, и подтверждает те закономерности развития фелинистики модерна, которые были нами уже отмечены.

Выводы

Итак, коты и кошки Готье — Джойса — Элиота имеют много общего, что обусловлено как личной фелинофилией их создателей, так и спецификой культурно-исторического контекста. Кошки модерна — это антропоморфные обитатели урбанистического пространства индустриальной эпохи, ведущие соответствующий образ жизни и обладающие качествами, присущими среднему классу. Это привлекательные, разумные, чувствительные, витальные, добропорядочные, цивилизованные индивиды с яркими, неповторимыми, иногда эксцентричными характерами (*гуморами*). Авторы с любовью, нежностью, восхищением и снисходительно-добродушным юмором относятся к своим героям. Они любят их, как любят женщин и детей, для которых авторы и предназначали эти фелинологические литературные опыты. В категориях современных гендерных и экологических исследований этот художественный ракурс и тип отношений между человеком и животным можно определить как сентиментальный, патриархальный, патерналистский, антропоцентричный, социально маркированный.

На фоне физиологичной и brutальной фелинистики постмодерна (например, коты Чарльза Буковски живут сугубо кошачьей жизнью: дерутся, убивают птиц и друг друга, испражняются и т. п.) кошки Готье — Джойса — Элиота выглядят

домашними, очеловеченными, идеализированными и эстетизированными. Они — скорее явление цивилизации и культуры, а не природы. Тем не менее, несмотря на появление новых форм бытования кошек в постиндустриальном пространстве (колонии бездомных котов, приюты для животных, индустрия кошачьего корма и т. п.), новых типов взаимоотношения между котом и человеком и форм художественной репрезентации (в том числе и виртуальных), современных постгуманистических теорий и т. п., старомодные кошачьи истории и кошки «с человеческим лицом» продолжают привлекать внимание широкой читательской (и не только детской) аудитории. Причины этого незатухающего интереса к «котам-человекам» могут служить еще одним объектом междисциплинарных исследований.

Е. Б. Никитина, одна из ведущих отечественных исследователей в области *Posthuman Studies*, в своем вступительном слове редактора в специальном выпуске журнала «Социология власти», посвященном исследованиям животных, отмечает универсальность, прочность, органичность и неуловимость взаимосвязей людей и животных: «Животные в лабораториях, работники спасательных служб и полицейских отрядов, страдальцы на фабриках и скотобойнях, а также те, „кто делит с человеком диван“, своим онтологическим статусом подчеркивают прочные генетические, эволюционные, биологические, культурные, научные, социальные и другие неуловимые связи, которые человеческие и нечеловеческие существа создавали на протяжении всей своей истории» [10, с. 16]. Литературная анималистика во все эпохи стремилась уловить и образно представить эти таинственные, трудно проговариваемые типы коммуникации и вставить свое, порою легкомысленное, слово в дискуссию о неразумности, монструозности, внеисторичности животных, ставя под сомнение непреодолимость барьеров между человеком и природой: «а теперь / тут / добрых людей с / добрыми глазами / очень мало / зато прекрасные кошки / с великим изяществом / прогуливаются / по переулкам / вселенной» [2, с. 83-84].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт О. В. Образ кошки и символика зла в стихотворениях Ш. Бодлера / О. В. Альбрехт // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2016. № 3. С. 7-13.
2. Буковски Ч. О кошках: сборник / Ч. Буковски; пер. с англ. М. Немцова. М.: Изд-во «Э», 2017. 176 с.
3. Гансовская К. Эколитература и Human-Animal Studies: к проблеме методологии, терминологии и жанровой классификации / К. Гансовская // Scientific Readings of DU. 2019. URL: https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации
4. Готье Т. Домашний зверинец / Теофиль Готье; пер. с фр., предисл. и примеч. В. Мильчиной. М.: Текст, 2020. 125 с.

5. Данилова Е. А. Поэтический сборник Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная старым Опоссумом» и традиция поэзии нонсенса / Е. А. Данилова, О. М. Ушакова // *Зарубежная литература: Историко-культурные и типологические аспекты: материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 30-летию основания кафедры зарубежной литературы Тюменского государственного университета (18-20 октября 2004 г.)*. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. Ч. 1. С. 70-76.
6. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р. Дарнтон; пер. с англ. Т. Доброницкой, С. Кулланда. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 378 с.
7. Львова Алиса. Бестиарий «Графа Нулина» / А. Львова // *Бестиарий как ars combinatorica*. Тула: Аквариус, 2020. С. 142-151.
8. Мильчина В. От котов до котиков. Итоги конференции «Кошачьи чтения: коты в мировой культуре» / В. Мильчина // *Горький медиа*. URL: https://gorky.media/context/ot-kotov-do-kotikov/?fbclid=IwAR3LXsrUZ2j8Pzn59IONQgWNnFKAmK7-OQyRDr_w10jj2dDr8CbIPUlrBZU
9. Михайлин В. Ю. «Немножко лошади»: антропологические заметки на полях анималистики / В. Ю. Михайлин, Е. С. Решетникова // *Зверь как символический ресурс. Интерпретация культурных кодов: 2020: сб. трудов по итогам конференции*. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 246-274.
10. Никитина Е. Б. Исследования животных: непослушные заметки по краям / Е. Б. Никитина // *Социология власти*. 2019. № 3 (39). С. 1-30. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-3-8-30
11. Половинкина О. И. Некто Гришкина из стихотворения Т. С. Элиота: Поэтическое впечатление о «Русских сезонах» / О. И. Половинкина // *Проблемы современной компаративистики* / [сост. Е. Луценко, И. Шайтанов]. М.: Журн. «Вопросы литературы», 2011. С. 230-241.
12. Рогачёва Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики: монография / Н. А. Рогачёва. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 404 с.
13. Элиот Т. С. Практическое руководство по котам и кошкам / пер. А. Сергеева // Элиот Т. С. Бесплодная земля; Поле люди: поэмы, стихотворения, пьесы / Томас Стернз Элиот; пер с англ. и фр. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2019. С. 360-388.
14. Элиот Т. С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т. С. Элиот // *Избранное: Религия, культура, литература*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 442-465.
15. Якобсон Р. «Кошки» Шарля Бодлера / Р. Якобсон, К. Леви-Стросс // *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, 1975. С. 231-255.
16. Ackroyd P. T. S. Eliot. A Life / P. Ackroyd. New York: Simon and Schuster, 1984. 400 pp. + ill.
17. *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration Through the Ages*. London: The British Library, 2008. 112 pp.
18. Danziger M. K. An Introduction to Literary Criticism / M. K. Danziger, W. S. Johnson. Boston: D.C. Heath and Company, 1961. 353 pp.
19. Eliot V. E. Apropos of “Practical Cats” / V. E. Eliot // *Cats. The Book of the Musical*. San Diego; New York; London: A Harvest/HBJ Book: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1983. 112 pp.

20. Eliot T. S. *Old Possum's Book of Practical Cats* / T. S. Eliot // Ricks Ch. *The Poems of T. S. Eliot. Volume II. Practical Cats and Further Verses* / Ch. Ricks, J. McCue (eds.). London: Faber and Faber, 2015. Pp. 5-35.
21. Joyce J. *The Cats of Copenhagen* / J. Joyce. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi: Scribner, 2012. 32 pp.
22. Thormahlen M. *Eliot's Animals* / M. Thormahlen // *Lund Studies in English* 70. Lund: C W K Gleerup, 1984. 197 pp.
23. Wodehouse P. G. *Goodbye to All Cats* / P. G. Wodehouse. London: Penguin Random House UK, 2008. 82 pp.

Kristina M. MARSHANIYA¹

Olga M. USHAKOVA²

UDC 821.111

**LITERARY FELINOPHILIA AND ANIMALISTIC PERSPECTIVES
OF MODERNITY (T. GAUTIER, J. JOYCE, T. S. ELIOT)**

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
christy-m@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0218-0079

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
olmiva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0656-3774

Abstract

Each literary era is characterized by certain models of literary animalism with their own semantic accents and symbolism, types of communication “man — animal”, genre preferences. The article examines the features of literary felinistics of the Art Nouveau era, identifies the cultural and social causes of artistic felinophilia. As a material for the study there were three texts written in the period from 1869 to 1939, considered both in the wide cultural context of the modern era, and within the boundaries of their time (modern): “Ménagerie intime”, 1869 by Gaultier T., “The Cats of Copenhagen” (1936) by Joyce J. and “Old Possum’s Book of Practical Cats” (1939) by Eliot T. S. In the course of our research, we relied on both historical and literary works devoted to the analysis of specific animalistic images, works of a culturological nature, and also turned to the experience of structuralist studies and the ideas of new posthumanistic knowledge (Human-Animal Studies). The animalistic texts of Gauthier — Joyce — Eliot unite not only the acting cat characters, but also certain artistic perspectives, similar types of human-animal relationships, social and cultural contexts in which their heroes are represented. The feline characters of Gauthier-Joyce-Eliot have much in

---

Citation: Marshaniya K. M., Ushakova O. M. 2021. “Literary Felinophilia and Animalistic Perspectives of Modernity (T. Gautier, J. Joyce, T. S. Eliot)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 106-127.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

---

common: they are anthropomorphic inhabitants of the urban space of the industrial era, leading an appropriate lifestyle and possessing qualities inherent in the middle class. Gautier, Joyce, Eliot's cats have a bright personality, extraordinary abilities, a lively mind, a rich emotional world, they live according to the laws of human society. They are attractive, intelligent, vital, civilized individuals with unique, eccentric characters (humors).

Keywords

Human-Animal Studies, Animalism, Literary Felinophilia, cats in Literature and Arts, Gautier T., Joyce J., Eliot T. S.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

REFERENCES

1. Albrecht O.V. 2016. "The image of the Cat and the Symbolism of Evil in the Poems of Sh. Baudelaire". Bulletin of the Literary Institute Named After A. M. Gorky. No. 3, pp. 7-13. [In Russian]
2. Bukowski Ch. 2017. About Cats: Collection. Trans. from English by M. Nemtsov. Moscow: Publishing house "E". 176 pp. [In Russian]
3. Gansovskaya K. 2019. "Eco-Literature and Human-Animal Studies: to the Problem of Methodology, Terminology and Genre Classification". Scientific Readings of DU. https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации [In Russian]
4. Gautier T. 2020. Home Menagerie. Trans. from French, foreworded and noted by Milchina V. Moscow: Text. 125 pp. [In Russian]
5. Danilova E. A., Ushakova O. M. 2005. "The Poetic Collection «Old Possum's Book of Practical Cats» by Eliot T. S. and Tradition of Nonsense Poetry". Foreign Literature: Historical, Cultural and Typological Aspects: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the founding of the Department of Foreign Literature of Tyumen State University, October 18-20, 2004, ch. 1. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. Pp. 70-76. [In Russian]
6. Darnton R. 2002. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. Trans. from English by Dobronitskaya T., Kullanda S. Moscow: New Lit. Review. 378 pp. [In Russian]
7. L'vova A. 2020. "Bestiary of «Count Nulin»". Bestiary as ars combinatorica. Tula: Aquarius. Pp. 142-151. [In Russian]
8. Milchina V. From Cats to Kittens. Results of the Conference "Cat Readings: Cats in World Culture". https://gorky.media/context/ot-kotov-do_kotikov/?fbclid=IwAR3LXsrUZ2j8Pzn59IONQgWNnFKAmK7-OQyRDr_w10jj2dDr8CbIPUlrBZU [In Russian]
9. Mikhailin V. Yu., Reshetnikova E. S. 2020. "«Horses a Little»: Anthropological Notes in the Fields of Animal Studies". Animal as a symbolic resource. Interpretation of cultural codes. Proceedings of the conference. Saratov: IC «Science». Pp. 246-274. [In Russian]

10. Nikitina E. B. 2019. "Animal Studies: Naughty Notes Around the Edges". *Sociology of Power*. No. 3 (39), pp. 1-30. DOI: 10.22394 / 2074-0492-2019-3-8-30 [In Russian]
11. Polovinkina O. I. 2011. "Someone Grishkin from T.S. Eliot's Poem: Poetic Impression of «Russian Seasons»". *Problems of Modern Comparative Studies*. Compiled by Lutsenko E, Shaitanov I. Moscow: Journal "Questions of Literature". Pp. 230-241. [In Russian]
12. Rogacheva N. A. 2010. *Olfactory Space of Russian Poetry in the Late 19th and Early 20th Centuries: Problems of Poetics*. Monograph. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 404 pp. [In Russian]
13. Eliot T. S. 2019. "Old Possum's Book of Practical Cats". Trans. by Sergeev A. Barrenland; *Hollow People: Verses, Poems, Plays*. Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus. Pp. 360-388. [In Russian]
14. Eliot T. S. 2004. "Ezra Pound: His Verse and Poetry". *Selected Works: Religion, Culture, Literature*. Moscow: ROSSPEN. Pp. 442-465. [In Russian]
15. Jacobson R., Levi-Strauss K. 1975. "«Cats» by Charles Baudelaire". *Structuralism: "For" and "Against"*. Moscow: Progress. Pp. 231-255. [In Russian]
16. Ackroyd P., Eliot T. S. 1984. *A Life*. New York: Simon and Schuster.
17. *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration Through the Ages*. 2008. London: The British Library. 112 pp.
18. Danziger M. K., Johnson W. S. 1961. *An Introduction to Literary Criticism*. Boston: D.C. Heath and Company.
19. Eliot V. E. 1983. *Apropos of "Practical Cats"*. In: *Cats. The Book of the Musical*. San Diego; New York; London: A Harvest/HBJ Book; Harcourt Brace Jovanovich Publishers.
20. Eliot T. S. 2015. *Old Possum's Book of Practical Cats*. In: *The Poems of Eliot T. S. Volume II. Practical Cats and Further Verses*. Ed. by Ricks Ch., McCue, J. London: Faber and Faber. Pp. 5-35.
21. Joyce J. 2012. *The Cats of Copenhagen*. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi, Scribner.
22. Thormahlen M. 1984. *Eliot's Animals*. *Lund Studies in English* 70. Lund: C W K Gleerup. 197 pp.
23. Wodehouse P. G. 2008. *Goodbye to All Cats*. London: Penguin Random House UK. 82 pp.

Екатерина Михайловна БЕЛАВИНА¹

УДК 82

**ТРАНСФОРМАЦИИ МОТИВОВ
ЛИРИКИ М. ДЕБОРД-ВАЛЬМОР
В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры французского языковедения,
филологический факультет,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
kat-belavina@yandex.ru

Аннотация

Влияние французской культуры на поэзию Марины Цветаевой отмечалось ее современниками (Борисом Пастернаком, Сергеем Бобровым), а также становилось предметом научных исследований (например, Н. Д. Стрельниковой). Однако взаимосвязь ее поэзии с творчеством почти забытой в наши дни французской писательницы эпохи романтизма Марселины Деборд-Вальмор (1786-1859) анализируется впервые, что представляется актуальным в свете возрастающего интереса к роли женщин в европейской культуре. В статье использован биографический метод, с привлечением поэтики ритма Анри Мешонника. В статье рассматриваются упоминания Деборд-Вальмор в поэзии Цветаевой и в переписке с Борисом Пастернаком, приводится краткое сопоставление биографий с точки зрения влияния на становление поэтического голоса. В их трагических судьбах немало общего: обе пережили революции, связанное с ними разорение семейного гнезда, крайнюю бедность, потерю близких.

Главное сходство поэтик Цветаевой и Деборд-Вальмор заключается в аудиальном воображении, в интонационной ритмической экспрессивности и в яркой метафоричности. И Деборд-Вальмор, и Цветаева оставили свидетельства о моменте, предшествующем

Цитирование: Белавина Е. М. Трансформации мотивов лирики М. Деборд-Вальмор в творчестве Марины Цветаевой / Е. М. Белавина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 128-143.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-128-143

моменту письма, «музыке», предшествующей словесному выражению. Зачастую они опираются на песню как прецедентный текст (О. Г. Ревзина), прецедентный ритм.

Автобиографичность лирики и музыкальность сближают столь непохожих, на первый взгляд, авторов. Цветаева читала Деборд-Вальмор в оригинале, вероятно, познакомившись с ее творчеством на летних курсах по истории французской литературы в Сорбонне. Анализ трансформаций мотивов стихотворений Деборд-Вальмор в лирике Цветаевой наглядно показывает не только глубокое знание и понимание французской романтической традиции, но и новаторство ее собственного поэтического языка.

Ключевые слова

Деборд-Вальмор, Цветаева, французская поэзия XIX в., русская поэзия XX в., французский романтизм, русский модернизм, сравнительное литературоведение, аудиальное воображение, франко-российские связи.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-128-143

Введение

Интерес к роли женщин в европейской культуре и литературе в настоящее время всё возрастает, в особенности к женским голосам, чье становление пришлось на рубеж XIX-XX вв. Творчество Марины Цветаевой становилось предметом исследований литературоведов и лингвистов. Сейчас ее имя известно и в России, и в Европе, тогда как при ее жизни имя Деборд-Вальмор, с которой ее сравнивали, очевидно, говорило читателям гораздо больше. Сопоставительное изучение этих двух персоналий в свете культурного трансфера проводится впервые и проясняет важные моменты франко-российских литературных связей.

Методология и ход исследования

Мы проследим упоминания Деборд-Вальмор в лирике и переписке Цветаевой, а также в критических статьях. Для того, чтобы определить правомерность сравнений и характер предполагаемого влияния, необходимо будет сопоставить тексты обоих авторов на разных этапах творчества, показать объединяющую их автобиографичность. Затем, выявив ключевые моменты их биографий, обусловивших особенности поэтики, перейти к анализу их подходов к поэтическому письму. И Цветаева, и Деборд-Вальмор уделяли большое внимание звуку поэтического произведения, что подсказывает необходимость привлечения трудов французского стиховеда Анри Мешонника, в частности его антропологической теории ритма. Помимо анализа общих моментов ритмической структуры стихотворений Деборд-Вальмор и Цветаевой, показательно проследить трансформации мотивов. Например, можно выбрать нетривиальный мотив розы, преподнесенной женщиной мужчине, встречающийся в самом известном стихотворении Деборд-Вальмор «Розы Саади» и упоминающийся в книге стихов Цветаевой «Волшебный фонарь».

Результаты

*Упоминания Деборд-Вальмор в переписке и критике
в связи с Цветаевой*

В апреле 1926 г. в уединенный старинный замок Мюзо в Швейцарии, скромное последнее жилище Рильке, было доставлено письмо Бориса Пастернака: «Я здешними окольными путями получил поэму, написанную так неподдельно и правдиво, как здесь в СССР никто из нас уже не может написать. Это было вторым потрясением дня. Это — Марина Цветаева, прирожденный поэт большого таланта, родственного по своему складу Деборд-Вальмор. Она живет в Париже в эмиграции» [12, с. 64]. Пастернак с восторгом прочел новые стихи Марины Цветаевой, написанные в Праге, в частности «Поэму конца», и спешил представить ее своему адресату, на тот момент уже пятидесятилетнему поэту, признанному во всей Европе. Так начиналась их знаменитая тройственная переписка.

Параллель с этой французской поэтессой эпохи романтизма возникает и в письме Пастернака, обращенном к самой Марине, как бы сейчас сказали, в «не совсем политкорректном гендерном» контексте: «Как удивительно, что ты — женщина. При твоём таланте это ведь такая случайность! И вот, за возможностью жить при Desbordes-Valmore (какие редкие шансы в лотерее!) — возможность — при тебе. И как раз я рождаюсь. Какое счастье» [12, с. 60].

С одной стороны, величина таланта оказывается как бы неожиданной для женщины, с другой стороны, для сравнения выбрана именно женщина-поэт Марселина Деборд-Вальмор.

Особенно интересно это сравнение в момент, когда текст Цветаевой уже очень далек по форме, по функционированию поэтического слова от стихотворений романтической традиции:

<...> Домой!
Братство таборное —
Вот куда вело!
Громом на голову,
Саблей наголо,

Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
домом рушащимся —
Слово: дом.

«Поэма Конца» [18, с. 444]

Яркая метафоричность характеризует поэтический слог Цветаевой; динамичный ритм, короткие строки, восклицательные интонации, непредсказуемый ассоциативный ряд подходят ближе к передаче внутренней жизни персонажа, запечатлевают оттиск разрывающих ее противоречий. Специалист по творчеству Цветаевой Ольга Григорьевна Ревзина строит свое исследование на анализе

оппозиций, включенных в ткань поэмы: «Оппозиция свой-чужой инкорпорируется в семантику возгласа *Домой!* и далее передается через эмоциональное отвержение героиней выбора героя» [11, с. 94].

Какая женщина-поэт не писала о любви и расставании? Почему ассоциации Пастернака настойчиво идут к Деборд-Вальмор?

Это сродство подмечал и четырем годами раньше писал в рецензии на поэму «Царь-девица» критик Сергей Бобров: «Если не ошибаемся, главными ее [Цветаевой] учителями были прекрасная, хоть и мало у нас известная, французская поэтесса Марселина Деборд-Вальмор (П. Верлен поместил ее в свое время в свою серию „Проклятых поэтов“, рядом с Вилье де Лиль-Аданом и Артюром Рембо), и несколько худший, не первосортный, разумеется, автор — Э. Ростан¹. Дуэт, конечно, немного странный, но для Цветаевой вообще характерны такие очень непоследовательные и взаимно-противоречивые привязанности» [4].

Стихотворение Цветаевой, посвященное Деборд-Вальмор

Действительно, сама Марина Цветаева признавалась в любви к этой французской поэтессе еще в 1912 г., в своем втором сборнике стихов «Волшебный фонарь», где под инициалами в скромном и таинственном названии «В зеркале книги М. Д.-В.» ее нетрудно угадать:

Это сердце — мое! Эти строки — мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина! [16, с. 150]

Вероятнее всего, Цветаева могла читать Марселину в 1909 г., когда слушала летний курс по истории французской литературы в Сорбонне. Аллюзию на видения Святой Терезы, которая сопутствует имени Деборд-Вальмор в заметке Верлена о ней в 1998 г. «Проклятых поэтах»², Цветаева завуалировано включает в свой текст в образе копья: «Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем» [16, с. 150].

¹ «Увлечение Э. Ростаном для М. Цветаевой, конечно же, связано с ее интересом к жизни и судьбе сына Наполеона, которому Ростан посвятил поэтическую драму “L’Aiglon” („Орленок“). Вспоминая свою первую встречу с М. А. Волошиным, М. Цветаева пишет: „Я не смолкаю: сплошь — личное, сплошь — лишнее: о Наполеоне, любимом с детства, о Наполеоне II, с Ростановского “Aiglon”, о Сарре Бернар, к которой год назад сорвалась в Париж, которой там не застала и кроме которой там все-таки ничего не видела, о том Париже — с N majuscule повсюду — о его Париже, о моем Париже“. По свидетельству А. И. Цветаевой, Марина „выписывала из Парижа всё, что можно было достать по биографии Наполеона“» [14, с. 109].

² «А мы, сколь ни были любопытны до хороших или прекрасных стихов, всё же, ничего о ней не знали, довольствуясь словами мэтров, когда именно Артюру Рембо при знакомстве нас почти силой заставил прочитать всё, что мы считали дребеденью вперемешку с красотами. И... мы заявляем громко и внятно, что Марселина Деборд-Вальмор — это попросту — и еще Жорж Санд, но она настолько другая! ...единственная женщина этого века, да и всех веков, обладающая исключительным гением, талантом, вместе, быть может, еще только с Сапфо и Святой Терезой» [31, с. 678].

Совпадения биографий и автобиографичность лирики

На событийном уровне у обеих счастливый семейный уклад сокрушен вторжением истории. Для Марселины это была революция 1789 г., после которой семья Деборд, семья художника-гербальдиста, разорилась. Разлад между отцом и матерью, отъезд Катрин Деборд с одиннадцатилетней дочерью из тихого городка Дуэ на Гваделупу стал началом трудной жизни, полной утрат и лишений, за которые Марселину называли «Notre-Dame des Pleurs»¹, Богоматерь плачей. Как не вспомнить стихотворение Цветаевой, обращенное к Ахматовой: «О Муза плача², прекраснейшая из муз!»

Для Марины Цветаевой, дочери Ивана Цветаева, университетского профессора, основателя Музея изобразительных искусств в Москве, жизнь после революции 1917 г. поменялась необратимо.

Какой бы текст мы ни взяли у Цветаевой, у Деборд-Вальмор, он глубоко автобиографичен, укоренится в трещинах земного бытия поэта: он становится понятнее, полнее раскрывается его смысл, если мы знаем обстоятельства его создания (так бывает далеко не со всеми авторами, но для Цветаевой и Деборд-Вальмор приходится признать эффективность привлечения биографического материала). Это отмечают многие исследователи, так, например, Кристин Планте называет лирику Деборд-Вальмор неопределенной автобиографией: «неопределенная автобиография... в том, что она представляет собой попытку прогрессивного снятия личностного определения и индивидуальной конечности, превращая стихотворение в движение, в котором *идти обгоняя себя* значит *идти навстречу к другому*»³ [28, с. 57].

Автобиографизм, вышедший на первый план в эпоху романтизма (вспомним Шатобриана, Константа, Мюссе, Сенанкура), близок Марселине и чувствуется практически во всех ее произведениях любого жанра [1].

О Цветаевой Бродский писал: «Цветаева-поэт была тождественна Цветаевой-человеку; между словом и делом, между искусством и существованием для нее не стояло ни запятой, ни даже тире: Цветаева ставила там знак равенства» [6, с. 105].

После лингвистического анализа текстов, связанных с процитированной выше «Поэмой Конца», О. Г. Ревзина приходит к аналогичной констатации:

¹ Так называет Марселину Люсьен Декав: «C'est Notre-Dame-des Pleurs, patronne des sœurs blessés d'amour, auxiliaresse des pauvres et des affligés» [24, с. 8] («Это была Богоматерь-во-Слезях, покровительница сердец, раненых любовью, помогающая бедным и оскорбленным»).

² Цветаева использует строку Ахматовой, в которой плача изначально использовалось как деепричастие («Покинув рощи родины священной», 1914-1915). Позднее Ахматова под влиянием цветаевского стихотворения изменит вторую строку, напишет существительное Плача с большой буквы: «Покинув рощи родины священной и дом, где Муза Плача изнывала, я тихая, веселая, жила...» [16, с. 755].

³ «autobiographie indéfinie [...] en ce qu'elle constitue l'effort d'undépouillement progressif de la définition personnelle et de la finitude individuelle, faisant du poème ce mouvement dans lequel l'*aller-au-devant de soi* et la *marche à l'autre* se confondent».

«Вместе с тем поражает, насколько велико количество переключек между письмами и „Поэмой Конца“ — как будто всё происходившее спонтанно запечатлевалось в сознании как воплощенные в реальном мире фрагменты будущей поэмы. Это относится к местам, к поворотам сюжета, к диалогам, к ходу мысли, к прямым и трансформированным цитатам, к выбору слов и метафор, к той концептуальной матрице, которая сначала определила восприятие событий, а затем композиционную структуру „Поэмы конца“» [11, с. 91].

Главное родство Цветаевой и Деборд-Вальмор заключается в аудиальном воображении, в интонационной ритмической экспрессивности и в яркой метафоричности.

Сходство в работе со звуком

Аудиальное воображение генерирует силовые линии, организующие поэтический текст, ориентирующие слово поэтического текста: взаиморасположение ударений и пауз (повторение пробела в звуковых колебаниях), паронимическая аттракция (рифмы, ассонансы, паронимические цепи и т. д.). Аудиальное воображение отвечает за фонетический параллелизм поэтической функции языка. В аудиальном воображении продолжают действовать языковые механизмы, сходятся воедино ритмическое и акустическое (физиологическое) с семантикой [3].

Впервые назвал «аудиальное воображение» именно так Т. Элиот [26]. Об этом пишет Анри Мешонник в книге *Critique du rythme*, развивая это понятие и обращая особое внимание на предшествование ритма: «Не будучи ни копией смысла, ни его символизацией, ритм является несемантическим репрезентантом субъекта, который предшествует смыслу». Мешонник понимает ритм как «матрицу», «литейную форму» [27, с. 98-99]. Анри Мешонник посвящает часть своего глубокого исследования звуковой стороне поэтического слова у Марины Цветаевой в книге «Рифма и жизнь» [10].

В данной статье, не ставя цели описать всё своеобразие поэтик Деборд-Вальмор и Цветаевой, мы наметим основные сходства в их работе со словом и звуком.

Гетерометрия и песенное начало

Если говорить об узнаваемых элементах поэтики, для обеих важна гетерометрия, сочетание длинных строк с короткими. Так, например, в стихотворении «Воспоминание» (*Souvenir*) Марселина во второй строфе использует дважды полустихия-шестисложники (александрийский стих, как бы прерванный на цезуре, что передает на ритмическом уровне и бой ожиданий, делает строку более запоминающейся, динамичной):

Quand ses traits plus touchants, éclaires d'une flame
Qui ne s'éteint jamais,
S'imprimèrent vivant dans le fond de mon âme ;
Il ne m'aimait pas, j'aimais ! [22, с. 150]

Когда его черты, омытые сияньем,
Бессмертным, как любовь моя,
Мне в душу врезались живым воспоминаньем, —
Любил не он, а — я !

(Перевод И. Шафаренко [7])

Гетерометрия — это нарушение читательских ритмических ожиданий, быть может, более ощутимых внутри силлабической системы, чем какой-либо другой: так передается на ритмическом уровне до слов, поверх слов — сбой собственных ожиданий лирической героини.

У Цветаевой в уже упоминавшемся выше сборнике «Волшебный фонарь» есть стихотворение, которое тоже касается темы воспоминания, где короткие строки будут повторяться в конце каждой из двух строф:

Памятью сердца — венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером — нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Всё заживает», мне люди сказали...
Вечером — нет... [16, с. 135]

Повторение строк рефреном, похожим на песенный, — тоже одна из характерных черт поэтического языка Марселины, которая часто сочиняла, аккомпанируя себе на гитаре. (В известном стихотворении *Les Séparés* повторяется короткий рефрен *N'écris pas...*, в других рефрен вынесен в название, как, например, *S'il avait su, Sans l'oublier*.) Ко многим текстам применимы слова О. Г. Ревзиной о Цветаевой: «Стихотворение написано как песня и опирается на песню как на прецедентный текст» [11, с. 56]. Песня как прецедентный текст, прецедентный звук, прецедентный ритм, ритм, предшествующий моменту письма.

Момент, предшествующий моменту письма

И Цветаевой, и Деборд-Вальмор был знаком этот подспудный бессловесный гул, предшествующий моменту письма, который Анри Мешонник называет животворящим, помогающим интуитивно находить смысл, притягивающий нужные слова. Марселина начала петь песни прежде, чем писать стихи, и часто подбирала слова своих стихов, аккомпанируя себе на гитаре или арфе. Марселина объясняет это: «Я их [свои стихи] пробую на мотивы, которые очень люблю, и они принуждают меня без моего ведома к большей точности без рассеянности» [цит. по: 19, с. 3]. Объясняя свое состояние в момент поэтического письма, она вновь подчеркивает неосознанность этой работы: «Музыка катилась в моей больной голове, и размер, всё время одинаковый, упорядочивал мои мысли без ведома моего разума» [цит. по: 19, с. 3].

Этот подспудный гул, «самый „шум“ думанья», возникает в переписке Пастернака с Цветаевой, в противопоставлении мысли. В письме к Цветаевой от 22 февраля 1927 г. Б. Пастернак пишет: «Я только что получил „Попытку комнаты“, ты знаешь сама, — как это хорошо и как близко мне, утратившемуся, настоящему. <...> Я не могу не завидовать тебе, но сильнее моей зависти — гордость и радость. Ты удивительно стройно растешь и последовательно. <...> Мысль, т. е. самый „шум“ думанья, настолько порабощена в тебе поэтом, что кажется победительницей. Кажется, ей никуда еще не падалось так радостно вольно, как в твои до последней степени сжатые и определенные строчки. Твои поэтические формулировки до того по ней, до того ей подобны, что начинает казаться, будто она сама (мысль) и есть источник твоей бесподобной музыки. Точно, очищенная от всякой аритмии предположений, она не может не превратиться в пень, как до звучности очищенный шум...» [12].

Цветаева в своем эссе «Кого я слушаюсь» описывает процесс поэтического письма: «Приказующее есть первичный, неизменный и незаменимый стих, суть представляющая стихом. Чаще всего последним двустихием, к которому затем прирастает остальное. Указующее — слуховая дорога к стиху: слышу напев. Слов не слышу. Слов ищу» [17, с. 41]. Эпиграфом к эссе взяты слова Жанны Д'Арк, направляющие мысли читателя к французской культуре¹. Цветаева подчеркивает важность аудиальной составляющей: «Всё мое писание — вслушивание» [17, с. 41].

Музыкальность Деборд-Вальмор и Цветаевой не может быть объяснена влиянием, а скорее сходным устройством когнитивного типа личности, в частности аудиальным воображением. Но переключки можно обнаружить и на уровне мотивов.

Метаморфозы роз Саади

В «Волшебном фанаре» есть и отклик на самое известное стихотворение Марселины Деборд-Вальмор «Розы Саади», переносящее в сферу чувств эпизод поэтического трактата «Гулистан» персидского мыслителя Саади [см. 2].

Сборник коротких рассказов и афоризмов поэта-моралиста XII в. был знаком Марселине², он был переведен на французский еще в XVII в. Название «Гулистан» в переводе звучало по-разному, но все варианты названия вели к тому, чтоб сформировалась устойчивая ассоциация «Розы Саади» [например, «Gulistan, ou L'empire des roses», 1634; «Gulistan ou le Parterre de Roses», 1858; см. 25]. Эти поучительные притчи неслучайно заинтересовали Марселину Деборд-Вальмор: ей близко было желание создать дидактическое произведение, сохранить свой опыт для будущих поколений, передать нравственные наставления или практические советы, что можно наблюдать в ее сказках [8]. Форма, выбранная

¹ «J'entends des voix, disait-elle, qui me commandent» (Я слышу голоса, которые мной повелевают) [17, с. 41].

² Возможно, Марселина познакомилась с творчеством персидского поэта через существовавшие в то время романсы. Например, композитора Николя Далеярака (1753-1809) [20].

Саади, — это отнюдь не сухие сентенции, а увлекательные рассказы, с насыщенными конкретными прочувствованными образами, исполненными глубокого гуманизма.

Если мы заглянем во фрагмент текста Саади, где речь идет о розах, поле одежды и опьянении запахом роз, то убедимся, что он не имеет никакого отношения к любовной лирике, и увидим более ясно, что нового привносит Деборд-Вальмор в обработку этого древнего сюжета:

«Некий благочестивый мудрец устремил свой взор в пучину размышлений и погрузился в море откровений. Когда он очнулся от этого состояния, один из друзей шутливо спросил его:

— Какой же чудесный подарок принес ты нам из сада, в который ты ходил?

Мудрец промолвил в ответ:

— Я думал, как только подойду к розовым кустам, полу свою розами наполню, в подарок друзьям. Но, когда я туда добрался, так опьянил меня запах роз, что пола моей одежды выскользнула из рук» [13].

У Саади речь идет о чувственном образе философии. Он пишет о невозможности передать мудрость, накопленный духовный опыт, ибо он подобен аромату роз, летуч, неуловим и неосязаем, его можно только ощутить.

Стихотворение Марселины по праву считается одной из жемчужин любовной лирики, мотив утраты эфемерного прекрасного перенесен в сферу чувств. Пейзаж весьма условен, все природные элементы, упоминаемые в стихотворении (море, ветер, розы) могут иметь символическое прочтение. Очень важно, что это стихотворение часто читается как написанное от лица женщины. Вероятнее всего, именно так и воспринимала его Марина Цветаева.

Не отождествляя автора и лирического героя, французский поэт и литературный критик Ив Бонфуа уверен, что это женский взгляд: «“J’ai voulu ce matin te rapporter des roses” говорит в начале стихотворения та, от чьего лица оно написано, и нет никаких сомнений в том, что она смогла воспринять эту красоту, это набухание цветов только через близость с ощутимой реальностью, которую большинство наших слов может только стереть с нашего поля сознания»¹ [22, с. 20]. Поэт уточняет по поводу слова, которое может помочь идентифицировать гендер лирического голоса: «Но слово “robe”² выражает во французском языке, когда ничто этому явно не противоречит, нечто настолько неотразимо

¹ «„J’ai voulu ce matin te rapporter des roses“ dit au commencement celle qui parle dans le poème, et il n’y a certes pas à douter qu’elle n’ait pu percevoir cette beauté, ce foissement des fleurs que par une intimité avec la réalité sensible que la plupart de nos mots ne savent qu’effacer de notre champ de conscience » [22, с. 20].

² В русском языке слово «платье» может относиться как к мужской, так и к женской одежде. В переводе мы постарались избегать гендерномаркированных конструкций, чтобы оставить читателю возможность прочтения, сходную с эффектом, создаваемым французским текстом.

женственное, что невозможно представить себе, чтобы Марселина инстинктивно не поняла и не приняла этого»¹ [22, с. 20].

То есть речь идет о немислимом жесте нежности — женщины преподнести цветы любимому человеку.

Именно инверсию ролей в оппозиции «мужчина — женщина» мы находим в стихотворении «Первая роза» у Цветаевой:

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста? [16, с. 125]

Несмотря на то, что символический жест восходит к «Розам Марселины», в этом тексте Цветаева даже больше, чем Деборд-Вальмор, находится в диалоге с Саади и с его словами, практически вошедшими в пословицу «Невозможно розу сорвать, шипом не поранив руки».

Цветаева не принадлежала ни к одному литературному течению XX в., не умещалась в их рамки. Ее собеседниками во стихе были и Пушкин, и Деборд-Вальмор, и косвенно — Саади².

Итак, в ходе исследования было подтверждено знакомство Цветаевой с текстами Деборд-Вальмор, скорее всего, читанными в оригинале, на французском языке. Сравнение Цветаевой с Деборд-Вальмор в письме Пастернака к Рильке удивительно, на первый взгляд, если учитывать тексты Цветаевой того периода, их модернистскую эстетику, их усложненное лингвистическое оформление. Но мысль Пастернака проясняется, исходя из последовательного анализа ранних стихотворений Цветаевой, в частности книги «Волшебный фонарь», а также рефренов и гетерометрии, характерных для поэтической манеры обеих писательниц.

Обсуждение

Сопоставление творческой манеры Цветаевой и Деборд-Вальмор ставит множество разноплановых вопросов, выходящих за рамки журнальной публикации: каждая из авторов работала в разнообразных жанрах, переживала разные периоды становления

¹ « Mais le mot “ robe ” a en français, quand rien n’y contredit clairement, une suggestion si irrésistiblement féminine qu’on ne peut concevoir que Marceline ne l’ait pas comprise d’instinct et assumée ».

² Розы Саади в образном мире Цветаевой появляются и как символ полноты бытия: «Есть у меня — сказал, так в ладони! — / Для девочек лани, для мальчиков кони, / Плоды Соломона и розы Саади, / Для мальчиков — войны, для девочек — свадьбы...» (Поэма «Крысолов» [16, с. 466]).

творческой манеры. В данном исследовании были рассмотрены только основные черты работы с поэтическим словом, позволяющие сравнивать этих авторов.

Исследование поэтики Цветаевой и Деборд-Вальмор вписывается не только в проблематику исследования поэзии женского авторства, но новаторства и преемственности, взаимосвязей романтизма и модернизма, и даже не только панораму франко-российских связей. В данном исследовании вопрос о культурном трансфере затрагивает более сложные модели: речь не только о культурных отношениях между Россией и Францией XIX-XX вв., но о культуре Востока и Запада, об открытии восточной поэзии XII в. французскими романтиками, о преломлении мотивов во французской лирике и о трансформации их в лирике российского автора эпохи модернизма.

Заключение

Несомненно, найдется и множество различий между тихим голосом Деборд-Вальмор («Я пишу совсем тихо» — “j’écris tout bas” [21, с. 89]) и полногласием автора «Царь-Девыцы», может быть, даже контраст кротости и бунтарства, но самым важным моментом представляется именно эта живая связь между французским романтизмом и русским модернизмом.

В. М. Толмачев в книге с характерным названием «От романтизма к романтизму» отмечает его «длящийся характер»: «Романтизм впервые заявил о себе еще в начале прошлого столетия, но и по сей день остается искусством современным — не только введением в культуру XX века, но и чем-то таким, без чего изучение, скажем, немецкого экспрессионизма или французского экзистенциализма вряд ли будет до конца удовлетворительным» [15, с. 5].

На примере юношеского увлечения Цветаевой поэзией Деборд-Вальмор становится ясно, насколько романтизм входит в плоть и кость ее поэзии, поэзии в высшей степени современной, бунтарской, новаторской. Так творчество Марселины Деборд-Вальмор — этого почти забытого автора романтизма — стало необходимым звеном для развития художественного слова, обрело непредсказуемое эхо во второй половине XIX — XX в., объединившее — родных по звуку, по слуху — поэтов мощнейшего аудиального воображения: Верлена, Рембо, Арагона и Марину Цветаеву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белавина Е. М. «Сухие цветы воспоминаний»: автобиографизм и вымысел в романе «Мастерская художника» Марселины Деборд-Вальмор / Е. М. Белавина // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. Том 4. № 3. URL: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii/article/view/232> (дата обращения: 31.01.2020).
2. Белавина Е. М. Марселина, Татьяна, Марина: культурный миф Деборд-Вальмор в России / Е. М. Белавина // Вестник русского христианского движения. 2017. № 207. С. 242-252.

3. Белавина Е. М. «Подспудный гул созвучий» или Рецепция поэтического дискурса и аудиальное воображение / Е. М. Белавина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 4. С. 163-176.
4. Бобров С. Рецензия: Марина Цветаева «Царь-Девница»: Поэма-сказка. М.: Госиздат, 1922; Ремесло: Книга стихов. М.-Берлин: Геликон, 1923 / С. Бобров // Рецензии на произведения Марины Цветаевой. URL: https://modernlib.net/books/cvetaeva_marina/recenzii_na_proizvedeniya_marini_cvetaevoy/read/ (дата обращения: 24.08.2020).
5. Богомолов Н. А. Проект «Акмеизм». Иваск Ю. П. Беседа с Владимиром Васильевичем Вейдле. Париж, июнь 1960 г. / Н. А. Богомолов // НЛО. 2020. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/proekt-akmeizm.html> (дата обращения: 24.08.2020).
6. Бродский И. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе / И. Бродский. М.: Независимая газета, 1997. 207 с.
7. Деборд-Вальмор М. Воспоминание / М. Деборд-Вальмор, пер. И. Шафаренко // Франция в сердце: Поэзия Франции XII — начала XX вв. в переводах русских поэтов XVIII — начала XXI вв. Антология в 3 томах / [сост. Е. Витковский]. СПб.: Крига, 2019. Том 2. С. 487.
8. Деборд-Вальмор М. Семнадцать сказок Марселины и «Малыш с Елисейских полей» / М. Деборд-Вальмор. М.: КДУ, 2018. 140 с.
9. Мешонник А. Ритм до смысла / А. Мешонник; пер. Е. Белавиной // In memoriam Георгий Константинович Косиков: Материалы к творческой биографии. Воспоминания / сост. В. М. Толмачёв. М., 2011. URL: <http://www.philol.msu.ru/~fraphil/bibliotheque-en-ligne/meshonnik2011.pdf> (дата обращения: 7 ноября 2020).
10. Мешонник А. Рифма и жизнь / А. Мешонник; пер. Ю. Маричик-Сьоли. М.: О.Г.И., 2014. 400 с.
11. Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта / О. Г. Ревзина. М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2009. 600 с.
12. Рильке Р. М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года / предисловие, пер., комм. К. М. Азадовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернака. М.: Книга, 1990. 256 с.
13. Саади М. Гулистан: Розовый сад / пер. с перс. Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина; [подготовка текста, вступ. статья, с. 3-26, и примеч. Р. Алиева]; [под ред. А. Бертельса и С. Шервинского]. М.: Гослитиздат, 1957. URL: <https://www.rulit.me/books/gulistan-read-177788-11.html> (дата обращения: 24.08.2020).
14. Стрельникова Н. Д. Марина Цветаева и Эдмон Ростан / Н. Д. Стрельникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. № 3. С. 109-115.
15. Толмачёв В. М. От романтизма к романтизму: Американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры / В. М. Толмачёв. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 363 с.
16. Цветаева М. Книги стихов / М. Цветаева; сост., коммент., статья Т. А. Горьковой. М.: Эллис Лак, 2004. 896 с.
17. Цветаева М. Об искусстве / М. Цветаева. М.: Искусство, 1991. 496 с.
18. Цветаева М. Сочинения / М. Цветаева. М.: Центр, 1992. Том 2. Стихотворения и поэмы 1921-1929. 622 с.

19. Bertrand M. Les Techniques de versification de Marceline Desbordes-Valmore / M. Bertrand. Lille, 1981.
20. Dalayrac N. [Gulistan ou Le hulla de Samarcande] Titre(s) : Le Point du jour. Romance chantée... dans Gulistan ou le Hulla de Samarcande / N. Dalayrac. Paroles de MM: Paris : Frère, [s.d.]
21. Desbordes-Valmore M. Les Pleurs. Présentation d'Esther Pinon / M. Desbordes-Valmore. GF Flammarion, 2019.
22. Desbordes-Valmore M. Poésie / M. Desbordes-Valmore. Paris: Gallimard, 1998.
23. Desbordes-Valmore M. Contes. Présentés par Marc Bertrand / M. Desbordes-Valmore. Presses universitaires de Lyon, 1989.
24. Descaves L. La Vie douloureuse de Marceline Desbordes-Valmore / L. Descaves. Paris, ed. D'art et de littérature, 1910.
25. Djamileh Zia. Les Français qui ont traduit les œuvres de « Saadi » du XVIIe au XIXe siècle / Zia Djamileh // La Revue de Theeran. 2008. No. 30, mai. URL: <http://www.teheran.ir/spip.php?article701#gsc.tab=0> (дата обращения: 24.08.2020).
26. Eliot T. S. The Use of Poetry and the Use of Criticism / T. S. Eliot. Faber & Faber, 1964.
27. Meschonnic H. Critique du rythme / H. Meschonnic. Verdier, 1982.
28. Planté Ch. Marceline Desbordes-Valmore: l'autobiographie indéfinie / Ch. Planté // Romantisme. 1987. Vol. 17. No. 56.
29. Saadi. Gulistan, ou L'empire des roses, trad. en français par André Du Ryer / Saadi // Paris: Chez Antoine de Sommaville, 1634. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1097919/f1.item.r=Gulista> (дата обращения: 24.08.2020).
30. Saadi. Gulistan, ou Le parterre de fleurs du cheikh Moslih-Eddin Sadide Chiraz / Saadi; traduit littéralement sur l'édition autographique du texte publiée en 1828, avec des notes historiques et grammaticales, par N. Semelet. Paris: Impr. royale, 1834.
31. Verlaine P. Œuvres en prose complètes / P. Verlaine. Gallimard, collection «La Pléiade», 1972.

Ekaterina M. BELAVINA¹

UDC 82

**MOTIFS TRANSFORMATION
OF M. DESBORDES-VALMORE LYRICS
IN THE WORKS OF MARINA TSVETAEVA**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of French Linguistics, Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University
kat-belavina@yandex.ru

Abstract

The influence of French culture on the poetry of M. Tsvetaeva was noted by her contemporaries (B. Pasternak, S. Bobrov), and also became the subject of scientific research (for example, N. Strelnikova). However, the relationship of her poetry with the French writer work of the romanticism era, M. Desbordes-Valmore (1786-1859), which is almost forgotten in our days, is analyzed for the first time, which seems relevant in light of the growing interest in the role of women in European culture. The article uses a biographical method, with the involvement of the poetics of the rhythm of H. Meshonnik. The article examines the mentions of M. Desbordes-Valmore in M. Tsvetaeva's poetry and in correspondence with B. Pasternak, provides a brief comparison of biographies in terms of their influence on the formation of a poetic voice. Their tragic fates have a lot in common: both survived revolutions, as a consequence the ruin of the family nest, extreme poverty, the loss of loved ones.

The main similarity between M. Tsvetaeva and M. Desbordes-Valmore lies in the auditory imagination, in intonational rhythmic expressiveness and in vivid metaphor. Both M. Desbordes-Valmore and M. Tsvetaeva left evidence of a moment preceding the moment of writing, "music" preceding verbal expression. They often rely on the song as a precedent text (O. Revzina), a precedent rhythm.

The autobiographical nature of the lyrics and the musicality bring together so dissimilar authors at first glance. M. Tsvetaeva read M. Desbordes-Valmore in the original, probably having

---

Citation: Belavina E. M. 2021. "Motifs Transformation of M. Desbordes-Valmore Lyrics in the Works of Marina Tsvetaeva". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 128-143.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-128-143

---

become acquainted with her work at the summer courses in the history of French literature at the Sorbonne. The analysis of the transformations of M. Desbordes-Valmore's poems motifs in M. Tsvetaeva's lyrics clearly show not only a deep knowledge and understanding of the French romantic tradition, but also the innovation of her own poetic language.

Keywords

M. Desbordes-Valmore, M. Tsvetaeva, French poetry of the 19th century, Russian poetry of the 20th century, French romanticism, Russian modernism, comparative literary criticism, auditory imagination, Franco-Russian ties.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-128-143

REFERENCES

1. Belavina E. M. 2019. "«Dried flowers of memories»: autobiography and fiction in the novel «Artist's Workshop» by Marceline Desbordes-Valmore". Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies. Vol. 4, no. 3. Accessed 31 January 2020. <http://www.pi-journal.com/index.php/pii/article/view/232> [In Russian]
2. Belavina E. M. 2017. "Marselina, Tatiana, Marina: the cultural myth of Desbordes-Valmore in Russia". The Russian Christian movement Herald. No. 207, pp. 242-252. [In Russian]
3. Belavina E. M. 2011. "«Latent rumble of consonances» or Reception of poetic discourse and auditory imagination". Moscow University Herald. Series 9. Philology. No. 4, pp. 163-176. [In Russian]
4. Bobrov S. 1922; 1923. "Review: Marina Tsvetaeva «Tsar Maiden»: Poem-tale. Moscow: Gosizdat; Craft: Book of Poems. Moscow-Berlin: Helikon". Reviews of Marina Tsvetaeva's works. Accessed 24 August 2020. https://modernlib.net/books/cvetaeva_marina/recenzii_na_proizvedeniya_marini_cvetaevoy/read/ [In Russian]
5. Bogomolov N. A. 2020. "Project «Acmeism». Ivask Yu. P. Conversation with Vladimir Vasilievich Veidle. Paris, June 1960". UFO. 2020. No. 6. Accessed 24.08.2020. <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/proekt-akmeizm.html> [In Russian]
6. Brodsky I. 1997. Brodsky about Tsvetaeva: interviews, essays. Moscow: Publishing house "Nezavisimaya gazeta". 207 pp. [In Russian]
7. Desbordes-Valmore M. 2019. "Memories". France in the Heart: Poetry of France XII — early XX centuries in the translations of Russian poets of the 18th — early 21st centuries. Anthology in 3 volumes. Compiled by E. Vitkovsky. SPb: Kriga. Vol. 2, p. 487. [In Russian]
8. Desbordes-Valmore M. 2018. Seventeen fairy tales of Marceline and "The Kid from the Champs Elysees". Moscow: KDU. 140 pp. [In Russian]
9. Meshonnik A. 2011. "Rhythm to meaning". Translated by Belavina E. In memoriam Georgy Konstantinovich Kosikov: Materials for a creative biography. Memories. Compiled by V. M. Tolmachev. Moscow. Accessed 7 November 2020. <http://www.philol.msu.ru/~fraphil/bibliotheque-en-ligne/meshonnik2011.pdf> [In Russian]
10. Meshonnik A. 2014. Rhyme and life. Translated by Y. Marichik-Sioli. Moscow: O.G.I. 400 pp. [In Russian]

11. Revzina O. G. 2009. Immesurable Tsvetaeva: Experience of the systemic description of the poetic idiolect. Moscow: House-Museum of M. Tsvetaeva, 600 pp. [In Russian]
12. Rilke R. M., Pasternak B., Tsvetaeva M. Letters of 1926. Edited, translated and commented by K. M. Azadovsky, E. B. Pasternak, E. V. Pasternak. Moscow: Kniga. 256 pp. [In Russian]
13. Saadi M. 1957. Gulistan: Rose Garden. Translated from Persian by R. Aliyev; the translation of poems is made by A. Starostin; edited by A. Bertels and S. Shervinsky. Moscow: Goslitizdat. Accessed 24 August 2020. <https://www.rulit.me/books/gulistan-read-177788-11.html> [In Russian]
14. Strel'nikova N. D. 2009. "Marina Tsvetaeva i Edmon Rostan". Saint-Petersburg University Herald. Series 9. Filology, oriental studies, journalism. No. 3, pp. 109-115.
15. Tolmachev V. M. 1997. From romanticism to romanticism: American novel of the 1920s and the problem of romantic culture. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov. 363 pp. [In Russian]
16. Tsvetaeva M. 2004. Books of poetry. Compiled and commented by T. A. Gorkova. Moscow: Ellis Lack. 896 pp. [In Russian]
17. Tsvetaeva M. 1991. About art. Moscow: Art. 496 pp. [In Russian]
18. Tsvetaeva M. 1992. Works. Moscow: Center. Vol. 2. Poems and poems 1921-1929. 622 pp. [In Russian]
19. Bertrand M. 1981. Les Techniques de versification de Marceline Desbordes-Valmore. Lille.
20. Dalayrac N. [Gulistan ou Le hulla de Samarcande] Titre(s) : Le Point du jour. Romance chantée... dans Gulistan ou le Hulla de Samarcande. Paroles de MM: Paris : Frère, [s.d.]
21. Desbordes-Valmore M. 2019. Les Pleurs. Présentation d'Esther Pinon. GF Flammarion.
22. Desbordes-Valmore M. 1998. Poésie. Paris: Gallimard.
23. Desbordes-Valmore M. 1989. Contes. Présentés par Marc Bertrand. Presses universitaires de Lyon.
24. Descaves L. 1910. La Vie douloureuse de Marceline Desbordes-Valmore. Paris, ed. D'art et de littérature.
25. Djamileh Zia. 2008. "Les Français qui ont traduit les œuvres de « Saadi » du XVIIIe au XIXe siècle". La Revue de Theeran. No. 30, mai. Accessed 24 August 2020. <http://www.teheran.ir/spip.php?article701#gsc.tab=0>
26. Eliot T. S. 1964. The Use of Poetry and the Use of Criticism. Faber & Faber.
27. Meschonnic H. 1982. Critique du rythme. Verdier.
28. Planté Ch. 1987. "Marceline Desbordes-Valmore: l'autobiographie indéfinie". Romantisme. Vol. 17, no. 56.
29. Saadi. 1634. "Gulistan, ou L'empire des roses, trad. en français par André Du Ryer". Paris: Chez Antoine de Sommerville. Accessed 24 August 2020. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1097919/f1.item.r=Gulista>
30. Saadi. 1834. "Gulistan, ou Le parterre de fleurs du cheikh Moslih-Eddin Sadide Chiraz". Traduit littéralement sur l'édition autographique du texte publiée en 1828, avec des notes historiques et grammaticales, par N. Semelet. Paris: Impr. royale.
31. Verlaine P. 1972. Œuvres en prose complètes. Gallimard, collection «La Pléiade».

ИСТОРИЯ

Александр Георгиевич ЕМАНОВ¹

Владислав Анатольевич ЕВСТЮНИН²

УДК 63.3

ФРАНЧЕСКО ДАТИНИ В ЭПИСТОЛЯРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

¹ доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии,
истории Древнего мира и Средних веков,
Тюменский государственный университет
a.g.emanov@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2352-4363.

² магистрант кафедры археологии,
истории Древнего мира и Средних веков,
Тюменский государственный университет
vinnetski@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка реконструкции менталитета средневекового бюргера Франческо Датини (1335-1410) на материалах его эпистолярного архива с целью изучения присущих ему рефлексивных практик в контексте времени и жизненных обстоятельств.

Период жизни Датини (XIV-XV вв.) был отмечен целым рядом катаклизмов, среди которых наиболее глобальным явлением представляется Великая пандемия чумы середины XIV в. Люди «Старого Света», пережившие эти потрясения, ощутили необратимые социальные и психические изменения. Привычный уклад их жизни словно уходил в безвозвратное прошлое, разрушалась устоявшаяся групповая и индивидуальная идентичность. При этом новая модель жизненного поведения и идентичности еще не сложилась.

Цитирование: Еманов А. Г. Франческо Датини в эпистолярной рефлексии / А. Г. Еманов, В. А. Евстюнин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 144-158.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-144-158

В качестве методологической основы предпринятого изыскания нами были избраны методы эмотивной истории, что позволило сконцентрировать исследовательские усилия на эмоциях и ценностных ориентирах, а также теория лиминальности, акцентирующая внимание на изучении воздействия состояний неопределенности на группы людей и отдельных индивидов.

Переписка Датини получила разделение на деловую — с партнерами по бизнесу и частную — с приемной матерью монной Пьерой ди Пратезе Боскетти, супругой монной Маргаритой и ближайшим другом, нотариусом и судьей, сиром Лапо ди Мацей. В деловой переписке Франческо Датини предстает занятым исключительно думами о доходах, склонным к сентенциям и злой иронии. В частной переписке раскрывается религиозная мотивация его поступков, эмоции, сомнения, опасения и страхи, усилившиеся эсхатологическими ожиданиями переходного времени.

Приведенные наблюдения позволили охарактеризовать рефлексивные практики Франческо Датини как лиминальные. Рефлексивный опыт Датини оказался весьма многомерным, отразившим всю катастрофичность пережитого им времени, что побудило его в последние годы жизни обратиться к благотворительности, долгим постам и аскезе.

Ключевые слова

Средневековый бюргер, менталитет, Франческо Датини, лиминальность, эпистолярный, думы о доходах, рефлексия, эсхатология, религиозность, благотворительность.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-144-158

Введение

Актуальность предпринятого исследования предопределяется деструктивной силой катастроф, потрясших «Старый Свет» в XIV-XV вв. К ним относятся тяжёлые военные конфликты, восстания, вспышки голода и эпидемии. Наиболее глобальным явлением в данном ряду представляется Великая пандемия чумы середины XIV в., позднее названная «Черной смертью», перед которой оказались в равной степени бессильными западная и восточная цивилизации [4, с. 53].

Бедствия оставили неизгладимый след в групповом и индивидуальном сознании выживших, их культуре. Это состояние вполне может быть определено как лиминальное, пограничное, пороговое, когда привычный уклад жизни, казалось, уходил в безвозвратное прошлое, разрушалась привычная групповая и индивидуальная идентичность, а новая модель жизненного поведения и идентичности еще не сложилась.

Выбор эпистолярного наследия Франческо ди Марко Датини из Прато (1335-1410) в качестве объекта исследования более чем оправдан, поскольку его отрочество и юность соответствовали времени первой, наиболее жестокой вспышки чумы (1346-1353), в 1348 г. оставившей его сиротой. Однако Франческо смог выжить и реализовать свои таланты в коммерции, став одним из самых успешных торговцев доиндустриальной эпохи. Таким образом, личные писания

Франческо Датини, создававшиеся им на разговорном, не облаченном в литературную форму, живом тосканском «volgare» (от лат. vulgaris «народный»), ставшем основой современного итальянского языка, дают уникальную возможность почувствовать рациональную и эмоциональную реакцию человека XIV-XV вв. на социальные изменения, свидетелем которых он являлся.

Бумаги Датини были обнаружены в 1870 г. Вскоре появились их первые публикации [25], однако работа по систематизации и описанию документов была завершена лишь столетие спустя. Ныне они почти полностью оцифрованы и доступны для онлайн-изучения на сайте Государственного архива Прато [17]. С 1967 г. на этой документной базе сложился Международный институт экономической истории, основанный по инициативе профессора Флорентийского университета Федерико Мелиса, организуются ежегодные конференции, публикуются источники и исследования [18].

Благодаря усилиям нескольких поколений европейских и американских медиевистов стал выявляться подлинный масштаб личности Датини — создателя международной холдинговой компании, покрывшей сеть филиалов и представительств весь «Старый Свет» — Европу, включая самую отдаленную Северную, Ближнюю Азию и Северную Африку [18, с. 229], благотворителя, основавшего фонд призрения бедных («Casa del Cerro dei poveri», также называемый «Cerro pouvo»), а в 1545 г. преобразованный в «Casa Pia dei Cerri» [27, с. 284]), мецената, лично оказавшего поддержку талантливым современникам, художникам эпохи Треченто, Пьетро и Антонио ди Миньято, Никколо и Лоренцо Джерини, Аньоло Гадди. В дальнейшем питомцами Фонда Датини стали также живописцы периода Раннего Возрождения: Паоло Уччелло, Филиппо Липпи, Фра Диаманте [27, с. 301].

С именем Франческо Датини связывают открытие переводного векселя, изобретение «двойной бухгалтерии», создание новоевропейской системы бухгалтерского учета, введение счетов дебита и кредита [3, с. 38; 9, с. 62; 10, с. 59], формирование габитуса успешного делового человека эпохи модернити, системы восприятия и оценивания статуса человека по манере одеваться [29, с. 247], стилю экстерьера и интерьера семейного жилища [2, с. 38-39], по сервировке стола и изысканности яств [29, с. 273]. Он первым стал пользоваться раковиной на кухне, ванночкой для ног; первым стал употреблять в застольях двойную выпечку — бисквит (biscotti), угощать гостей пирожным, тортами, сухим красным вином «Кьянти» [29, с. 227-278], ставшими атрибутами кулинарного искусства современной Италии.

По мысли директора Международного института экономической истории в Прато Джампьеро Нигро, модель поведения Датини может быть оценена как переходная от простоты жизни обычного бюргера к демонстративной публичной успешности нового буржуа [5, с. 425]. Однако этот тезис не выглядит исчерпывающим, поскольку подобная манера поведения Датини могла быть вызвана простым стремлением «выглядеть не хуже других», успешных банкиров и купцов того времени, его ближайших конкурентов, а возможно, и желанием их превзойти.

Доцент Флорентийского университета Паоло Нанни проанализировал риторические стратегии Датини, которые он совершенствовал и оттачивал в деловой переписке с партнерами по бизнесу, при ведении которой Франческо зачастую приходилось обосновывать организационные изменения в своих торговых компаниях, закрытие одних и открытие новых, что порождало необходимость подыскивать новые аргументы в пользу переориентации бизнеса на иные рынки и сферы, рационализировать затраты и риски [28, с. 51]. Здесь с особой силой проявляется рефлексивный талант Датини, предстающий, впрочем, тотально рациональным. В действительности мыслительный опыт купца из Прато был многим сложнее.

В отечественной историографии эпистолярный Франческо Датини впервые был рассмотрен членом-корреспондентом АН СССР В. И. Рутенбургом, представителем Ленинградской школы итальянистики, будучи включенным им в дискуссию о генезисе капиталистических отношений в итальянских городах-коммунах [11]. Также изучением эпистолярных документов Датини была занята сотрудница Института всеобщей истории АН СССР Л. А. Котельникова, представительница Московской школы итальянистики, включившая описание экономической составляющей домохозяйства Датини в исследования, посвященные установлению роли города в феодальном обществе [6].

В постмодернистском контексте к изучению писем Датини обращалась профессор Северо-Кавказского федерального университета И. А. Краснова, отмечавшая их ценность для изучения городской повседневности [7, 8], а также доцент Ставропольского государственного педагогического института И. А. Ануприенко, включившая переписку Франческо с супругой в гендерные исследования [1].

Описанное сочетание научных интересов историков экономики и исследователей, занятых в области микроистории, было охарактеризовано профессором Сиенского университета Микеле Кассандро как стремление описывать Датини и его жизненный путь в контексте времени и обстоятельств [5, с. 424], зачастую неподвластных рациональному осмыслению. Приоткрыть завесу не только рассудочной, но и дорассудочной, ментальной рефлексии Франческо составляет цель настоящего исследования.

Методы

В качестве методологической основы предпринятого изыскания нами были избраны методы эмотивной истории, называемой также «сенсорной», «чувственной». Они позволяют сконцентрировать исследовательские усилия на эмоциях, включающих в себя как предельно аффективные реакции, чувства, телесные габитусы (внешность, наружность, облик), так и ценностные ориентиры, рациональное осознание иерархии субъективных интересов, их возможности гармоничного сопряжения с интересами общества. Это, пожалуй, одно из самых новых направлений исторической науки, решающий вклад в развитие которого вносят сегодня профессор Лондонского университета Ян Плампер [31] и старший научный сотрудник центра превосходства в изучении истории опытного знания Университета Тампере Роб Боддис [14].

Другим важным методологическим подходом является теория лиминальности, акцентирующая внимание на состояниях неопределенности, которые вызывают смирение, усиливают склонность к уединению, побуждают к телесным и духовным испытаниям, подталкивают к отречению от радостей жизни, удовольствий и собственности, порождают даже распад привычной гендерной идентичности. Своего высшего развития эта теория достигла в трудах профессора Чикагского университета Виктора Тёрнера [32].

Результаты исследования и их обсуждение

Эпистолярное наследие Франческо Датини состоит из 148 265 писем, разделенных на деловые и частные [17]. Образцам деловой переписки свойственны рациональная рефлексия, контролируемые эмоции; их изучение позволяет увидеть лишь самые общие черты личности Датини, отмеченные его первым биографом, леди А. Ориго: эрудированность, склонность к иронии, сдерживаемую вспыльчивость и сентенциозность. Так, например, одному из партнеров, отличавшемуся жадностью, Франческо писал: «Вы напоминаете мне священника, изначально просившего у Бога лишь скромный приход, затем, получив оный, захотевшего стать Папой, а став Папой, возжелавшего светской власти...» Другой корреспондент получает следующую отповедь: «Вы словно крестьянин, пришедший к аптекарю...» [29, с. 18]. Управляющие филиалов («*Fattori*»), приславшие Франческо подробные отчеты, также испытывали на себе его остро словие. Так, отчет, составленный небрежно, достаивался отзыва наподобие: «Вы не способны увидеть и ворону в миске, полной молока!» Излишне запутанный, трудночитаемый документ получал резолюцию: «У вас явно не кошачий ум. Вы не можете найти путь от носа ко рту!» [29, с. 102]. Некоторым из адресатов суждено было обнаружить в конце сухого и выдержанного делового письма целую притчу («*Assempro*»): «...я расскажу Вам о человеке, отправившемся искать гнев божий...» [29, с. 18].

Подобные пассажи обнаруживают отсылки к Библии, а также произведениям современных Датини писателей, творивших на тосканском «*volgare*», таким как «Божественная комедия» Данте Альгьери, «Декамерон» Джованни Боккаччо и «Триста новелл» Франко Саккетти. Так, цитата из Данте «когда я достиг той части моей жизни, когда подобает убрать парус и сматывать снасти...» («*Quando mi vidi giunto in quella partedi mia etade ove ciascun dovrebbe calar le vele e raccogliere le sarte...*») [12, *Inferno*, XXVII, 81] дополняется Франческо оригинальным «...и умереть в порту» («...e morir in porto») [29, с. 18].

Однако наиболее полно Франческо Датини раскрывается в частных письмах. К таковым сотрудниками архива относится лишь малая часть эпистолярного наследия купца из Прато — примерно 11 000 писем, подавляющее большинство которых составляет переписка Франческо с его приемной матерью монной Пьерой ди Пратезе Боскетти [29, с. 43-53, 153], супругой монной Маргаритой [24], а также письма, полученные им от ближайшего друга, просвещенного юриста и нотариуса, сира Лапо ди Мацеи [25, 26].

Переписка с моной Пьерой относится к Авиньонскому периоду жизни Франческо (1350-1383 гг., первое письмо датировано 1372 г.). Именно во флорентийской торговой колонии, обеспечивавшей Папский двор предметами роскоши и оружием, Датини состоялся как коммерсант, заложив основу будущего успеха на родине. Франческо относился к монне Пьере, приютившей его после смерти родителей, как к родной матери: «Я сделаю для тебя всё — и в жизни, и после смерти, как сделал бы это для монны Вермилии [родная мать Франческо]» [29, с. 33], и добрая женщина, со своей стороны, подписывала письма к нему, писавшиеся соседом под ее диктовку, «твоя любящая мать» («tua madre per amore»). Монна Пьера также пыталась уговорить Франческо вернуться на родину, представляя желание увидеть приемного сына как единственное, что удерживало ее от того, чтобы «стрелой полететь в Рай». Однако Франческо, будучи занятым думами о доходах, постоянно откладывал свой приезд. Лишь конфликт флорентийцев с Папой и отъезд последнего из Авиньона побудили Франческо вернуться в Прато. 10 января 1383 г. он встретился с приемной матерью, а 29 января, во время деловой поездки Датини в Пизу, Монна Пьера умерла. «Сегодня около полуночи она ушла из жизни. Господи милосердный, прими ее как праведницу...» — сообщил Франческо его фактор, Монте д'Андреа [29, с. 54]. Как отмечает А. Ориго, «спустя всего несколько недель после возвращения мессера Франческо на родную землю самая крепкая из связей с ней была разорвана...» [29, с. 55].

Переписка Франческо Датини с супругой берет начало в 1384 г. и охватывает заключительный этап его жизненного пути — период наивысшего профессионального успеха, сопровождавшегося, однако, постоянными приступами тревоги. «Судьбе было угодно, — пишет Франческо супруге, — что с той поры, как я родился, я никогда не испытывал хоть сколько-нибудь полной радости...» [24, с. 139].

Гнетущая тоска, всегдашняя меланхолия («malinchonia»), никоим образом не проявлявшая себя в деловой корреспонденции, одолевала Франческо, в поздние годы жизни ставшего чувствительным и ранимым. «Я в такой меланхолии, что удивительно, как мой мозг еще работает. Сколько я ни бьюсь, не могу сделать как нужно, и время против всех этих начинаний. Господи, помоги нам, — пишет Франческо супруге, находясь во Флоренции. — Вскройте [письмо], если оно от мессера Пьеро. Я не писал ему, потому что думал, что он зайдет. Поступайте по своему усмотрению. Из-за меланхолии я не знаю, как быть. Написать ему или не стоит... Если я проживу еще немного, то, по милости Божьей, приведу в порядок дела, и мы не будем жить в такой меланхолии. Ведь, как мне кажется, на свете всё предрешено и нет такой печали, с которой нельзя было бы жить. Мы будем просто делать то, что должны, всё остальное во власти Господа: другого лекарства не наблюдается» [24, с. 180].

Подозрительность, с юных лет свойственная Датини, с годами превратилась в настоящую паранойю, усугубляющуюся тем сильнее, чем надежнее было его финансовое состояние. Здесь особое место занимают часто встречаемые в письмах пересказы и толкования сновидений: «Прошлой ночью мне приснилось, что дом, в котором находились члены моей семьи, рухнул. Этот дом был недалеко

от жилища мессера Пьеро. Сон заставил меня задуматься, ведь от корабля, который более двух месяцев назад покинул Венецию, направляясь в Каталонию, нет никаких известий...» [24, с. 181].

Франческо не мог найти успокоения в накопленных богатствах и профессиональных успехах. Усиливавшееся обращение к религии, регулярное посещение церкви, внимание к проповедям, участие в исповедях и причастиях, соблюдение постов и совершение изнурительных паломничеств не приносили облегчения. С наступлением старости тревога переросла в неустранимый страх, вызванный думами о смерти, убеждением в греховности жизни, прожитой в погоне за наживой, что, по убеждению совестливого купца из Прато, неизбежно обрекало его на адовы муки после смерти.

Пытаясь развеяться, Франческо начал посещать проповеди, несмотря на скептическое отношение к святости проповедников. У нищенствующих орденов существовал обычай проповедовать не только в церквях, но и на открытом воздухе, например на городских площадях, что привлекало внимание простых горожан. Проповеди являлись альтернативой дорогостоящих книг, были частыми и, порой, весьма интересными. Они проводились ранним утром или поздним вечером, таким образом, чтобы занятые ремесленники и торговцы могли посещать их перед работой, а женщины — перед тем, как приступить к повседневным делам. Проповедники украшали свои речи историями и примерами из реальной жизни, рассказами путешественников, слухами о странных предзнаменованиях, подогревавшими эсхатологические настроения.

«Говорю вам, такой проповеди еще не бывало. Несомненно, Господь скоро придет и положит конец этой ленивой жизни как среди духовенства, так и среди мирян... Можно подумать, что это один из учеников святого Франциска — услышав его, вы родитесь заново. Мы были в слезах, дивясь ясным истинам, которые он изложил нам... У него был только один недостаток — он произносит свою проповедь слишком быстро, а ведь она драгоценна для ушей набожных людей, которые знают, что должны умереть», — так сир Лапо ди Мацеи, ближайший друг Франческо, описывал услышанную им проповедь монаха-доминиканца Фра Джованни [25, с. 237]. Сам Франческо, более сдержанный, также изложил в одном из писем к супруге разговор со странствующим проповедником: «Я спросил его: „Почему вы не ведете себя как Апостолы Христовы, которые были готовы умереть, чтобы проповедовать истину? Почему вы не проповедуете флорентийцам о грехах города, особенно об убийствах, которые происходят ежедневно?“ Монах ответил мне, смеясь: „Потому что теперь мы больше исповедники, чем мученики“» [29, с. 297].

Подобные воззрения были свойственны деловым людям Позднего Средневековья, несмотря на рационалистические думы о доходах оставшимся ревностными христианами. Франческо, страдая и не считая себя добродетельным человеком, никогда не подвергал сомнению необходимость или эффективность этих религиозных обрядов. Его деловые контракты, как и его личные письма, начались и заканчивались благочестивой формулой «Во имя Господа»

(приписываемая ему фраза «Во имя Господа и прибыли» являет собой лишь интеллектуальный миф). На первых страницах его бухгалтерских книг были перечислены Десять заповедей; над входной дверью дома располагался лик Святого Христофора. В периоды поста он и его супруга постились так строго, что некоторые знакомые переставали их посещать по состоянию здоровья. Если Франческо приходилось работать в воскресенье, впоследствии он корил себя самым жестоким образом. Скептически относясь к священникам и монахам, он регулярно ходил на исповедь, слушал проповеди, а в периоды болезни призывал к постели пятерых францисканцев. Франческо щедрой рукой раздавал милостыни, регулярно платил десятину, строил святыни и часовни. Вряд ли нашелся бы богатый человек его времени, который не делал бы того же, а те немногие, кто не выполнял эти обязанности, считались нечестивцами. Многие из этих действий, конечно, имели ярко выраженный декларативный и умиловательный характер: так люди надеялись получить защиту в этой жизни и милосердие Божие в следующей [29, с. 292].

В годину невзгод данные воззрения побудили Франческо к участию в движении «Белых Кающихся» («Bianchi»). В августе 1399 г. Франческо, которому было уже около шестидесяти пяти лет, подобно сотням горожан самого разного возраста и достатка, облачился в робу из грубой белой ткани, накинул капюшон, препоясался веревкой и, взяв в руки зажженную свечу, босиком отправился в девятидневное пешее паломничество в Ареццо [15, с. 138], сопровождавшееся, впрочем, караваном со снедью и мягкими подушками [16, с. 220], что свидетельствует о сочетании в сознании Франческо и других богатых горожан духовного смирения с робкими попытками сохранить частицы мирских удобств. Описанное движение было вызвано особенно жестокой вспышкой чумы 1399-1401 гг. и страхами конца света в связи с завершением XIV столетия.

Партнер Датини Никколо Джунта так описывал покаянное шествие: «Здесь каждый день люди идут процессией. Всю неделю они не едят мяса. Каждое утро из страха перед смертностью читается месса, и каждый стоит в церкви со свечой столько времени, сколько требуется, чтобы отслужить мессу. Каждый просит Господа избавить нас от смертности. Господь сделает это, если так будет лучше для наших душ» [15, с. 138].

Только поддержка близких не позволила Датини потерять себя в приступах самобичевания. Наряду с супругой, духовную поддержку ему оказывал также ближайший друг, сир Лапо ди Мацей — юрист, нотариус и судья, получивший образование благодаря финансовой помощи Франческо [29, с. 193]. К сожалению, ни одно из писем, адресованных сиру Лапо, не дошло до нас. Однако письма, принадлежащие перу нотариуса, были сохранены Франческо с присущей ему щепетильностью. Ответы сира Лапо позволяют реконструировать общую картину взаимоотношений нотариуса и купца, явившихся благотворными для обоих. Так, обсуждение жуткого сновидения о стервятнике, терзавшем гниющую плоть Франческо, сопровождалось рассуждениями о жирных куропах, которых друзья намеревались съесть за бокалом красного Карминьяно [29, с. 207].

В письмах, полученных от сира Лапо, также раскрываются мотивы, побудившие Франческо к благотворительности. По причине болезни супруги он не имел законных детей, поэтому после некоторых размышлений прислушался к дружескому наставлению сира ди Мацеи: «Коротко говоря, я хочу, чтобы ты... пустил часть своего богатства на благотворительность в соответствии с его истинной стоимостью, то есть распоряжаясь им так, словно оно тебе не принадлежит... Я не прошу тебя стать священником или монахом, но я говорю тебе: наведи порядок в своей жизни...» [25, с. 13].

Приближение чумы, в письмах названной Франческо «Великой смертностью» («la morte grandissima»), также повлияло на принятие решения: «В Генуе было несколько кораблей, пришедших из Романии. В этой стране был мор и смертность великая, унесшая многих людей, и те, кто прибыл оттуда [преимущественно рабы. — А. Е., В. Е.], умирают на кораблях: так можно принести смерть и к себе домой» [24, с. 67].

Чума представлялась Франческо и его современникам жутким и таинственным явлением. Люди расходились во мнениях относительно того, как следует ей противостоять. Некоторые верили в чудесные снадобья, каковым, к примеру, считали белый и красный сандал («sandal bianchi e rossi»), который рекомендовалось нюхать для профилактики чумы. Сандаловой мазью также смазывали ноздри, чтобы избежать заражения через воздух. Однако большая часть горожан склонялась к неминувому бегству. Партнер Франческо Никколо Джунта призывал его скорее покинуть город: «Умоляю вас, не откладывайте. Сам воздух начинает удерживать заразу, дышать становится тяжелее, особенно в августе, когда наступает жара. Поэтому я от всего сердца умоляю вас бежать, иначе вы с вашей семьей будете заражены» [29, с. 293].

27 июня 1400 г., в преддверии бегства на север, в Болонью, Франческо подписал завещание, согласно которому все накопленные им денежные средства (72 039 флоринов, 9 сольдо и 4 денария), а также принадлежащее ему недвижимое имущество общей стоимостью 11 245 флоринов, после его смерти передавались основанному им Благотворительному фонду попечения бедных. Известно, что данный поступок не даровал Франческо прижизненного успокоения — последнее десятилетие его жизни также было омрачено приступами гнетущей тревоги и безысходного страха [15, с. 139].

Основанные им предприятия и доли в торговых компаниях были ликвидированы в течение пяти лет после его упокоения, однако на протяжении долгого времени на его имя продолжали поступать письма, которым суждено было остаться без ответа. Благотворительный фонд «Casa Pia dei Cerri» существует и поныне, помимо прочего, обеспечивая сохранность интеллектуального наследия его основателя. И по сей день в одной из комнат палаццо Датини под его портретом можно прочесть следующие строки: «Я Франческо ди Марко [фамилия Датини не использовалась современниками, его называли Франческо ди Марко ди Прато], который оставил жителей Прато своими наследниками, потому что я любил свой город больше всего на свете» [29, с. 215].

Выводы

Приведенные наблюдения позволяют охарактеризовать рефлексивные практики Франческо Датини как свойственные человеку переходного, лиминального периода. Многомерное, религиозно-символическое, иррациональное восприятие действительности средневековым человеком, стремящимся к праведности во спасение, в сознании Франческо обрело сочетание с рациональными началами, присущими занятым думами о доходах деловым людям, само возникновение которых обозначило предтечу Нового времени. Рефлексивный опыт Франческо Датини оказался весьма многомерным, отразившим всю катастрофичность пережитого им времени, неопределенность жизненной судьбы индивида и социальных групп в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени, в аксиологическом контексте отмеченную становлением культуры Возрождения. Проницательная рациональность, способность активного воздействия на казавшиеся непрогнозируемыми экономические процессы, соединялись в сознании купца из Прато с ярко выраженной судящей способностью совести, с неподдельным раскаянием; рассудочное понимание кратковременности отпущенного ему свыше времени, жадное стремление испытать все радости жизни, включая внебрачную любовь и рождение незаконных детей, сталкивались с иррациональным воздержанием, попытками умерщвления плоти в постах и аскезе. Эмоциональные сокрушения Датини достигли своего апогея незадолго до смерти, побудив завещать накопленное состояние бедным и неимущим родного города Прато.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануприенко И. А. Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV-XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Ануприенко. Ставрополь, 2006. 25 с.
2. Булаева М. Н. Флорентийская семья Датини в конце XIV — начале XV вв. / М. Н. Булаева // Новый век: история глазами молодых / под ред. А. В. Гладышева, С. А. Мезина. Саратов: Изд-во СГУ, 2016. Вып. 15. С. 35-40.
3. Гурская М. М. Отражение счета «капитал» в бухгалтерии индивидуальных предприятий и ранних компаний Ф. Датини в Пизе / М. М. Гурская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Экономика. 2015. Вып. 1 (155). С. 35-53.
4. Еманов А. Г. Великая пандемия середины XIV века как финал средневековой истории / А. Г. Еманов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2013. № 2. С. 49-55.
5. Карпов С. П. Рец. на кн.: Francesco di Marco Datini. L'uomo ed il mercante / a cura di G. Nigro. Firenze, 2010 / С. П. Карпов // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2010. Том 71. № 3-4. С. 424-425.
6. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII-XV веках / Л. А. Котельникова. М.: Наука, 1987. 256 с.

7. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: автореф. дис. ... докт. ист. наук / И. А. Краснова. Ставрополь, 1995. 45 с.
8. Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII-XIV в.: гранды и пополапы, «добрые» купцы и рыцари / И. А. Краснова. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
9. Кутер М. И. Бухгалтерский учет на переходе от первой компании Датины в Пизе ко второй / М. И. Кутер, М. М. Гурская, Е. С. Зинченко, М. А. Иванова // Международный бухгалтерский учет. 2011. Вып. 35 (185). С. 61-72.
10. Кутер М. И. Сколько бухгалтерских книг описал Лука Пачоли, и какие книги применяла компания Франческо Датины за 130 лет до трактата? / М. И. Кутер, М. М. Горская, А. М. Мусаэлян // Международный бухгалтерский учет. 2013. Том 24 (270). С. 56-64.
11. Ругенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века / В. И. Ругенбург. М.: Наука, 1951. 230 с.
12. Alighieri D. Divina Commedia / D. Alighieri. Roma: Newton Compton editori, 2014. 664 pp.
13. Biondi G. "Are mo grandissimo bisogno de..." The "robba" in the Letters from Margherita Datini to Husband Francesco (1384-1410) / G. Biondo // Nuova rivista storica. 2018. Vol. 102. No. 3. Pp. 863-903.
14. Boddice R. The History of Emotions / R. Boddice. Manchester: Manchester University Press, 2018. 248 pp.
15. Byrne J. P. The Black Death (Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World) / J. P. Byrne. Westport, Connecticut: Greenwood Publishing Group, 2004. 231 pp.
16. Byrne J. P. The Merchant as Penitent: Francesco di Marco Datini and the Bianchi Movement of 1399 / J. P. Byrne // Viator. 1989. No. 20. Pp. 219-232.
17. [Francesco Datini. Epistoli] // Archivio di Stato di Prato. F. Datini. URL: <http://datini.archiviodistato.prato.it/>
18. Francesco di Marco Datini. L'uomo il mercante / A cura di G. Nigro. Firenze: Fondazione istituto internazionale di storia economica F. Datini, 2010. 592 p.
19. Fried J. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage / J. Fried. München: Verlag C. H. Beck, 2009. 606 S.
20. Fried J. Kunst und Kommerz. Über das Zusammenwirken von Wissenschaft und Wirtschaft im Mittelalter vornehmlich am Beispiel der Kaufleute und Handelsmessen / J. Fried. München: Stiftung Historische Kolleg, 1993. 39 S.
21. Giagnocovo M. Consumption and eating habits of a merchant family from the Late Middle Ages. The table of Francesco Datini (1367-1374) / M. Giagnocovo // Nuova rivista storica. 2018. Vol. 102. No. 1. Pp. 229-264.
22. Heers J. La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grands financiers / J. Heers. Paris: Perrin, 2012. 316 pp.
23. Le Goff J. Le Moyen Age et l'argent. Essai d'anthropologie historique / J. Le Goff. Paris: Perrin, 2010. 221 pp.
24. Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385-1410 / a cura di Elena Cecchi; presentazione di Franco Cardini. Prato: Società pratese di storia patria, 1990. 329 pp.
25. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document / per cura di Cesare Guasti. Firenze: Successori Le Monnier, 1880. V. 1. 604 pp.
26. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document / per cura di Cesare Guasti. Prato: Cassa di risparmi e depositi di Prato, 1979. V. 2. 465 pp.

27. Nanni P. L'ultima impresa di Francesco Datini. Progettualità e realizzazione del «Ceppo pe' poveri di Cristo» / P. Nanni // *Reti Medievali Rivista*. 2016. Vol. 17. No. 1. Pp. 281-307.
28. Nanni P. The Merchant as a Rhetor: Francesco Datini and the Strength of the Holding Company / P. Nanni // *Studi storici*. 2020. Vol. 61. No. 1. Pp. 41-69.
29. Origo I. *The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City* / I. Origo. London: Penguin Books, 2017. 400 pp.
30. Ossowska M. *Moralność mieszczańska* / M. Ossowska. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1985. 391 s.
31. Plamper J. *The History of Emotions: an Introduction* / J. Plamper. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 pp.
32. Turner V. *Liminality, Kabbalah, and the Media* / V. Turner. Cambridge Massachusetts: Academic Press, 1985. 120 pp.

Alexander G. EMANOV¹
Vladislav A. EVSTIUNIN²

UDC 63.3

FRANCESCO DATINI IN EPISTOLARY REFLECTION

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Head of the Department of Archaeology, Ancient and Medieval History,
University of Tyumen
a.g.emanov@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2352-4363.

² Master's Student, Department of Archaeology, Ancient and Medieval History,
University of Tyumen
vinnetski@gmail.com

Abstract

The article attempts to reconstruct the mentality of the medieval burgher Francesco Datini (1335-1410) on the materials of his epistolary archive in order to study his inherent reflexive practices in the context of time and life circumstances.

The period of Datini's life (XIV-XV centuries) was marked by a number of cataclysms, among which the Great Plague Pandemic of the middle of the XIV century seems to be the most global phenomenon. People of the "Old World" who survived these shocks felt irreversible social and mental changes. Their habitual way of life seemed to go into an irrevocable past, the established group and individual identity was destroyed. At the same time, a new model of life behavior and identity has not yet taken shape.

As a methodological basis for the research undertaken, we chose the methods of emotive history, which allowed us to concentrate research efforts on emotions and value orientations, as well as the theory of liminality, which focuses on studying the states impact of uncertainty on groups of people and individuals.

Datini's correspondence was divided into two parts, official — with his business partners and private — with his foster mother Monna Piera di Pratese Boschetti, his wife Monna Margarita and his closest friend, notary and judge, Ser Lapo di Macei. In business correspondence, Francesco Datini appears to be occupied exclusively with thoughts on income, prone to

---

Citation: Emanov A. G., Evstiunin V. A. 2021. "Francesco Datini in Epistolary Reflection". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 144-158.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-144-158

---

maxims and evil irony. In private correspondence, the religious motivation of his actions, emotions, doubts, fears and fears are revealed, which were reinforced by the eschatological expectations of the transitional period.

These observations made it possible to characterize the reflexive practices of Francesco Datini as liminal. Datini's reflexive experience turned out to be very multidimensional, reflecting the catastrophic nature of the time he lived through, which prompted him in the last years of his life to turn to charity, long fasts and asceticism.

Keywords

Medieval burgher, mentality, Francesco Datini, liminality, epistolary, thoughts on income, reflection, eschatology, religiosity, charity.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-144-158

REFERENCES

1. Anuprienko I. A. 2006. "Women in the Ordinary Perception of Representatives of the Italian Urban Environment of the XIV-XV centuries". Cand. Sci. (Hist.) diss. Stavropol, 25 pp. [In Russian]
2. Bulaeva M. N. 2016. "The Florentine Family of Datini in the 14th-15th Centuries". New Age: the history as seen by young. Edited by A.V. Gladysheva, S. A. Mesina. Saratov: Isdatel'stvo SGU, vol. 15, pp. 35-40. [In Russian]
3. Gurskaja M. M. 2015. "The reflect of the account "capital" in accounting of Datini's individual enterprises and early companies in Pisa". Adyghe State University Herald. The Series: Economics, vol. 1 (155), pp. 35-53. [In Russian]
4. Emanov A. G. 2013. "The Great Pandemic of the Middle of the 14th Century as the Finale of Medieval History". Tyumen State University Herald. The Series: Humanities, No. 2, pp. 49-55. [In Russian]
5. Karpov S. P. 2010. "Review: Francesco di Marco Datini. L'uomo ed il mercante. A cura di G. Nigro". Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History. Firenze, vol. 71 (3-4), pp. 424-425. [In Russian]
6. Kotelnikova L. A. 1987. Feudalism and the City in Italy in the VIII-XV Centuries. Moscow: Nauka, 256 pp. [In Russian]
7. Krasnova I. A. 1995. "Business People of Florence XIV-XV: Activities, Lifestyle and Routine Consciousness". Cand. Sci. (Hist.) diss. Stavropol, 45 pp. [in Russian]
8. Krasnova I. A. 2018. The Florentine Society in the Second Half of the XIII-XIV Centuries: the Nobility and Common People, "Good" Merchants and Knights. Moscow: Center for humanitarian initiatives, 494 pp. [In Russian]
9. Kuter M. I., Gurskaya M. M., Zinchenko E. S., Ivanova M. A. 2011. "The Accounting on the Transition from Datini's first Company in Pisa to second". The International Accounting, vol. 35 (185), pp. 61-72. [In Russian]
10. Kuter M. I., Gorskaya M. M., Musaelyan A. M. 2013. "How many Accounting Books described Luca Paccioli, and what Books used Francesco Datini's Company in 130 Years until Treatise". The International Accounting, vol. 24 (270), pp. 56-64. [In Russian]

11. Rutenburg V. I. 1951. Essay on the History of Early Capitalism in Italy. Florentine Companies of the XIV Century. Moscow: Nauka, 230 pp. [In Russian]
12. Alighieri D. 2014. Divina Commedia. Roma: Newton Compton editori, 664 pp.
13. Byrne J. P. 2004. The Black Death (Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World). Westport, Connecticut: Greenwood Publishing Group, 231 pp.
14. Byrne J. P. 1989. "The Merchant as Penitent: Francesco di Marco Datini and the Bianchi Movement of 1399". *Viator*. № 20, pp. 219-232.
15. Biondi G. 2018. "«Aremo grandissimo bisogno de...». The «robba» in the Letters from Margerita Datini to Husband Francesco (1384-1410)". *Nuova rivista storica*, vol. 102, n. 3, pp. 863-903.
16. Boddice R. 2018. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 248 pp.
17. Archivio di Stato di Prato. Francesco Datini. Epistoli. <http://datini.archiviodistato.prato.it/>
18. Francesco di Marco Datini. 2010. L'uomo il mercante. A cura di G. Nigro. Firenze: Fondazione istituto internazionale di storia economica F. Datini, 592 pp.
19. Fried J. 2009. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage. München: Verlag C.H. Beck, 606 pp.
20. Fried J. 1993. Kunst und Kommerz. Über das Zusammenwirken von Wissenschaft und Wirtschaft im Mittelalter vornehmlich am Beispiel der Kaufleute und Handelsmessen. München: Stiftung Historische Kolleg, 39 pp.
21. Giagnocovo M. 2018. "Consumption and eating Habits of a Merchant Family from the Late Middle Ages. The Table of Francesco Datini (1367-1374)". *Nuova rivista storica*, vol. 102, n. 1, pp. 229-264.
22. Heers J. 2012. La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grands financiers. Paris: Perrin, 316 pp.
23. Le Goff J. 2010. Le Moyen Age et l'argent. Essai d'anthropologie historique. Paris: Perrin, 221 pp.
24. Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385-1410. A cura di Elena Cecchi; presentazione di Franco Cardini. Prato: Società pratese di storia patria, 1990, 329 pp.
25. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document. Per cura di Cesare Guasti. Firenze: Successori Le Monnier, 1880. Vol. 1, 604 pp.
26. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document. Per cura di Cesare Guasti. Prato: Cassa di risparmi e depositi di Prato, 1979. Vol. 2, 465 pp.
27. Nanni P. 2016. "L'ultima impresa di Francesco Datini. Progettualità e realizzazione del «Ceppo pe' poveri di Cristo»". *Reti Medievali Rivista*, vol. 17, n. 1, pp. 281-307.
28. Nanni P. 2020. "The Merchant as a Rhetor: Francesco Datini and the Strength of the Holding Company". *Studi storici*, vol. 61, n. 1, pp. 41-69.
29. Origo I. 2017. The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City. London: Penguin Books, 400 pp.
30. Ossowska M. 1985. Moralność mieszczańska. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 391 pp.
31. Plamper J. 2015. The history of emotions: an introduction. Oxford: Oxford University Press, 352 pp.
32. Turner V. 1985. Liminality, Kabbalah, and the Media. Cambridge Massachusetts: Academic Press, 120 pp.

Джек РЭЙДИ¹
Чарльз ШАРП²
Елена Георгиевна БРУНОВА³

УДК 935

**ДАЛЬШЕ НИ ШАГУ: СРАЖЕНИЕ ЗА НАРО-ФОМИНСК
20-31 ОКТЯБРЯ И 1-3 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ***

¹ военный историк (Юджин, Орегон, США)
radey.zhukov.jack@gmail.com

² военный историк (Юниверсити Плейс, Вашингтон, США)
ccsfort@earthlink.net

³ доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка, военный историк,
Тюменский государственный университет
egbrunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8493-5932

Аннотация

Данное исследование является частью более крупного проекта. Двое из авторов (Джек Рэйди и Чарльз Шарп) пишут книгу о боях к западу от Москвы с 9 по 31 октября 1941 г. Нашей целью является выяснить, почему немецкое наступление на Москву остановилось в конце октября.

Англоязычных исследований, которые бы дали убедительный ответ на этот вопрос, нет. Наш подход заключается в оперативно-тактическом анализе, основанном на широком

---

* Продолжение. Начало см. Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 113-164.
DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

Цитирование: Рэйди Д. Дальше ни шагу: сражение за Наро-Фоминск 20-31 октября и 1-3 декабря 1941 года. Часть вторая / Д. Рэйди, Ч. Шарп, Е. Г. Брунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 159-200.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-159-200

использовании первоисточников из советских и немецких архивов, а также мемуаров и источников второго порядка — книг и статей по истории на различных языках. Мы обнаружили, что многие документы противоречат друг другу или упускают важную информацию, иногда умышленно, иногда ввиду отсутствия точных данных.

Методология нашего исследования основана на критическом сопоставлении источников, чтобы выяснить, что произошло на самом деле. Это серьезное испытание, но мы уверены, что наш анализ проясняет данные из архивных документов. Мы считаем, что исход данных боев определили несколько факторов, самыми существенными из которых были следующие: некомпетентное планирование и плохая логистика, а также отсутствие четких и достижимых целей немцев, с одной стороны, и эффективная оборона советских войск — с другой.

Это исследование было проведено, чтобы прояснить наше понимание сражения за Наро-Фоминск и показать, как все эти факторы отражаются в нем как микрокосме.

В данном номере представлена вторая часть исследования.

Ключевые слова

Отечественная история, Великая Отечественная война, битва за Москву, сражение за Наро-Фоминск, 33-я Армия, 1-я гвардейская мотострелковая дивизия, 258-я пехотная дивизия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-159-200

22 октября 1941 г. — сплошной кошмар

Рассвет 22 октября 1941 г. предвещал улучшение погоды. Было еще холодно, но сквозь облака начало пробиваться солнце [40]¹. Казалось, что утро сулит надежду на поворот фортуны. Советские войска начали свое наступление с двухчасовой артподготовки в 6:00 утра [7, с. 37]. К 7:30² стало ясно, что 33-я Армия получила подкрепление — 5-й дивизион 7-го Гвардейского минометного полка и 2-й дивизион 13-го Гвардейского минометного полка в течение ночи выдвинулись на свои позиции. У них, вооруженных гвардейскими реактивными минометами 82 мм и 132 мм соответственно, был хороший боезапас. В 7:30 они произвели четыре залпа, нанеся потери немецкой пехоте — 3-му батальону 478-го пехотного полка на северной опушке леса в 2 км к северо-западу от Наро-Фоминска [15, л. 50].

Генерал-майор Карл Пфлаум (рис. 1), прибывший в Митяево предыдущим днем, официально вступил в командование 258-й пехотной дивизией в 9:50 утра. Первые новости, которые он услышал, были не очень приятными. В 9:30 в штаб дивизии поступило донесение от 3-го батальона 458-го пехотного полка о том,

¹ Описание погоды за 22 октября 1941 г.

² Для синхронизации событий здесь и далее указывается московское время. В названиях немецких источников указывается время как в документе (берлинское время — минус один час от московского).

что его атаковали на плацдарме у Турейки. Сообщалось, что атака осуществлялась с танковой поддержкой, и что был ранен командир батальона. Атака была отбита, но с большим трудом. Штаб корпуса генерала Адольфа-Фридриха Кунцена предупредил штаб дивизии, что авианалет откладывается ввиду плохой видимости до 9:45-10:00. В то же время соседи с юга сообщали, что 8-й пехотный полк 3-й моторизованной пехотной дивизии переправился через Нару и оборудовал плацдарм у Слизнево, сопротивления ему оказано не было [40]¹.

Рис. 1. Генерал-майор Карл Пфлаум (1890-1957). В октябре 1941 г. — командир 258-й пехотной дивизии

Fig. 1. Major General Carl Pflaum (1890-1957), the commander of the 258th Infantry Division in October 1941

У 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии полковника А. И. Лизюкова² (рис. 2) тем утром были, в основном, хорошие новости для доклада. 175-й мотострелковый полк перешел в наступление двумя батальонами. 1-й стрелковый батальон достиг опушки леса 1 км юго-западнее высоты 201.8, где он был остановлен сильным огнем немецкой пехоты и артиллерии из района высоты 202.0. 3-й стрелковый батальон полка достиг железнодорожной станции Разъезд 75-й километр³, но также попал под пулеметный и артиллерийский огонь в районе Котово. Тем временем 2-й стрелковый батальон сосредотачивался на западной окраине Наро-Фоминска, а одна пулеметная рота и один стрелковый

---

¹ Записи от 01:00-10:20 22 октября 1941 г.

² Здесь и далее воинские звания военачальников указываются на момент описываемых событий.

³ Название указывает на расстояние до центра Москвы. Ныне — ст. Латышская.

взвод были направлены к Городищу, маленькой деревне к северу от Наро-Фоминска на восточном берегу Нары. Им было приказано защищать дорогу на Кубинку. Шесть 45 мм орудий 600-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка поддерживали 2-й батальон, однако полк не входил в состав 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, будучи приданным 33-й Армии. 989-й легкий арtpолк также развернул свои противотанковые установки (восемь 85 мм орудий в составе двух батарей к востоку от Нары и восемь 37 мм орудий в составе двух батарей на западном берегу). Вскоре это приведет к трагическим последствиям [7, с. 37; 22, л. 6 (50)-7 (51); 23]¹.

Рис. 2. Полковник Александр Ильич Лизюков (1900-1942)². В октябре 1941 г. — командир 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии.

Источник: Фото с сайта «Память народа» (www.pamyat-naroda.ru)

Fig. 2. Colonel Alexander Ilyich Lizyukov (1900-1942), the commander of the 1st Guards Motorized Rifle Division in October 1941

Source: the picture taken from the “Pamyat naroda” website (www.pamyat-naroda.ru)

Как мы указывали ранее, танки 5-й танковой бригады не были задействованы в контрнаступлении, не считая двух танков БТ-7, поддерживавших отряд майора Н. А. Беззубова и трех танков Т-34, поддерживавших 175-й мотострелковый полк. Три танка Т-34 и четыре танка БТ-7 располагались к югу от Ново-Федоровки, прикрывая Гвардейский минометный батальон бригады, который вел там бой.

¹ В записях из Журнала боевых действий 33-й Армии за 22 октября 1941 г. [22, л. 6 (50)-7 (51), а также у Б. Невзорова [7, с. 37] приводятся крайне некорректные данные. Точное описание событий дано в [23]. В источниках здесь и далее указывается в скобках рукописный номер листа.

² Александр Ильич Лизюков погиб в бою 25 июля 1942 г.

Остальные танки бригады, включая 5 КВ, 6 Т-34 и 5 Т-26, были укрыты в лесу между Ново-Федоровкой и Александровкой на хороших позициях, позволяющих отразить угрозу дороге на Кубинку, или попытку захвата Наро-Фоминска, или немецкое наступление на юге по восточному берегу реки [34, л. 81-82].

Обычно присутствие на переднем крае даже танкеток или бронемашин, не говоря уже о танках, вызывало обеспокоенность у обеих сторон. Однако ни присутствие трех танков Т-34, поддерживавших 175-й мотострелковый полк, ни само контрнаступление (артподготовка и действия пехоты) не нашли отражения в записях 478-го пехотного полка. Есть существенные основания полагать, что немцы отошли немного назад от позиций, занятых в результате своего наступления предыдущим днем, и небольшие потери, о которых доносили советские части, частично объясняются тем, что их удар главным образом обрушился на передовые наблюдательные пункты или вообще в пустоту, поскольку 478-й пехотный полк, по-видимому, не оказал особого сопротивления утреннему прорыву. Самое серьезное боестолкновение произошло в районе Елагино между 3-м батальоном 6-го мотострелкового полка и 2-м батальоном 479-го пехотного полка. Советская сторона донесла об этой перестрелке в 9:40, однако поскольку было сообщено всего о трех раненых, вряд ли это можно назвать боем [24]¹.

Затем в 11:05 генерал-майор Пфлаум получил донесение от подполковника Ассмана, что майор Валковиц находится на позициях в районе Александровки. Однако у подполковника Ассмана не было связи с батальоном майора Валковица, который скрылся за деревьями в лесу к востоку от Нары в 7:30 утра. Суть донесения Ассмана заключалась в том, что его 3-й батальон ДОЛЖЕН быть в этой точке. На самом деле он еще не прибыл на позицию, отчасти потому что нельзя сказать, что батальон передвигался налегке. С ним было по взводу из противотанковой и артиллерийской батарей полка (три-четыре 37 мм противотанковых орудия и две пехотные гаубицы, все на конной тяге). У пулеметной роты батальона были с собой 81 мм минометы и станковые пулеметы, а также боеприпасы к ним, погруженные на телеги (*Panje*) [40²; 42, S. 20-21].

Но это еще не всё. Очевидно, когда немцы заняли Атепцево днем ранее, они захватили или соорудили переправу, способную выдержать нагрузку в 3 т. Одна 105 мм гаубица была выделена из артдивизиона, который располагался в Котово, и переправлена через Нару. Она была придана майору Ассману, были выделены редкие для того времени скорострельные боезаряды [40; 42, S. 20-21]. Это было единственное орудие, которое давало немецкой пехоте шанс на случай встречи с танками КВ или Т-34. Возможно, дивизия еще не видела донесение соседней 7-й пехотной дивизии о том, как 3-й дивизион их артполка вел бой с шестью танками Т-34 с расстояния 300 м. Результаты были неутешительными для немцев, бой закончился со счетом 2:7 — семь гаубиц были повреждены слева от щита, прицелы разрушены, в то время как подбиты были всего два танка. Позднее эти два танка использовали для испытания различных артиллерийских орудий,

¹ Время не указано, по-видимому, донесение составлено в конце дня.

² Запись от 10:05 22 октября 1941 г.

результат которого был также удручающим [38]¹. Тем не менее, эта глыба металла в 2,5 т была единственной «страховкой» немцев на случай встречи со средними или тяжелыми танками.

У майора Валковица была трофейная карта; используя ее, он направил свой батальон сначала на северо-восток от Атепцево, срезая путь через лес, за ним следовали орудия и транспорт. Просеки в лесу давали некоторую возможность двигаться быстрее, но ненадолго. Колонна с техникой, в том числе гаубица, всё сильнее отставала от передовой части батальона. Затем колонна вышла на грунтовую дорогу, и показалось, что удастся двигаться быстрее. Однако вскоре они обнаружили, что ширина дороги позволяет проехать телегам с противотанковыми орудиями и боеприпасами, но не колесной паре в 105 мм, которая начала соскальзывать с грязной дороги то в одну, то в другую сторону. Валковиц решил, что будет важнее быстро достичь пункта назначения и приказал небольшой группе счастливчиков из пехоты охранять гаубицу, оставшуюся на обочине.

Вскоре колонна наткнулась на группу советских бойцов примерно в 30 человек. Немцы заявили о 12 пленных и продолжили движение. Они вышли на перекресток с грунтовой дорогой Афанасовка-Савеловка и опять натолкнулись на советский аванпост. Они могли слышать канонаду советских артиллерийских батарей по обеим сторонам леса, а также зенитных батарей, ведущих огонь по немецким самолетам. Через 1,2 км просека сворачивала на северо-запад, к их пункту назначения. Еще через 2 км эта «дорога» пересекала реку Березовку, что привело к еще большей задержке, потому что им пришлось немного выровнять берег реки, чтобы могли проехать орудия и транспорт. Валковиц приказал 10-й роте пройти вперед по шоссе и оседлать его, что и было выполнено к 12:15 [42, S. 21].

Валковиц не знал, что он уверенно идет маршем на восток через фронт 6-го мотострелкового полка, который продвигался с юга, от Горчухино и Атепцево. Теперь он был глубоко в тылу 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, хотя, конечно, это означало и то, что он сам отрезан от своих войск. Постепенно каждая из сторон начинала получать информацию о противнике, и это означало проблему для Валковица. Другой проблемой его батальона было то, что он оседлал не то шоссе. По недостроенному Киевскому шоссе было некоторое движение, однако основная дорога, по которой шло снабжение советских войск, обороняющих Наро-Фоминск, была еще дальше — 1 км на северо-запад. Она шла параллельно Киевскому шоссе, ближе к железной дороге. 10-й роте удалось подбить несколько советских грузовиков, следовавших из Наро-Фоминска по Киевскому шоссе. После этого появилась советская бронемашина, и началась дуэль с немецкими пулеметчиками. Затем с северо-востока начал подходить другой советский транспорт. Валковиц направил 9-ю роту прикрывать переправу через Березовку (свой запасный выход), а 11-й роте приказал помогать толкать транспорт. Когда давление с северо-востока стало нарастать, 9-й роте было приказано

¹ Донесение № 588/41 от 20 октября 1941 г. и донесение от 302-го Высшего артиллерийского командования № 598/41 от 1 ноября 1941 г. В этих двух донесениях приводятся подробности дуэли между 105 мм гаубицами и танками Т-34.

развернуться фронтом в этом направлении [42, S. 21]. Обстановка накалялась. В 2 км юго-восточнее Пожитково отряд из 9-й роты (примерно 20 человек) столкнулся с разведгруппой 5-й танковой бригады, один немецкий солдат был убит, двое попали в плен, остальные отступили [34, л. 81-82]¹.

Становилось всё горячее. Майор Валковиц всё больше ощущал, что он засунул свою голову в пасть русского медведя. В какой-то момент верхом на взмыленной лошади прибыл лейтенант Райхарт, командир разведывательного взвода полка с устным приказанием. Подполковник Ассман приказывал Валковицу оставить шоссе и немедленно вернуться в расположение полка, очевидно подразумеваемая — в Атепцево [42, S. 21]². Ассмана беспокоило, что его 1-й батальон выводится оттуда, в результате чего 3-й батальон остается на острие очень узкого выступа. Чтобы догнать Валковица к середине дня, Райхарт, по-видимому, выехал несколькими часами ранее, примерно в то время, когда Ассман рапортовал о том, что его 1-й батальон атакован и возвращается в Атепцево. Как только Райхарт передал приказ майору Валковицу, он был убит пулей в сердце. Если бы он погиб несколькими минутами ранее, возможно, батальон вообще не получил бы этого приказа [42, S. 21].

Тем временем советская разведка нащупала оба фланга 3-го батальона, и в 13:15 советская артиллерия открыла огонь по его позициям. Медведь сжимал зубы. Валковиц дал приказ на отход, впереди противотанковые орудия и пехотные пушки, замыкает 11-я рота. Во время отступления они натолкнулись на советских разведчиков, шедших по направлению от Александровки; возможно, это были бойцы 2-го батальона 6-го мотострелкового полка. Немцы отбросили их пулеметным огнем, однако лейтенант Айлеманн (Eilemann), командир 10-й роты, и лейтенант Вебер, командир 12-й (пулеметной) роты, были тяжело ранены. По-видимому, при выходе немцев из боя возникла паника, потому что при переправе через Березовку понадобилось «приводить подразделение в порядок». Раненым была оказана первая помощь, и колонна двинулась дальше по своим следам, проложенным утром; 10-я рота впереди, 11-я — замыкает. На обратном пути немцев беспокоили мелкие группы советских войск, однако к заходу солнца они дошли до Атепцево, не получив особого сопротивления. Валковиц провозгласил «победу» — подбиты 1 трактор, 21 грузовик и 3 автомобиля, его потери составили 8 человек убитыми и 11 ранеными. Примечательно, что он не упомянул о двоих своих солдатах, попавших в плен. Он также не упомянул, что его батальон не остановился в Атепцево, а отошел дальше — за Нару [42, S. 21]³.

---

¹ В советском источнике немецкий отряд назван десантной группой.

² Пфланц приводит слова майора Валковица, который утверждает, что приказ был передан в 12:15, т. е. в тот момент, когда его передовой отряд, как он считал, достиг пункта назначения. Однако поскольку указывается, что Валковиц не реагировал на это срочное приказание до 14:00, а также имея в виду, что в ряде других случаев воспоминания Валковица о времени суток расходятся с записями в Журнале боевых действий дивизии, мы полагаем, что это произошло скорее в 13:15, чем в 12:15.

³ См. также [40], запись от 17:00 22 октября 1941 г.

В Журнале боевых действий 258-й пехотной дивизии по поводу этих событий — полная неразбериха. В 18:00 сообщается следующее:

«3-й батальон 479 пехотного полка, в задачу которого входило оседлать шоссе в районе Александровки, был вынужден отойти на западный берег [реки Нары — прим. Дж. Р.] после того, как он достиг шоссе, ввиду невероятных дорожных условий и особенностей местности, которые не позволили транспортировать тяжелые орудия. Кроме того, противник получил подкрепление в точке прорыва, поэтому оставлять 3-й батальон на данной позиции было нецелесообразно» [40]¹.

Однако в 00:30 указано следующее:

«Командир 479-го пехотного полка прибыл в штаб дивизии и доложил обстановку в своем полку. Он был вынужден отвести свой 3-й батальон, который, согласно донесению, почти добрался до шоссе (Rollbahn) к востоку от Наро-Фоминска ввиду необходимости помощи 2-му батальону, находящемуся в отчаянном положении. Фактически, к сожалению, это ничего не изменило. Гораздо больший успех мог бы быть обеспечен, если бы... да, если бы...» [40]².

Мы никогда не узнаем, какие «если бы» имел в виду автор этих строк. Действительно, *гораздо больший успех мог бы быть обеспечен*, но только не для немцев. Валковиц, а также командование его полка и дивизии, блаженно не подозревали, что Валковиц занял позицию в 250 м к северо-востоку от танков 5-й танковой бригады, находящихся в резерве. Если бы им разрешили продолжить движение, никто никогда не услышал бы о 3-м батальоне 479-го пехотного полка. Эти строки «гораздо больший успех мог бы быть обеспечен, если бы...» можно в равной степени применить и к операции «Барбаросса», и к операции «Тайфун». *Если бы да кабы...* Если бы Красная Армия поджала хвост и прикинулась мертвой, если бы советское государство развалилось на радость своему противнику, если бы климатические и географические особенности в СССР были такими же как в Германии... (кажется, немцы на самом деле думали, что так и будет).

Если почитать немецкие документы, то получается, что немцы никогда не отступали, они только *были вынуждены отходить*. Однако когда 3-й батальон 479-го пехотного полка совершал свою Одиссею через лес, из остальных подразделений полка приходили «тревожные донесения». В 11:20, всего через 15 минут после того, как подполковник Ассман доложил в штаб дивизии, что согласно плану 3-й батальон 479-го пехотного полка должен быть в Александровке, 1-й батальон 479-го пехотного полка доложил, что находится под сильным огнем противника, который окружает его в Горчухино с востока. Батальон сообщил, что он отходит в Атепцево [40]³. Эта атака была

¹ Запись от 18:00 22 октября 1941 г.

² Запись от 23:30 22 октября 1941 г.

³ Запись от 10:20 22 октября 1941 г.

совершена всего одним советским батальоном — 1-м батальоном 6-го мотострелкового полка, атаковавшего на юг. Но т. к. немецкие батальоны в октябре 1941 г. насчитывали в лучшем случае около 300 человек личного состава, а 1-й батальон 6-го мотострелкового полка, вероятно, привез с собой более 600 человек, у немцев была причина для тревоги. В 10:00 советский мотострелковый полк докладывал, что общие потери полка составили только 3 человека ранеными [23].

Через 15 минут сообщили еще об одной неприятности. 458-й пехотный полк доложил об очередной атаке в районе Турейки, где бой был настолько ожесточенным, что 3-му батальону удалось удержаться на позициях только после того, как под ружье поставили тыловые подразделения полка (шоферов, поваров, военную полицию и штабных работников). Другая атака выбила немцев с их плацдарма в Таширово и, очевидно, заставила 1-й батальон 458-го пехотного полка отойти от самой деревни, потому что они докладывали, что советские войска взорвали там мост [40]¹. Поскольку предыдущим вечером немцы удерживали оба конца моста, и можно предположить, что они убрали всю взрывчатку и провода для нее, то русским пришлось отбить оба конца моста, чтобы подготовить его подрыв. Вероятно, это было исполнено 1287-м полком майора Якова Борисовича Присяжнюка², в то время как отряд майора Н. А. Беззубова (рис. 3) вел бой в Турейке. Было бы целесообразно отправить два танка БТ в Таширово, где имелись расчищенные площадки в несколько сотен метров по обоим берегам реки, тогда как в районе Турейки лес подступал к самой реке. Однако немцы сообщали о русских танках у Турейки, а из советских документов следует, что танки были направлены майору Н. А. Беззубову, поэтому остается загадкой, как именно они были использованы [34, л. 81].

Штаб 458-го пехотного полка располагался в деревне Алексеевке (3 км строго на запад от Наро-Фоминска). Там же находилась одна гаубичная батарея 1-го дивизиона 258-го артполка для поддержки пехоты. Проблема была в том, что Алексеевка находилась в брешу между 458-м пехотным полком (1-й батальон в Таширово, 3-й батальон — в Турейке, а 2-й батальон — в 5 км к западу от Алексеевки, прикрывая левый фланг дивизии) и 478-м пехотным полком, располагавшимся к югу от Наро-Фоминска. Эта батарея из трех пушек была захвачена противником во время утренней атаки — возможно, это был 2-й батальон 175-го мотострелкового полка. Атаку удалось отбить огнем прямой наводкой из гаубицы, затем пехота (возможно, 2-й батальон 458-го пехотного полка) отбила саму батарею [41, S. 137-138]³.

---

¹ Запись от 10:35 22 октября 1941 г.

² Майор Яков Борисович Присяжнюк пропал без вести в декабре 1941 г.

³ Приводятся два длинных фрагмента из солдатского дневника, а также боевое донесение, составленное в конце месяца. Кажется, что и то, и другое относится к одним и тем же событиям 21 октября 1941 г., но это не соответствует дислокации частей и боевым действиям 21 октября. По-видимому, данный бой произошел 22 октября 1941 г. См также [40], записи от 07:30 и 10:35 22 октября 1941 г.

Рис. 3. Майор Николай Александрович Беззубов (1902-1943)¹. В октябре 1941 г. — командир особого отряда 33-й Армии

Источник: Фото с портала «Дорога памяти» (www.foto.pamyat-naroda.ru)

Fig. 3. Major Nikolay Alexandrovich Bezzubov (1902-1943), the commander of the Special Group of the 33rd Army in October 1941

Source: the picture taken from the “Doroga pamyati” website (www.foto.pamyat-naroda.ru)

Штаб 258-й пехотной дивизии получал тревожные сообщения всё утро, трудно сказать, какие еще сообщения приходили. После официального вступления в командование дивизией в 9:50 (отметим, что дивизия начала наступление в 8:30), генерал-майор Пфлаум приказал передислоцировать свой штаб из Митяево в Котово. Переезд занял бóльшую часть дня, и, вероятно, было трудно получать регулярные доклады о текущей обстановке, находясь в пути на восток по грязным дорогам. Они добрались до Котово только к 17:00 [40]².

¹ Полковник Николай Александрович Беззубов умер от ран 21 июля 1943 г.

² Запись от 17:00 22 октября 1941 г.

Вдобавок ко всему полковник фон Арним, временно исполнявший обязанности командира дивизии до прибытия Пфлаума, вероятно, тоже был в пути на восток — чтобы вновь принять командование своим 479-м пехотным полком. Как только он прибыл на место, он освободил подполковника Ассмана от временного исполнения обязанностей командира полка и направил его на место прежней службы — командира 1-го батальона полка. Вряд ли какие-либо учебники по военному делу рекомендуют дивизии идти в наступление при смене командования, а также когда штаб дивизии находится в пути. Можно предположить, что ни фон Арним, планировавший операцию, ни Пфлаум не ожидали серьезного сопротивления. Их действия имеют смысл, только если они считали, что преследуют сломленного противника. Эта сильно рассредоточенная дивизия без хорошей связи между своими частями в течение большей части дня находилась в очень рискованном положении и до самого вечера об этом не подозревала.

Штаб генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова был атакован двухмоторными бомбардировщиками еще до утреннего авианалета. К 11:00 штаб также был в пути, из Ново-Федоровки в деревню Кузнецово, находящуюся в 15 км к юго-востоку от Наро-Фоминска. Сам М. Г. Ефремов остался в Наро-Фоминске, но без штаба его способность влиять на обстановку ограничивалась слышимостью его голоса [17, л. 114]. Так или иначе, командование ни одной из сторон не имело возможности существенно воздействовать на события, которые вот-вот наступят. С генералами не было связи, и важные решения пришлось принимать полковникам, майорам, капитанам и лейтенантам.

Начало наступления 478-го пехотного полка откладывалось; во-первых, приходилось отражать атаки 175-го мотострелкового полка, а во-вторых, ждали авианалета. Наконец, к 11:35 послышался звук подлетающих Ю-87, и в скором времени на высоту 201.8, на расположенные там укрепления, а также на южную окраину Наро-Фоминска обрушились бомбы. Другие бомбардировщики утюжили город к востоку от реки и Ново-Федоровку. Впрочем, не обошлось без потерь для немецкой авиации, поскольку работали более шестнадцати 37 мм зенитных орудий, а также счетверенные зенитные установки к востоку от реки, сконцентрированные вокруг советских штабов и артиллерии. Было заявлено, что два Ю-87 подбиты, а еще два самолета получили серьезные повреждения. В последнем случае самолеты описаны как двухмоторные, возможно, это были Ю-88 [40¹; 34, л. 81-82].

Однако надежды генерал-майора Пфлаума на авианалет оправдались: сопротивление 175-го мотострелкового полка ослабло, и 478-й пехотный полк начал продвигаться к окраине города [40]². Это было нелегко ввиду возможного численного преимущества советских войск, а также преимущества защитников укрепленного города. Но с другой стороны, у немцев было некоторое

---

¹ Запись от 10:35 22 октября 1941 г.

² Записи от 10:35 и 11:55 22 октября 1941 г.

преимущество в огневой мощи и тактическом опыте. В 11:36 478-й пехотный полк попросил 2-й батальон 479-го пехотного полка продвинуться на север, чтобы прикрыть правый фланг¹, и к 12:55 3-й батальон 478-го пехотного полка пробился к первым зданиям Наро-Фоминска. Сначала они рапортовали: «Наступление идет успешно» — однако через час сообщили, что их контратакуют. Хотя 175-й мотострелковый полк состоял в основном из только что мобилизованных рабочих, которым не хватало опыта и подготовленности, храбрости и стойкости у них было достаточно [40]².

Исход боевых действий за этот день определяют два события. Командир 458-го пехотного полка на северном фланге дивизии в 12:07 сообщил радостную новость: ситуация на плацдарме у Турейки улучшилась, что позволило инженерно-саперному взводу полка приступить к сооружению штурмового моста, хотя через час было отправлено донесение об очередной танковой атаке противника. Очевидно, такое впечатление произвело появление двух танков БТ-7. Невзирая на тот натиск, которому подвергался полк, в 13:55 командир 458-го пехотного полка доложил, что он отправляет свой 1-й батальон [40]³, который был потрепан в Таширово, маршем на юго-запад, чтобы ударить по Наро-Фоминску с севера и северо-запада, где «478-й пехотный полк застрял в уличных боях». Части 2-го батальона 458-го пехотного полка начали

¹ Запись от 11:10 (по берлинскому времени) 22 октября 1941 г. Эта запись указывает, что подполковник Ассман направил штабу дивизии странное донесение, сообщающее, что его 2-й батальон «проник в военный городок в Наро-Фоминске около 11:00». В это время 2-й батальон 479-го пехотного полка все еще находился в районе Елагино, будучи вытесненным туда под натиском 3-го батальона 6-го мотострелкового полка. Военный городок находился в районе высоты 201.8, к юго-западу от города. Чтобы добраться туда, 2-му батальону 479-го пехотного полка пришлось бы продвинуться на северо-запад, перед всем фронтом 478-го пехотного полка и оказаться на укреплениях, которые бомбили Юнкерсы спустя полтора часа. Тот факт, что в 12:36 478-й пехотный полк попросил 479-й пехотный полк выдвинуться справа, предполагает, что утверждение Ассмана о том, что в 11:00 его батальон находился впереди 478-го полка, является ложью. У Ассмана, находившегося в Горчухино или отступающего оттуда, просто не было связи со 2-м батальоном.

² Запись от 11:55 22 октября 1941 г.

³ Согласно записи от 12:35 (по берлинскому времени) 22 октября 1941 г., командир полка отдал приказ и направил донесение в штаб дивизии с офицером связи. Этот офицер впоследствии был одним из авторов истории дивизии, где он утверждает, что именно он, офицер оперативного отдела, передал приказ 458-му пехотному полку [41, S. 140]. Как и в большинстве случаев расхождений между записями в Журнале боевых действий дивизии, зафиксированными полученными донесениями в тот же день, и ее историей, написанной после войны, Журнал боевых действий представляется более надежным источником. По-видимому, только две роты 1-го батальона 458-го пехотного полка были направлены в Наро-Фоминск, а третья рота ушла в Алексеевку вызволять из окружения штаб полка и артиллерийскую батарею.

прибывать на южный берег Нары, чтобы сменить 1-й батальон на прикрытии Таширово, а разведывательному батальону было приказано направиться в Редькино, чтобы сменить 2-й батальон 458-го пехотного полка [40]¹.

Наступление 1-го батальона 458-го пехотного полка было для 175-го мотострелкового полка как нож в спину. Советское командование сконцентрировало свои основные силы на направлении удара 478-го пехотного полка с юга и недостаточно прикрывало северную часть города. Немецкое наступление поразило советские войска как гром среди ясного неба, и оборона дрогнула. Поскольку 600-й артполк противотанковой обороны с 45 мм пушками, располагавшийся на западной окраине города, не входил в подчинение 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, между ними, очевидно, не было связи. Или, может быть, связь нарушилась после того, как был ранен командир 175-го мотострелкового полка подполковник Павел Вениаминович Новиков и пропали без вести многие офицеры из его штаба. Позднее стало известно, что

«600 АП ПТО в бою за зап. окраину НАРО-ФОМИНСК, 22.10.41 прикрывая отход штаба и тылов полка огнем своих батарей, т. к. действовавший на этом участке 175 МСП отошел, не поставив в известность командира 600 АП ПТО. Орудия стреляли в упор по пехоте. В результате полк потерял 5 45 мм пушек, 11 автомашин, убитые и раненые. Ранены: командир полка — майор КАРЛОВ, ПНШ — лейтенант САУТЕНКОВ, уполномоченный ОО ДЕСНИКОВ и др.» [16, л. 53]².

989-й артполк противотанковой обороны постигла подобная судьба: согласно донесению командира 13-го артполка, при наступлении немцев «989 АП было брошено 5 37 мм пушек» [16, л. 53].

Командир 175-го мотострелкового полка подполковник Павел Вениаминович Новиков (рис. 4) начал день 22 октября 1941 г. на позициях своего 3-го батальона, затем вместе с комиссаром полка батальонным комиссаром А. М. Мячиковым и адъютантом решил вернуться в расположение штаба в Ново-Федоровке, когда атака его полка на южной окраине города захлебнулась. Пешком, поскольку улицы в центре города были заблокированы оставленными грузовиками. Почти сразу они наткнулись на немецких автоматчиков, проникших в город с севера. П. В. Новиков получил тяжелое, как выяснилось позднее — смертельное, ранение. А. М. Мячиков переправился через Нару и добрался до штаба дивизии один. Когда он попытался вернуться на место боя, где остался раненый командир полка, то никого там не обнаружил [4, с. 123-136; 5, с. 41-43]. Ввиду отсутствия точной информации о судьбе П. В. Новикова, 22 октября 1941 г. дивизия сообщила только, что «командир полка подполковник НОВИКОВ тяжело ранен и из боя не вышел» [24]. 24 октября 1941 г.

---

¹ Запись от 12:35 22 октября 1941 г.

² Командир 600-го АП ПТО майор Николай Александрович Карлов умер от ран в эвакогоспитале 2 ноября 1941 г. [13, л. 64 (35)].

штаб дивизии доложил, что «из числа пропавших без вести продолжают выход из окружения группы нач[альствующего] состава и кр[асноармей]цев 175 мп» [27]¹. Таким образом, бойцы 175-го мотострелкового полка, оставшиеся без командования и атакованные с тыла, оказались предоставлены сами себе. Многие из них укрылись в ближайших зданиях, другие бродили около мостов и по берегу реки [24]².

Клещи, нацеленные с севера, которые должны были сомкнуться к востоку от реки Нары, в итоге сомкнулись к западу и нанесли сокрушительный удар по советским силам в западной части города. А что на юге? Там у немецкой стороны был полный хаос. Согласно плану, немцы должны были атаковать город тремя рассредоточенными батальонами: 3-й батальон 479-го пехотного полка вдали от города на северо-востоке, 2-й батальон — по западному берегу Нары, а 1-й батальон — по восточному. Вместо этого 3-й батальон 479-го пехотного полка был где-то в глухих лесах без связи, 1-й батальон вместо наступления отступил на юг под давлением 1-го батальона 6-го мотострелкового полка. 2-й батальон на западном берегу Нары, который утром был потеснен 3-м батальоном 6-го мотострелкового полка, в 13:45 получил приказ подполковника Ассмана прийти на помощь 1-му батальону 479-го пехотного полка в районе Горчухино [40]³.

¹ П. Г. Кузнецов [4, с. 123-136] и В. М. Мельников [5, с. 41-43] подробно описывают обстоятельства ранения П. В. Новикова и попытки его спасения, по всей видимости, на основании воспоминаний единственного выжившего очевидца — комиссара полка батальонного комиссара Алексея Михайловича Мячикова, который прошел всю войну и окончил ее в звании полковника. Имя подполковника П. В. Новикова упоминается позднее в донесении о безвозвратных потерях среди командного состава дивизии от 5 ноября 1941 г. [10, л. 135-137], а 11 января 1942 г. он был исключен из списков Красной Армии как пропавший без вести [9, л. 3]. Вероятно, его судьба прояснилась только после того, как Наро-Фоминск был полностью освобожден советскими войсками, а также когда вышли из окружения или были освобождены из плена некоторые работники штаба 175-го мотострелкового полка. 18 февраля 1942 г. штаб 1-й гвардейской мотострелковой дивизии уточнил, что П. В. Новиков был убит 22 октября 1941 г. в районе г. Наро-Фоминска [14, л. 2]. 19 мая 1942 г. приказ от 11 января 1942 г. в отношении П. В. Новикова был отменен, и он был исключен из списков Красной Армии как погибший 22 октября 1941 г. [11, л. 31]. Судьба подполковника П. В. Новикова наглядно показывает, насколько трудно определить, что произошло с человеком на поле боя: судьбу воина, пропавшего без вести, возможно было уточнить только через несколько месяцев после боевых действий, если вообще возможно.

² В данном боевом донесении от 22 октября 1941 г. нет отметки о времени, однако из текста следует, что донесение составлено не ранее 18:00. К этому времени штаб дивизии имел информацию о местонахождении и состоянии только 170 бойцов из четырех рот 175-го мотострелкового полка, отмечая, что «остальные подразделения полка разыскиваются и приводятся в порядок» [24].

³ Запись от 12:45 22 октября 1941 г.

Рис. 4. Подполковник Павел Вениаминович Новиков (1904-1941). В октябре 1941 г. — командир 175-го мотострелкового полка
Источник: Фото с портала «Память народа» (www.pamyat-naroda.ru)

Fig. 4. Lieutenant-Colonel Pavel Veniaminovich Novikov (1904-1941), the commander of the 175th Motorized Rifle Regiment in October 1941
Source: the picture taken from the “Pamyat naroda” website (www.pamyat-naroda.ru)

Однако данный приказ не был исполнен. Когда 3-й батальон 6-го мотострелкового полка около полудня был отведен от Елагино в связи с отступлением 175-го мотострелкового полка на своем фланге, он переправился через Нару где-то между Елагино и Наро-Фоминском и занял рубеж обороны в районе барачков на перекрестке дороги, идущей вдоль реки и недостроенного Киевского шоссе [24]¹. Таким образом, на западном берегу Нары не осталось советских войск вплоть до самого города. Вместо того, чтобы переправиться на восточный берег реки в районе Горчухино или Атепцево, 2-й батальон 479-го пехотного полка прошел маршем на север. После отхода 3-го батальона 6-го мотострелкового полка двухпутный железнодорожный мост, пересекавший Нару в южной части города, был взорван советскими войсками (рис. 5). Однако когда 2-й батальон 479-го пехотного полка добрался до западной части этого моста, выяснилось, что по обломкам моста можно пройти [41, S. 39]².

¹ В донесении указано, что отвод полка был осуществлен к 12:00.

² Указывается, что мост был взорван «дистанционно», что, возможно, объясняет, почему мост не был разрушен взрывом полностью.

Рис. 5. Взорванный железнодорожный мост в Наро-Фоминске, декабрь 1941 г.

Источник: Фото с Историко-краеведческого сайта Наро-Фоминского района «Боровский тракт» (www.borovsk-tract.ru)

Fig. 5. A blown up railway bridge in Naro-Fominsk in December 1941

Source: the picture taken from the “Borovskiy trakt” website on history and local lore of the Naro-Fominsk district (www.borovsk-tract.ru)

Советские части — возможно, из-за неразберихи и отсутствия нормального управления войсками, возможно, потому что не считали нужным охранять взорванные мосты — не смогли организовать охрану данного перехода должным образом. Лейтенант Полов (Pollow), командир 6-й роты 2-го батальона 479-го пехотного полка, внимательно изучил обстановку и заметил две маленькие лодки-плоскодонки на восточном берегу реки. Он быстро стянул с себя форму, зажал пистолет в зубах, вошел в холодную воду, переплыл реку и притащил эти лодки на западный берег. Затем оделся, направил два отделения через реку и приготовился атаковать мост с тыла [41, S. 39].

В то же самое время оберфельдфебель Веге (Wege) с остальной частью 6-й роты, по-видимому, переправился через реку на южной окраине Наро-Фоминска¹. В истории дивизии описывается, как Веге, чтобы прийти на помощь лейтенанту Полову, атакующему восточный конец железнодорожного моста, возглавил штурм моста через реку Березовку. Этот мост пересекает не саму Нару, а ее небольшой приток. Однако ни в немецких, ни в советских документах не упоминается о переправе батальона через Нару в районе Березовки.

¹ В немецких записях юго-восточная граница города указывается как Березовка, которая обозначена также на некоторых советских картах. Немцы также упоминают Мальково в западной части города — вероятно, расширение границ Наро-Фоминска в связи с присвоением ему статуса города в конце 1920 гг. привело к устареванию некоторых немецких карт по части определения городской черты.

Как бы то ни было, подходы к подорванному железнодорожному мосту были быстро захвачены, и оставшаяся часть 2-го батальона 479-го пехотного полка проскользнула по обломкам моста. Батальон вклинился между оставшимися бойцами 175-го мотострелкового полка, беспорядочно разбредшимися по городу, и 6-м мотострелковым полком, который вел бой в районе Горчухино, и об этом на тот момент было неизвестно советскому командованию. Батальон агрессивно продвигался вперед, и, судя по всему, забыл о приказе подойти на помощь 1-му батальону своего полка. Вместо выдвигания на юг, батальон ударил прямо на восток вдоль железной дороги и захватил железнодорожную станцию [40]¹. Но это еще не всё. Одна рота, вероятно, повернула на север, где в нескольких сотнях метров находился очень заметный объект.

На восточном берегу Нары, к югу от *каменного* моста, возвышался Никольский собор (рис. 6 и 7), с колокольни которого открывался хороший обзор прилегающей местности. Не удивительно, что 22 октября 1941 г. там находились наблюдатели из 1-го дивизиона 13-го артполка, а также из приданного 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии 486-го гаубичного артполка для корректировки огня по немецким частям, атакующим Наро-Фоминск с юга. Никто из артиллеристов, судя по всему, не обращал внимания на то, что творилось внизу. Только когда собор внезапно оказался под пулеметным огнем с небольшого расстояния, они осознали, что окружены. Под командованием старшего лейтенанта Холодова некоторые артиллеристы прорвались из окруженного собора и отступили в северную часть города [1, с. 53; 8, с. 16-20]. Согласно Боевому донесению 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, адресованному командующему артиллерией 33-й Армии,

«Штаб 486 ГАП с командиром полка майором Ивановым был окружен. По показаниям очевидца к[оманди]ра комендантского взвода ст. сержанта Метельского? весь состав штаба захвачен немцами. Остались: к-р полка Иванов, н[ачальни]к штаба капитан Греков, капитан Беззубов, адъютант полка и 5 кр[асноармей]цев. Окруженными также оказались штаб д[ивизио]на и взвода управления 1/13 АП. Часть состава к[оманди]р дивизиона ст. л-т Холодов — вывел. Остались окруженными и не вернулись 40 красноармейцев и 11 младших командиров» [28]².

Очевидно, несмотря на наличие танков Т-34, прикрывающих *каменный* мост всего в сотне метров к северу, территория вокруг собора была в руках немцев всю ночь.

В это время два гвардейских минометных дивизиона продолжали вести огонь по позициям, которые, как они считали, заняты немцами. В 14:30 каждый из дивизионов выпустил по залпу по выходам из леса в 2,5 км к югу от Наро-Фоминска. Артобстрел опоздал, возможно, на пару часов, т. к. к этому времени немцы

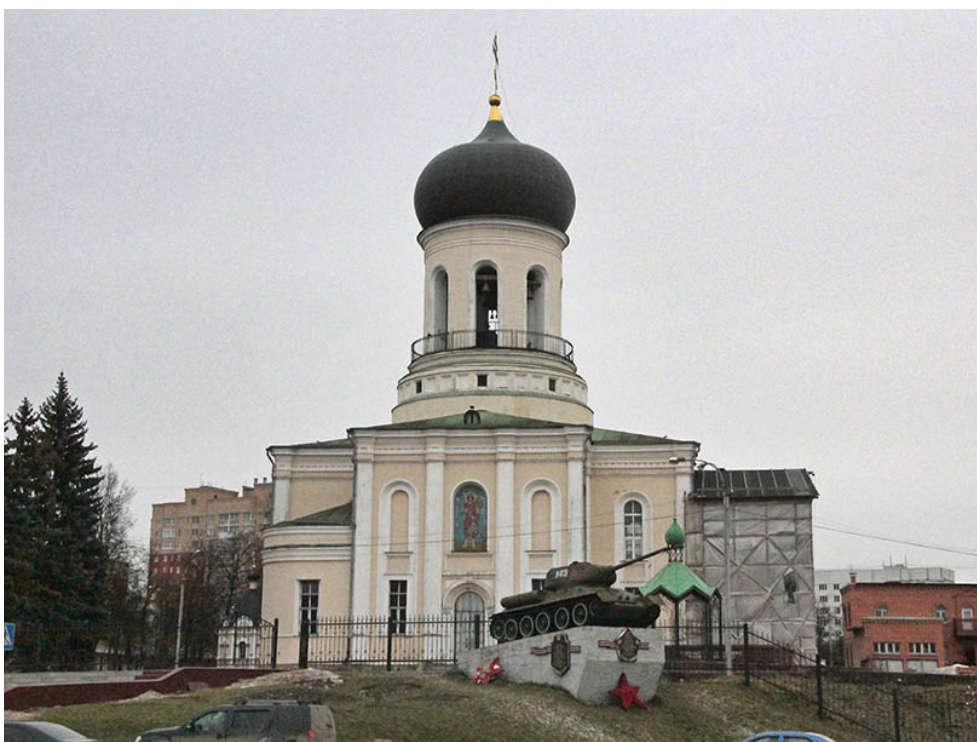
¹ Запись от 17:00 22 октября 1941 г.

² Это донесение от 25 октября 1941 г. представляет собой несколько запоздалый отчет о событиях 22 октября 1941 г.

Рис. 6. Наро-Фоминск.
Вид на разрушенный Никольский
собор. Декабрь 1941 г.
Источник: Фото А. В. Устинова
(www.pastvu.com)

Fig. 6. Naro-Fominsk.
The view of the destroyed St. Nikolas
Cathedral in December 1941
Source: Photo by A. V. Ustinov
(www.pastvu.com)

Рис. 7. Никольский собор
в Наро-Фоминске, 2010 г.
На переднем плане — памятник
защитникам Наро-Фоминска
в виде танка Т-34
Источник: Фото из сети Интернет

Fig. 7. St. Nikolas Cathedral
in Naro-Fominsk in 2010s.
In the foreground there is a T-34 tank
as a monument to the defenders
of Naro-Fominsk
Source: from the Internet

были уже на окраине города. В 16:30 5-й дивизион 7-го гвардейского минометного полка дал два залпа по плотам, переправлявшимся через Нару или по плацдарму в районе Турейки, или по району Березовки, в донесении это не уточняется. Наконец, в 21:00 2-й дивизион 13-го гвардейского минометного полка, отошедший с боями в северную часть города, дал залп по дороге в районе Дачи Конопёловки и переправе напротив Турейки, которую использовал 3-й батальон 458-го пехотного полка [17, л. 50].

Такова была обстановка к заходу солнца (рис. 8). Когда генерал-майор Пфлаум и его штаб прибыли в Котово, их приветствовал салют советской артиллерии, пытавшейся подавить гаубичный дивизион, который там располагался [42, S. 140]¹. Именно там в 18:00 Пфлауму впервые доложили, что 2-й батальон 479-го пехотного полка захватил железнодорожную станцию, но не мост, а 3-й батальон того же полка вернулся назад и переправился через Нару. Он узнал, что его 478-й полк и часть 458-го полка заняли некоторую часть Наро-Фоминска к западу от Нары, но там всё еще много советских войск, которые засели в зданиях и на высоте 201.8, что не позволяет установить связь с его передовыми частями. На севере у Турейки сооружен плацдарм, хотя и под давлением противника. Ощущалось присутствие советской артиллерии, и с точки зрения Пфлаума его дебют в качестве командира дивизии был далек от того, что назвать его успешным. Вместо того чтобы преследовать остатки ополченческих дивизий, ему пришлось столкнуться со свежей и сильной дивизией, у которой, кажется, была некоторая танковая поддержка. Семь танков Т-34 не позволили немцам приблизиться к *каменному* мосту в центре Наро-Фоминска, а железнодорожный мост к югу от него был подорван. Заметим, что дивизия еще не успела оценить свои трофеи и информацию от пленных (нет записей о захвате военнопленных, что кажется весьма странным), а в качестве приоритетной задачи был обозначен поиск пекарни. Уже несколько дней дивизия не получала хлеба, и некоторые подразделения жаловались на отсутствие горячей пищи или даже на полное отсутствие продовольствия в течение последних трех дней. Солдаты жили на неприкосновенном запасе и на том, что им удалось наgrabить у местного населения [40]². Согласно истории дивизии, впоследствии удалось найти большую пекарню и запас муки, хотя в Журнале боевых действий об этом не упоминается [41, S. 140].

Генерал Кунцен, командующий LVII корпусом, отдал приказ 258-й пехотной дивизии по поводу наступления следующим днем: захватить всю часть Наро-Фоминска по восточному берегу Нары и подготовить плацдарм, который может

¹ Согласно источнику, одна из причин, почему штаб дивизии был перемещен так далеко вперед, что попадал под артиллерийский огонь противника, заключалась в том, что у батальона связи дивизии в наличии были только телеги и недостаточно кабеля. Среди прочего упоминается об отсутствии проводной связи с 458-м пехотным полком к северу от Наро-Фоминска, с ним была только связь по радио.

² Запись от 17:00 22 октября 1941 г.

обеспечить дальнейшее наступление на Москву [41, S. 141]¹. Генерал-майор Пфлаум под впечатлением от того сплошного кошмара, который он только что наблюдал, возразил, что его дивизии нужен хотя бы один день, чтобы привести себя в порядок, пополнить запасы и надлежащим образом подготовиться к выполнению дальнейших задач, а тем временем он перейдет к обороне. Он также запросил разрешения отвести свой 479-й пехотный полк через Нару от железнодорожной станции, которую они только что захватили. Кунцен согласился отложить штурм оставшейся части города на один день, но настоял, чтобы 479-й пехотный полк остался на своей весьма уязвимой позиции [40]².

Логистическая схема немецкой 4-й армии была крайне растянутой. Снабжение четырех корпусов (XX, LVII моторизованный, XII и XIII с 17 дивизиями) было организовано по одной крупной автодороге — Варшавскому шоссе, проходящему через Рославль и Подольск. По нему также шло движение корпусов и армий, частей снабжения люфтваффе и т. п. Плохое состояние этой дороги, вызванное чрезмерной нагрузкой на дорожное полотно, подрывами дорожных объектов советскими войсками, заторами из сотен тяжелых транспортных средств, пытающихся объехать поврежденные участки и взорванные мосты по одним и тем же проселочным дорогам, превращало движение в сплошное мучение. Но даже при условии организации снабжения по Варшавскому шоссе, грузы еще надо было доставить от него до таких относительно далеко расположенных соединений, как 258-я пехотная дивизия и 3-я моторизованная дивизия. Поскольку грунтовые дороги, ведущие от Варшавского шоссе, были непроходимыми для колесного автотранспорта, а телеги (*Panje*) двигались слишком медленно, и их грузоподъемность была невелика, пришлось прибегнуть к импровизации. Немцы обнаружили, что железнодорожная линия, идущая на север от Малоярославца к Наро-Фоминску, осталась неповрежденной, и было решено использовать ее для снабжения 258-й пехотной дивизии и 3-й моторизованной дивизии. Поскольку локомотивов не было, 3-я моторизованная дивизия приказала собирать дрезины и вагонетки, которые можно было транспортировать по рельсам на конной тяге. Это было проще, чем пытаться волочить грузы по непроходимым дорогам, и сулило перспективы в решении проблемы снабжения данных дивизий. Конечно, данная схема не решала проблем с недостаточными поставками из глубокого тыла до фронтовых складов в Юхнове, однако это уже было за пределами компетенции армии или корпуса [40]³.

¹ В источнике цитируются приказы по корпусу и дивизии за 23 октября 1941 г. Интересно отметить, что в то время как все намерения немецкого Верховного командования заключались в захвате Москвы путем окружения 4-й танковой группой с севера и 2-й танковой армией с юга, 258-я пехотная дивизия, продвигавшаяся строго на запад, считала, что скоро она будет в столице. Поэтому в приказе по дивизии за 23 октября 1941 г. указано, что восточная часть Наро-Фоминска должна быть захвачена «чтобы соорудить плацдарм для дальнейшего наступления на Москву». Как мы теперь знаем, дивизия дальше пройти не сможет, а единственными немцами, которые будут маршировать по Москве, будут военнопленные.

² Запись от 18:00 22 октября 1941 г.

³ Запись от 15:00-19:00 22 октября 1941 г.

Если в штабе Пфлаума положение представлялось трудным, то в штабе М. Г. Ефремова — катастрофичным. Действительно, потери 6-го мотострелкового полка казались небольшими, а танковая бригада сообщила всего о 2 убитых и 8 раненых, а также о том, что подбиты 1 Т-34, 1 ВТ-7, 1 бронемашина и 1 грузовик. Однако от 175-го мотострелкового полка мало что осталось: 1-я рота 1-го батальона вместе с минометной ротой общей численностью 100 человек удерживали берег Нары с северной стороны петли, которую образует река в Наро-Фоминске.

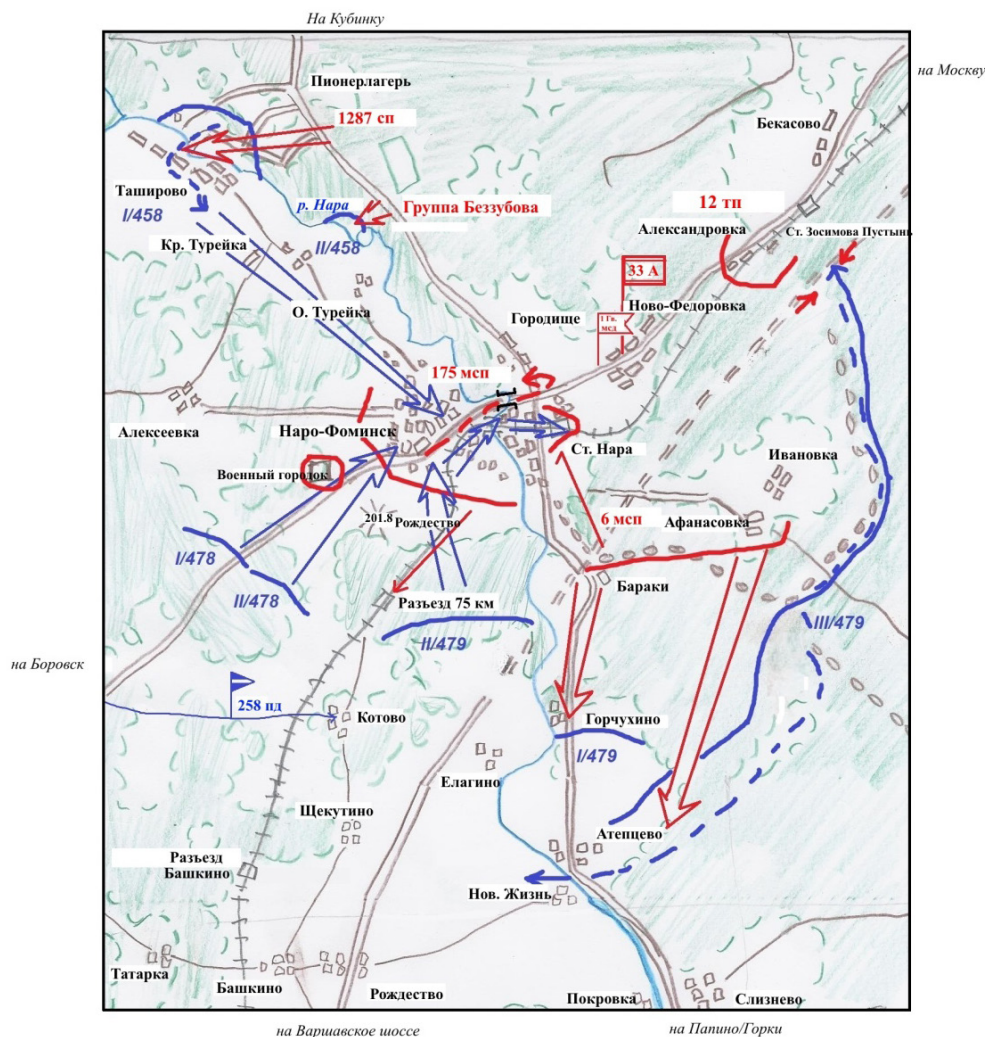

Рис. 8. Боевые действия в районе Наро-Фоминска 22 октября 1941 г.¹

Fig. 8. Combat action around Narо-Fominsk on 22 October 1941

¹ Авторы выражают признательность Ксении Владимировне Ахатовой за помощь в подготовке схемы.

Эта позиция позволяла им контролировать деревянный пешеходный мост. Где-то собиралась 4-я рота, возможно, на северном берегу петли. Между ними около 100 человек из 5-й и 6-й рот 2-го батальона с тремя танками Т-34 заняли позиции у восточного конца подорванного железнодорожного моста, предотвращая попытки немцев использовать данный мост. Вероятно, в этом хаосе никто не догадался учесть пулеметную роту 2-го батальона, которая вместе со стрелковым взводом прикрывала Городище с севера. Это позволило бы добавить еще 200 человек к численности полка, но даже с учетом этих бойцов, если утром численность полка, вероятно, составляла около 2 000 человек, то к вечеру осталось менее 400-500 [24]¹.

На самом деле большинство бойцов полка вовсе не погибли и не попали в плен. Согласно вечернему донесению 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, «остальные подразделения полка разыскиваются и приводятся в порядок» [24]. Часть бойцов этих подразделений засели в ближайших зданиях и потеряли связь с командованием. Другие переплыли реку или переправились как-то иначе и бродили где-то по лесам или среди зданий на восточном берегу. Осталось понять, каков был их боевой дух.

Что касается 6-го мотострелкового полка, то он расположился по кривой. 3-й батальон отошел, чтобы сформировать периметр вокруг железнодорожной станции Нара, прикрывая ее с севера и востока, вплоть до совхоза, фронтом на юго-запад на Березовку, где пытался атаковать 2-й батальон 479-го пехотного полка. 1-й батальон прикрывал центральный участок между совхозом и Афанасовкой, а 2-й батальон удерживал левый фланг полка, между Афанасовкой и Ивановкой [24]. Когда Валковиц со своим батальоном пробирался через лес на восток, им удалось не потревожить 6-й мотострелковый полк. Танки, не считая 2 БТ-7 у майора Н. А. Беззубова (один из которых был подбит) и 7 Т-34, прикрывающих мосты (один из которых был подбит, возможно, 88 мм батареей, о чем гласило донесение в штаб 258-й пехотной дивизии предыдущим утром), остались на тех же позициях, где они были утром, не оказав влияния на ход боевых действий в этот день. Возможно, их присутствие осталось незамеченным для немцев [25; 34, л. 81-82].

Остальная часть 33-й Армии в этот день представляла собой большой вопросительный знак. У полковника С. Т. Гладышева в 110-й стрелковой дивизии всё еще было несколько сотен человек у Каменского, а его 1287-й стрелковый полк всё еще вел бой в районе Таширово, однако расположение и состояние остальной части дивизии оставалось загадкой. Физическое присутствие 113-й стрелковой дивизии к югу от них представлялось проблематичным, фактически численность полков сократилась до нескольких десятков красноармейцев каждый, без боеприпасов, продовольствия и горючего. 222-я стрелковая дивизия, которая вела перестрелку с разведывательным батальоном 258-й пехотной дивизии

¹ По состоянию на 21 октября 1941 г. численность личного состава 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии составляла 10 533 человека, поэтому можно предположить, что 175-й мотострелковый полк по состоянию на утро 22 октября был практически в полном составе, см. [21].

у Смолинского, отошла в направлении на Таширово, опасаясь того, что им показалось попыткой окружения [30]¹.

Советских документов, поясняющих приказы, отданные 33-й Армией на следующий день, не обнаружено. Однако события следующего дня четко демонстрируют, что если 22 октября 1941 г. Пфлаум был более успешен в своем наступлении, чем А. И. Лизюков, то на следующий день Пфлаум перейдет к обороне, а А. И. Лизюков будет наступать.

23 октября 1941 г.

Утром в четверг было сыро, шел дождь [39]². Генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге испытывал давление со стороны Верховного командования сухопутных войск; генерал-полковник Гальдер хотел «усилить левый фланг» 4-й Армии, по мере того как 4-я танковая группа сдвигалась на север [37]³. Начальник штаба армии, которой командовал фон Клюге, возражал, что это немыслимо, поскольку нет возможности организовать снабжение новых войск на левом фланге, у него трудности со снабжением уже находящихся там войск, таких, как 258-я пехотная дивизия. Если в этом направлении будут направлены новые силы, по замечанию начальника штаба 4-й Армии, «они будут обречены на голодную смерть» [37]⁴. Штаб 4-й Армии предложил провести совещание 24 октября 1941 г. по вопросам состояния 19-й и 20-й танковых дивизий, 3-й моторизованной пехотной дивизии и 258-й пехотной дивизии. Проблемы генерал-майора Пфлаума были охарактеризованы как большие потери, нехватка продовольствия, горючего и боеприпасов, а также измотанность. Упоминание об «измотанности» встречается как в донесениях 258-й пехотной дивизии командованию корпуса, так и в донесениях корпуса командованию армии [37⁵; 39⁶; 40⁷]. В течение трех последних недель дивизия находилась на марше или вела боевые действия при отвратительной погоде и яростном сопротивлении противника.

Этот факт позволяет нам понять, что произошло в Наро-Фоминске после захода солнца. По всей западной части города были очаги сопротивления советских войск; одни здания были заняты немецкими частями, другие — советскими,

---

¹ Самые частые фразы в данной оперсводке от 04:00 23 октября 1941 г. по поводу нижестоящих частей 33-й Армии: «данных нет» и «донесений не поступало». По поводу 110-й стрелковой дивизии указывается только, что 350 человек находятся в районе Слизнево и Каменское, а один полк — в районе Таширово. Первое боевое донесение от дивизии будет получено только 24 октября 1941 г.

² Запись о погоде на 23 октября 1941 г.

³ Запись от 9:30 23 октября 1941 г.

⁴ Записи от 9:30 и 13:00 23 октября 1941 г.

⁵ Запись от 22:15 23 октября 1941 г.

⁶ Запись от 18:30 23 октября 1941 г.

⁷ Запись от 18:00 23 октября 1941 г. Состояние 258-й пехотной дивизии описывается следующим образом: «Ввиду боевых действий на трудной местности и понесенных потерь дивизия сохраняет только около 50% от боеспособности».

а третьи — ни теми, ни другими. Военный городок к западу от Наро-Фоминска после авианалета утром 22 октября 1941 г. был атакован 3-м батальоном 478-го пехотного полка, однако о его захвате немцы не заявляли [7, с. 37; 25; 40¹]. Военный городок всё еще был занят советскими войсками, там окопались остатки 3-го батальона 175-го мотострелкового полка. Возможно, среди них был и командир полка, однако не вполне ясно, мог ли он командовать после своего тяжелого ранения. Почти определенно можно утверждать, что остатки штаба данного полка, которые отступили в Ново-Федоровку (на северо-восток от Наро-Фоминска), не имели связи с отрезанными частями полка, находящимися в разных местах к западу от реки.

Командир немецкого 478-го пехотного полка не смог попасть в город, поскольку был прижат огнем с высоты 201.8 [40³; 41, S. 141]. Немецкими подразделениями в самом городе, состоявшими главным образом из 1-го и 2-го батальонов 478-го пехотного полка и двух рот 1-го батальона 458-го пехотного полка, командовал майор Фридрихс, командир 2-го дивизиона арtpолка дивизии. Ему помогал командир 3-й роты инженерного батальона, старший лейтенант Гунцерт [41, S. 141-142]. Таким образом, командование полка отсутствовало на позиции и не могло влиять на боевые действия.

В течение ночи, вероятно, от здания к зданию перемещались отдельные советские разведчики и связные. Это была опасная задача — определить, кто занимает то или иное здание: свои или враги. Возможно, кому-то из них удалось доползти до *каменного* моста, хотя позиции просматривались немцами с юга и запада. Или возможно, некоторые переправились через Нару на небольших лодках или плотах. Нам не удалось обнаружить донесений, подтверждающих эти действия, однако события следующего дня показали, что 175-й мотострелковый полк вовсе не был разбит, как это казалось после захода солнца 22 октября 1941 г. Большинство немецких солдат, разбросанных по многим зданиям, почти наверняка осмотрели здания, искали пищу и воду, и после выставления караулов легли спать — погода этому способствовала. У их противника в соседних зданиях не было немецкого тактического опыта. Но у них было преимущество. «Иваны» были более свежими, более сытыми и лучше одеты по погоде, чем «фрицы». Это были городские парни, почти все москвичи, и свой жизненный опыт они обрели в городе, а не в полевых условиях. Итак, «иваны» продемонстрировали удивительную стойкость. Каким-то образом, многие из уцелевших бойцов 175-го мотострелкового полка установили связь друг с другом. Не обнаружено свидетельств того, как передавались приказы и боеприпасы между частями полка к западу от Нары, но так или иначе связь была установлена.

¹ Записи от 11:00-23:00 22 октября 1941 г.

² Документы обеих сторон свидетельствуют о том, что ни советское, ни немецкое командование не обладали достоверной информацией об обстановке в центре города после захода солнца 22 октября 1941 г.

³ Первая запись за 23 октября 1941 г. без отметки о времени.

23 октября 1941 г. в Журнале боевых действий 258-й пехотной дивизии не было ни одной записи до полудня. Это обычно означает, что не было связи, или что ничего существенного не произошло, и что никто не присылал донесений до тех пор, пока не потребовалось исправить нежелательное положение на переднем крае. Единственное, что было отмечено, — перестрелка на улицах города. Эта перестрелка представляется следствием того, что выжившие советские бойцы начали выходить из своих укрытий и пытаться отбить город у немцев.

Вероятно, несмотря на упоминание в Журнале боевых действий 33-й Армии об артподготовке, начавшейся в 11:00 (10:00 по берлинскому времени) [22, л. 8 (52)]¹, за исключением минометного обстрела Никольского собора в 07:30 советская артиллерия в то утро молчала. Возможно, это объясняется тем, что воюющие стороны перемешались в городе настолько, что был значительный риск открыть огонь по своим войскам. Еще более значимым фактором являлось то, что с рассветом на крыше пятиэтажного здания фабрики к западу от *каменного* моста и на колокольне собора с восточной стороны моста появились немецкие артиллерийские наблюдатели. С обеих этих точек позиции советской артиллерии в лесу могли быть засечены и уничтожены ответным огнем. Поэтому следующим возможным шагом 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии было отбить у немцев эти две высокие точки, что позволило бы советской стороне помешать немцам вести артиллерийское наблюдение, а также самим вести наблюдение и засекать цели для эффективного применения артиллерии. Вполне вероятно, за ракетными залпами по собору последовал штурм 6-го мотострелкового полка, в результате которого собор был отбит, хотя в официальных документах упоминания об этом не обнаружено.

В восточной части города река Нара образует небольшую петлю, на ее восточной стороне расположен автомобильный мост, который называют *каменным*. Длина петли — около 800 м. В ее северной части, примерно посередине, находился пешеходный мост. Среди объектов внутри петли выделялись три фабричных корпуса из кирпича высотой в 4-5 этажей (рис. 9 и 10). Эти здания были построены в течение нескольких лет, начиная с 1840 г., для бумагопрядильной

¹ Обычно соединения Красной Армии вели три типа записей. Боевые донесения составлялись по мере срочности — если что-то нужно было сообщить командованию немедленно. Оперативные сводки обычно составлялись один или два раза в день, утром и вечером, в них указывались позиции частей и подразделений и результаты их боевых действий. Журналы боевых действий заполнялись периодически, армией или фронтом — ежемесячно, нижестоящими соединениями — реже; в них внесились записи обо всех важных событиях и боевых действиях. Журналы боевых действий содержали более подробный обзор событий, и в то же время они позволяли подчистить формулировки. В этом отношении советские журналы боевых действий очень похожи на немецкие *Kriegstagebuch* (букв. военные дневники): к их записям нужно подходить с осторожностью и по возможности подвергать перекрестной проверке.

Рис. 9. Один из фабричных корпусов в селе Наро-Фоминском. Конец XIX в.

Источник: из коллекции Наро-Фоминского историко-краеведческого музея (<http://museum-nf.mo.muzkult.ru>)

Fig. 9. One of the factory buildings in the village of Naro-Fominskoye in late 19th century

Source: from the collection of the Naro-Fominsk Regional History Museum (<http://museum-nf.mo.muzkult.ru>)

мануфактуры, позднее было открыто также ткацкое производство. После революции фабрики были национализированы, и главное предприятие получило название «Нарфомшелк», однако в народе его чаще всего называли *Комбинат*. Фабрики были построены на берегу реки Нары, чтобы использовать водную и паровую энергию, ниже по течению (между пешеходным и *каменным* мостами) была сооружена плотина [6, с. 15-16; 7, с. 37; 40¹].

Эти три фабричных корпуса возвышались в центре города, и с их крыш, а также из окон верхних этажей открывался хороший обзор прилегающей местности, даже лучший, чем с колокольни Никольского собора на противоположном берегу реки. Самый маленький корпус располагался непосредственно на берегу и был ориентирован по оси восток — запад. Рядом с ним — более крупный корпус № 2, ориентированный по оси северо-восток — юго-восток. Фабричный

¹ Первая запись за 23 октября 1941 г. без отметки о времени.

Рис. 10. Панно на стене одного из корпусов фабрики в Наро-Фоминске. 2010-е гг.

Источник: Фото с сайта Проекта Urban3p (www.urban3p.ru)

Fig. 10. Mural on the wall of one of the factory buildings in Naro-Fominsk in 2010s

Source: Photo from the Urban3p Project website (www.urban3p.ru)

корпус № 3 — самый высокий и расположен восточнее всех. Он ориентирован по оси северо-северо-запад — юго-юго-восток¹.

Там, на верхних этажах фабричного корпуса № 3, собрались наблюдатели, по меньшей мере, из 2-го дивизиона 258-го арtpолка, возможно, среди них был и командир дивизиона майор Фридрихс. Около полудня внимание артиллерийских наблюдателей привлек шум с нижних этажей. 4-я рота 2-го батальона 175-го мотострелкового полка под командованием лейтенанта А. И. Кудрявцева, по-видимому, отступила через Нару 22 октября 1941 г. На следующий день около полудня рота переправились обратно через Нару и заняла фабричное

---

¹ Все три здания существуют до сих пор, представляя собой пример классической индустриальной архитектуры начала XIX в. Они смотрелись бы вполне органично в Новой Англии, США, или в Бирмингеме, Великобритания. Пешеходный мост ныне не существует.

здание № 1 незаметно для немцев. Затем они пробрались в фабричное здание № 2, расположенное всего в 10 м, и снова не обнаружили там немцев, либо смогли их ликвидировать без особого шума. Именно в этот момент лейтенант А. И. Кудрявцев продемонстрировал особую отвагу. Между вторыми этажами корпусов № 2 и 3 до сих пор существует старинная галерея, первоначально сооруженная для прокладки паровых труб с узким проходом для их обслуживания (рис. 11). По этому проходу осторожно двинулся советский разведчик. Шаг за шагом он пробирался по галерее на виду у немецких пулеметчиков, которые могли находиться у любого из множества окон двух корпусов. Однако выстрелов не последовало. Внимание немцев было приковано к противнику на востоке, на противоположном берегу реки.

Остальные бойцы роты А. И. Кудрявцева быстро прошли по переходу и оказались на втором этаже фабричного здания. Лейтенант разделил их на две группы. Первая быстро уничтожила охрану здания, занимавшую первый этаж. Вторая группа поднялась по лестнице. Немцы на верхних этажах заметили их

Рис. 11. Галерея между корпусами фабрики в г. Наро-Фоминске. 2010-е гг.

Источник: Фото с сайта Проекта Urban3p (www.urban3p.ru)

Fig. 11. The “catwalk” between two factory buildings in Naro-Fominsk in 2010s

Source: Photo from the Urban3p Project website (www.urban3p.ru)

в последнюю минуту, и последовала ожесточенная перестрелка. Очевидно, у немцев был запас ручных гранат, что позволяло им сдерживать натиск советских бойцов, поднимавшихся по лестнице, пока кто-то не додумался бросить целую связку гранат. В результате лестница была разрушена, противник не смог больше нападать снизу, однако и сами немцы оказались отрезанными на верхних этажах. Чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных решений, и единственным выходом для немцев оставалась пожарная лестница снаружи здания. К несчастью для них эта лестница располагалась на восточной стене корпуса, а советская пехота и танки были всего в 150-200 м на другом берегу реки. Немецким артиллеристам пришлось спускаться по пожарной лестнице под шквальным огнем. Несколько человек были убиты, остальным удалось уйти [40¹].

Усиленная бойцами истребительного батальона [1, с. 53] рота А. И. Кудрявцева удерживала фабричные корпуса вплоть до самого окончания сражения за Наро-Фоминск, даже после того, как в начале ноября 1941 г. советским командованием было принято решение взорвать *каменный* мост [7, с. 38; 40²]. Эта позиция давала советским артиллерийским наблюдателям хороший обзор поля боя, а немецкой 258-й пехотной дивизии доставила немало бед.

Но это была не единственная проблема немцев. К их удивлению и ужасу 175-й мотострелковый полк, казалось бы, восстал из мертвых и продолжил теснить немцев из западной части Наро-Фоминска. Майор Фридрихс после своего захватывающего спуска по пожарной лестнице провел несколько контратак в первой половине дня, которые, по данным как советских, так и немецких источников, провалились [25; 40³]. Лейтенант Гунцерт тоже провел контратаку и сражался так, что был награжден Рыцарским крестом, однако и он не смог выдвинуть русских из центра города. Советские воины, возможно, из 3-го батальона 6-го мотострелкового полка, на следующее утро отбили Никольский собор. В немецких донесениях упоминается, что группировка советских сил в западной части города была усилена в этот день [40⁴], и наиболее вероятно, что подкрепление переправилось по *каменному* мосту. Ни один советский солдат не смог бы ступить на этот мост, если бы на колокольне церкви всего в 30 м от восточного конца моста были немцы.

Однозначный исход боев за Наро-Фоминск 23 октября 1941 г. определить нелегко. В Журнале боевых действий Западного фронта утверждается, что к 21:00 три четверти западной части города находились под контролем советских войск, а одна четверть была занята противником [17, л. 119]. Согласно

¹ Первая запись за 23 октября 1941 г. описывает этот бой на фабрике. Время указано «около полудня», в любом случае более ранних записей за этот день в журнале нет.

² Запись от 10:30 3 ноября 1941 г.: «большой *каменный* мост в городе взорван русскими в 10:30».

³ Первые записи от 23 октября 1941 г., что означает, что эти контратаки были проведены в этот день между 12:00 и 14:00.

⁴ Запись от 14:00 23 октября 1941 г.

Боевому донесению 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, 175-й мотострелковый полк

«к исх[оду] 23.10.41, преодолевая упорное сопротивление пр[отивни]ка, захватил часть города до строящегося моста. Дальнейшее наступление приостановлено сильным пулеметным и минометным огнем противника» [26].

М. Г. Ефремов доложил командованию Западного фронта, что 1-я Гвардейская мотострелковая дивизия удерживает весь Наро-Фоминск, «не имея локтевой связи с соседями» [17, л. 121¹], на что последовала резолюция Г. К. Жукова: «Вы неправдиво доносите об удержании 23.10 1 ГМСД НАРО-ФОМИНСК» [17, л. 122]. Кажется, такая оценка соответствует утверждению немцев о том, что весь день соотношение сил балансировало «на лезвии ножа», а к вечеру они восстановили свои прежние позиции [40²].

Однако это утверждение немцев тоже не вполне правдиво. Утром они еще удерживали территорию фабричного городка, а к середине дня их оттуда выбили. С другой стороны, заявление немцев о том, что к вечеру 3-й батальон 478-го пехотного полка отбил высоту 201.8, представляется верным. Так или иначе, к вечеру советские войска удерживали большую территорию западной части города, чем утром, а положение было неясным для обеих сторон.

6-й мотострелковый полк также вел активные боевые действия. 2-й батальон 479-го пехотного полка, согласно немецкому донесению, «чудом» удерживался на своем плацдарме у железнодорожной станции [40³]. Генерал-майор Пфлаум докладывал, что без артиллерийской поддержки батальон не выдержит, и запросил один дивизион тяжелой артиллерии и один дивизион реактивной системы залпового огня *Nebelwerfer*, в случае если им будет приказано удерживать данные позиции [40⁴].

Однако 6-й мотострелковый полк теснил не только 2-й батальон 479-го пехотного полка: в 16:25 немцы доложили, что советские войска переправились на западный берег Нары к югу от города и продвигаются вдоль железной дороги. Таким образом, они оказались на расстоянии 800 м от городской черты и примерно на таком же расстоянии от высоты 201.8. Это был 1-й батальон 6-го мотострелкового полка, который прошел через позиции 3-го батальона на восточном берегу реки, переправился через Нару и атаковал позиции немецкой артиллерии [40⁵].

¹ Запись по поводу 33-й Армии от 23 октября 1941 г. с текстом донесения М. Г. Ефремова Западному фронту от 23 октября, время отправки или вручения не указано.

² Запись от 17:50 23 октября 1941 г.

³ Запись от 14:00 23 октября 1941 г.

⁴ Запись от 12:00-18:00 23 октября 1941 г.

⁵ Запись от 15:25 23 октября 1941 г. В данной записи местоположение противника указано «между Котово и Мальково» (юго-западная окраина Наро-Фоминска на старых немецких картах), что означало не только близость к позициям артиллерии к югу от города, но и то, что штаб дивизии попадал в зону артиллерийского обстрела.

В результате сложилось странное положение: немецкий 2-й батальон 479-го пехотного полка на восточном берегу Нары, у железнодорожной станции, угрожал с юга советским войскам в Наро-Фоминске, а подразделения 1-го батальона советского 6-го мотострелкового полка на западном берегу реки угрожали с юга немцам в Наро-Фоминске. У немцев на счету был каждый солдат из 478-го пехотного полка и подразделений 1-го батальона 458-го пехотного полка, чтобы удержаться в западной части Наро-Фоминска и попытаться отбить ключевую высоту, отсюда запись в Журнале боевых действий 258-й пехотной дивизии: «мы горим со всех сторон» [40¹]. 3-й батальон 479-го пехотного полка Валковица, который целый день отдыхал после своего утомительного похода предыдущим днем, получил приказ выдвинуться на север от Котова и прикрыть берег реки. В 19:00 они прибыли к месту назначения на недостроенном Киевском шоссе в 2 км к югу от города и организовали оборону, чтобы «отражать внезапное нападение противника только с большим трудом». В то же самое время 1-й батальон 479-го пехотного полка, после того как его вызволили в Атепцево несколько рот 8-го полка 3-й моторизованной дивизии, переправился назад через Нару и двинулся маршем на север [40²].

Таким образом, 1-й батальон 6-го мотострелкового полка к исходу дня «будучи контратакован с тыла и понеся потери до 50%», был «остановлен сильным пулеметным и минометным огнем юж[ной] окр[аине] города» [26].

Эта атака указывает на несколько аспектов обстановки в целом. С одной стороны, Нара вовсе не была непроницаемым барьером. Для узкой реки с небольшим течением, хотя она и блокировала перемещение транспорта, требовалось охранение на всём ее протяжении, чтобы предотвратить попытки противника переправиться на подручных средствах. Ни у одной из сторон не было достаточных возможностей прикрыть весь берег реки от Таширово до Горчухино или Атепцево. Однако 6-й мотострелковый полк в первую очередь беспокоила угроза железнодорожной станции Нара и возможность дальнейшего развертывания немцев для охвата их позиций с юга. Хотя усилия батальона Валковица, принятые предыдущим днем, окончились неудачей, потенциальная угроза на открытом южном фланге 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии была вполне очевидной [22, л. 9 (53)³; 35]. Кроме того, возможно, какие-то части батальона Валковица всё еще бродили по лесам к юго-востоку от Александровки.

Положение на флангах 33-й Армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова резко контрастировало с ожесточенными боями в центре. На севере 151-я мотострелковая бригада после нападения немецкой пехоты на ее штаб «разрозненными

---

¹ Запись от 15:25 23 октября 1941 г.

² Запись от 19:10 23 октября 1941 г.

³ В записи в Журнале боевых действий 33-й Армии от 23 октября 1941 г. говорится, что «в районе ИВАНОВКА, АФНАСОВКА рассеяна двигающаяся по Киевскому шоссе мотоколонна противника силою до роты». Это было преувеличение, единственными немцами в этом районе были солдаты Валковица днем ранее, передвигавшиеся пешком.

подразделениями пробивалась в АРХАНГЕЛЬСК» [17, л. 119]. Немцы из 7-й пехотной дивизии проникли через открытый правый фланг бригады, «в результате налета на штаб 151 мсбр ранены нач[альник] связи, ком[андир] роты управления, пропали без вести — начальник артиллерии, начальник Особого Отдела» [20]. От бригады осталось всего 570 человек, которые пробивались на северо-восток и восток [17, л. 119-122; 35]. Сообщалось, что 222-я стрелковая дивизия под командованием полковника Тимофея Яковлевича Новикова, согласно записи в Журнале боевых действий 33-й Армии от 23.10.1941, «получив пополнение в количестве 2 250 чел. с 13:00 23.10, охваченная противником с юга, ведет бой в районе ШУБИНКА в окружении» [22, л. 8 (52)], что звучит не очень правдоподобно. Во-первых, Шубинка находится северо-восточнее позиций, которые дивизия занимала днем ранее (Смолинское), и западнее Назарьево, откуда по донесениям самой дивизии она была атакована. Во-вторых, не уточняется, как могла окруженная дивизия получить пополнение. Так или иначе, дивизии была поставлена задача «пробиться из окружения и выйти в район Маурино», 12 км на северо-восток от Шубинки и 8 км на северо-запад от Таширово [17, л. 120]. Маурино располагается на северном берегу реки Тарусы, которая впадает в Нару в нескольких километрах к юго-востоку от деревни. Командиру 222-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант М. Г. Ефремов приказал также «разрозненные части 151 МСБр подчинить себе» и установить связь с флангом 1-й Гвардейской мотострелковой дивизией в районе Таширово [17, л. 120]. Сообщалось также, что в 222-й стрелковой дивизии нет продовольствия и боеприпасов, а «направленные в дивизию снаряды не прибыли» [36].

Северный фланг 33-й Армии должен был прикрывать мотострелковый батальон 4-й танковой бригады полковника Михаила Ефимовича Катукова. Потерпев кровавое в буквальном и переносном смысле поражение от бронетанкового клина Гудериана под Мценском, бригада М. Е. Катукова была направлена под Москву на усиление обороны Минского шоссе. Вскоре ее направили далее на север, когда Г. К. Жуков осознал важность Волоколамского направления для немцев, которые стремились обойти Москву с северного фланга, вместо того чтобы ударить в лоб. Однако в момент описываемых событий бригада была раздроблена, чтобы *хоть чем-то* прикрыть брешь между 5-й Армией генерал-майора артиллерии Леонида Александровича Говорова на Минском шоссе и 33-й Армией генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова в Наро-Фоминске. Батальон должен был прибыть на место назначения к утру и занять линию обороны на протяжении 3 км по реке Таруса от Маурино на северо-запад. Батальон поступал «во временное подчинение командарма 33 до выхода на этот рубеж 222 сд» [17, л. 119-120], после чего он должен был возвратиться в свою 4-ю танковую бригаду.

На северном фланге у 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии полковника А. И. Лизюкова обстановка в этот четверг была несколько спокойнее. 1287-й стрелковый полк майора Я. Б. Присяжнюка доложил, что он в составе 250 человек «сев. НАРО-ФОМИНСК по восточному берегу р. НАРА сдерживает противника до двух рот в ТАШИРОВО и ЕРМАКОВО», прикрывая, насколько

это было возможно, дороге на Кубинку [36]¹. В тот день им особенно не угрожали, поскольку 2-й батальон 258-го пехотного полка в данное время всё еще пытался развернуть фронт на северо-восток, защищая открытый левый фланг своей дивизии и прикрывая Таширово. Отряд майора Н. А. Беззубова в составе 200 человек столкнулся с группой немецких автоматчиков в количестве 17 человек в районе Дачи Конопёловки [22, л. 8 (52); 31], при этом данная группа была «частично уничтожена, остальные рассеяны» [30].

К югу от Наро-Фоминска обстановка была еще менее осязаемой. Оптимистично сообщалось, что остатки 110-й стрелковой дивизии в районе Каменского составляют 800 человек [22, л. 57 (52)²], однако в большинстве донесений фигурировали другие цифры — 550 человек [17, л. 119], 350 человек [35], 250 человек [36]. Такое расхождение в цифрах оперсводок и Журнала боевых действий 33-й Армии можно объяснить тем, что части дивизии выходили из окружения, оперсводки составлялись «по горячим следам», а журнал заполнялся позднее, и к тому времени численность личного состава была уточнена. Дивизия сообщила, что захватила двух пленных из 3-й моторизованной пехотной дивизии. Указывается на отсутствие в дивизии продовольствия и боеприпасов [17, л. 119; 35].

Южнее 110-й стрелковой дивизии находились остатки 113-й стрелковой дивизии. В 04:00 23 октября 1941 г. штаб 33-й Армии доложил, что личный состав дивизии насчитывал всего 405 бойцов [30], спустя 10 часов сообщалось, что один полк насчитывал 70 человек, другой — 50, а численность третьего не указывалась [35]. Как и у 222-й и 110-й стрелковых дивизий, у 113-й стрелковой дивизии не было «снарядов, автоматического оружия, продовольствия и горючего», доставка которых «была затруднена бездорожьем» [30]. К счастью, на данном участке фронта не было серьезной опасности прорыва немецких войск, которые могли бы отрезать 33-ю Армию генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова от 43-й Армии на юге. На данном участке фронта — 20 км от Атепцево на юг до позиций 19-й танковой дивизии, которая вела бои за плацдарм через Нару в районе автодороги Варшавского шоссе, у 3-й моторизованной пехотной дивизии генерала артиллерии Курта Яна был всего один 8-й моторизованный пехотный полк [38³].

Другой полк дивизии, 29-й моторизованный пехотный полк (за исключением 2-го батальона, временно приданного 8-му пехотному полку) был направлен искать ветра в поле к югу от Варшавского шоссе, где дороги были настолько непроходимыми, что изношенные французские грузовики завязли в грязи. С большими

---

¹ 458-й пехотный полк никому не угрожал, он фактически был прикован к месту в оборонительной позиции, ср.: «у 458-го пехотного полка нет возможности продвинуться на восток, не поставив под угрозу глубокий фланг дивизии!» [41, S. 142].

² Данная страница Журнала боевых действий 33-й Армии представляет собой машинопись, однако восьмерка вписана от руки, возможно, первоначально было написано 200, а позднее исправлено на 800.

³ Запись от 19:30 23 октября 1941 г., в которой также вся 3-я моторизованная пехотная дивизия характеризуется как «абсолютно немобильная, неспособная сдвинуться с места».

трудностями, используя позаимствованную полугусеничную технику, им удалось выдернуть из грязи свой транспорт, однако был получен приказ, категорически запрещающий пересекать Варшавское шоссе из опасения, что такие попытки вызовут еще больший хаос на *автостраде (Rollbahn)*. Даже к плацдарму у переправы через Нару в Горках было сложно доставлять горючее, боеприпасы и продовольствие. Поэтому 29-му полку было приказано оставаться на месте и ждать, пока их братский полк не продвинется дальше вдоль Нары. Когда 8-й полк выдвинулся на север, чтобы вызволить 479-й полк 258-й пехотной дивизии в Атепцево, его немедленно попросили продвинуться еще дальше и прикрыть Горчухино [40¹].

Генерал армии Г. К. Жуков испытывал третий и самый сильный кризис со дня вступления в командование Западным фронтом. Первый кризис был 10 октября 1941 г., когда он вступил в командование фронтом, на котором почти не было войск, а могучие силы противника были на расстоянии около 200 км от столицы. Затем 18 октября 1941 г. пал Можайск, и положение советских войск на Минском шоссе было близко к катастрофе. Танки наступали на позиции 16-й Армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского в Булычево. Враг возобновил наступление на Варшавском шоссе. Г. К. Жукову пришлось латать дыры малыми силами: остатками частей, вышедших из Вяземского котла, и несколькими потрепанными танковыми бригадами. Теперь, 23 октября, враг захватил Дорохово, расположенное на полпути между Можайском и Кубинкой на Минском шоссе. Казалось, что вот-вот падет Наро-Фоминск, а также что немцы переправятся через Нару в районе Тарутино.

Г. К. Жукову не всегда было свойственно впадать в ярость, как это иногда изображают, но в тот день, когда решительный прорыв немецких войск угрожал практически по всем направлениям, он не церемонился со своими подчиненными. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, который доложил, что его 33-я Армия отбила Наро-Фоминск, получил следующий ответ:

«Командующему 33 А

1. Вы неправдиво доносите об удержании 23.10 1 ГМСД НАРО-ФОМИНСК.
2. Примите меры к собиранию людей 110, 113, 222 сд и 151 МСБр — это будет полезнее философии, тем более, что Вы отлично знаете, что мы ничего дать сейчас 33 А не можем.
3. Учтите, противник действует по направлениям, а не сплошным боевым порядком» [17, л. 122].

У генерала армии Г. К. Жукова были различные способы перекрестной проверки донесений подчиненных: по данным военно-воздушных сил, артиллерии и других соединений и частей каждой подчиненной ему армии, а также по данным Особых Отделов НКВД и по политической линии, предусматривающей связь Политуправления Западного фронта с политуправлениями армий. Хотя его комментарии могут показаться немного странными, его замечание по поводу

¹ Записи от 10:30, 12:00-18:00 и 19:30-21:00 23 октября 1941 г.

философии должно было подчеркнуть то, что он постоянно говорил командующим армиями, когда они докладывали о нехватке личного состава и просили пополнение — если прочесать лес, то можно найти много бойцов из числа «потерь», и их можно вернуть на фронт. Он хорошо знал, о чем говорил, и это наглядно показывает пример 175-го мотострелкового полка, который, казалось бы, чудесным образом «воскрес» 23 октября 1941 г. Еще через день при сходных обстоятельствах «воскреснет» 110-я стрелковая дивизия.

Однако поскольку у Г. К. Жукова не было дивизий для отправки на фронт, это было больше, чем суровые слова. Когда фронт приблизился к тыловой границе Можайского оборонительного рубежа и к самой столице, он больше не мог терпеть, когда его соединения не выдерживают напора врага. Он направил Политуправлению Западного фронта следующий приказ:

«Соберите хорошую бригаду работников за счет Политуправления, Штаба, особого отдела, прокуратуры, трибунала и пошлите в 50 дивизию, 151 и 222¹ стрелковые бригады, которые не должны сегодня ни на один шаг отходить назад².

Людей послать из расчета на каждый полк.

Потребовать от Нач[альников] Политуправлений частей сегодня держать людей во всех частях, чтобы помочь командованию удержать занятые позиции не допускать отхода назад.

Особенно это касается 5, 33, 43 А» [17, л. 126]

Вспоминая поговорку «Кто много лает, тот редко кусает», заметим, что это была сильная ярость на словах, однако на деле, как мы увидим далее, командующий фронтом, если и реализовал свои угрозы, то далеко не в той степени, в какой они прозвучали. Например, расследование, проведенное по поводу оставления Можайска, привело к заключению, что советские войска были крайне малочисленные и плохо вооруженные, и командующие не понесли никакого наказания [18]³.

---

¹ Г. К. Жуков определенно имел в виду 222-ю стрелковую дивизию, т. к. бригады с таким номером не было.

² Выражение «Ни шагу назад!» ассоциируется с печально известным приказом № 227 Наркома обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 г., однако Г. К. Жуков часто использовал подобные выражения еще в октябре 1941 г., начиная со своего приказа войскам Западному фронту № 0345 от 13 октября 1941 г. [33], см. также [2, с. 131-132]. Данный приказ Г. К. Жукова заканчивается призывом: «Ни шагу назад! Вперед за РОДИНУ!»

³ В этом многостраничном документе подробно разбирается сражение за Можайск и оставление города советскими войсками, а также выносятся заключение о том, что силы, оборонявшие его, были слишком слабыми, силы самообороны в городе были слишком малочисленными, а сам город оказался «на стыке разрезанного на две части фронта» [18, л. 11], поэтому главную вину за потерю Можайска нельзя возложить ни на одну из частей; это была распространенная тактическая ошибка, которую допускали обе стороны в течение войны.

Подобное расследование было проведено по поводу оставления Волоколамска, несмотря на прямой приказ Сталина удерживать город. И опять было вынесено заключение, что хотя были допущены некоторые ошибки, обвинения командующим не выдвигается [19]¹. Когда 50-я стрелковая дивизия была вытеснена из Дорохово, командир 49-го стрелкового полка полковник П. Т. Кудашев был отдан под суд и расстрелян. Его обвинили в том, что он «дважды бросал свой полк», «бросил свой полк у Дорохово, а сам уехал в тыл» [3, с. 89]². 5-я Армия продолжила отступать по Минскому шоссе, хотя и медленно, 222-я стрелковая дивизия, в соответствии с приказом, значительно отошла, пока не оказалась за рекой Тарусой. История 151-й мотострелковой бригады, к сожалению, закончилась трагедией, как мы скоро увидим.

Как мы уже отмечали выше, Западный фронт и Ставка направляли на передовую всё, что могли. В этот день прибыли два крупных маршевых батальона, кроме того, на фронт прибыло новое вооружение. Вечером 23 октября 1941 г. поступило сообщение об отправке в 33-ю Армию шести противотанковых взводов [22, л. 9 (53)]³. Теперь советские войска будут сражаться с танками с помощью чего-то большего, чем бутылки с зажигательной смесью и связки гранат. Поскольку бойцы М. Г. Ефремова еще не встречались с вражескими танками, то этому факту не придали большого значения, однако это было нечто, предвещающее будущие события.

Продолжение следует.

¹ Дата отчета в документе не проставлена. Опять же в отчете приводится заключение, что город пал из-за слабости обороняющих его частей, в данном случае — «малоустойчивого» 690-го стрелкового полка, который не закончил свое формирование после выхода из окружения и совершил «беспорядочный отход» [19, л. 7-8]. При этом не высказывается никаких рекомендаций по поводу ареста или другого наказания для командира полка, не говоря уже о командующем армией генерал-лейтенанте К. К. Рокоссовском.

² А. В. Исаев ссылается на рассылку телеграммы Военного Совета Западного фронта по поводу 151-й мотострелковой бригады, произведенную командующим 5-й Армии генерал-майором артиллерии Л. А. Говоровым и снабженную его комментариями [32]. В данном документе Л. А. Говоров называет П. В. Кудашева Кудряшовым, однако точно указывает его воинское звание и должность — полковник, командир 49-го стрелкового полка 50-й стрелковой дивизии. В то же время по данным портала «Память народа» полковник Павел Трофимович Кудашев, командир 49 сп 50 сд учтен пропавшим без вести не позднее 4 сентября 1942 г., и приказ об исключении из списков с данной формулировкой [12, л. 3] не был отменен. Возможно, в неразберихе октября 1941 г. 5-я армия не сообщила в Главное управление кадров о высшей мере наказания в отношении П. В. Кудашева.

³ Рукописное примечание к записи от 23 октября 1941 г. Противотанковые взводы тонкой струйкой просачивались от Западного фронта ко всем армиям во второй половине октября. Проблема заключалась в нехватке не самих противотанковых орудий, а снарядов к ним, производство которых началось только в конце лета 1941 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев А. А. Рубежи славы Подмосковья: Московская область в Битве за Москву / А. А. Голубев. М.: Книжный мир, 2013. 383 с.
2. Жук Ю. А. Неизвестные страницы битвы за Москву / Ю. А. Жук. М.: АСТ: Хранитель, 2008. 731 с.
3. Исаев А. В. Чудо под Москвой / А. В. Исаев. М.: Яуза, 2019. 448 с.
4. Кузнецов П. Г. Гвардейцы-москвичи: военно-исторический очерк о Московской Пролетарской стрелковой дивизии / П. Г. Кузнецов. М.: Воениздат, 1962. 292 с.
5. Мельников В. М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова / В. М. Мельников. М.: Эксмо: Яуза, 2009. 733 с.
6. Мельников В. М. Наро-Фоминский прорыв: забытые страницы битвы за Москву / В. М. Мельников. М.: Патриот, 2012. 418 с.
7. Невзоров Б. Оборонительные бои 1 Гв. мсд под Москвой / Б. Невзоров // Военно-исторический журнал. 1976. № 10. С. 36-40.
8. Соболев А. М. Разведчики уходят в поиск / А. М. Соболев. М.: Воениздат, 1963. 183 с.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 33. О. 11458. Д. 2. (Приказ Главного управления кадров НКО СССР от 11.01.1942).
10. ЦАМО. Ф. 33. О. 11458. Д. 13. (Донесение о безвозвратных потерях от 05.11.1941).
11. ЦАМО. Ф. 56. О. 12220. Д. 16. Л. 31. (Приказ Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии от 19.05.1942).
12. ЦАМО. Ф. 56. О. 12220. Д. 52. (Приказ об исключении из списков №0720 от 04.09.1942).
13. ЦАМО. Ф. 56. О. 818883. Д. 1390. (Донесение о безвозвратных потерях от 12.05.1942).
14. ЦАМО. Ф. 58. О. 818883. Д. 1126, л. 2. (Донесение о безвозвратных потерях от 18.02.1942).
15. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Д. 166. Л. 50-51. (Оперативная сводка Штаба артиллерии Западного Фронта № 74 от 23.10.1941).
16. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Д. 166. Л. 52-54. (Оперативная сводка Штаба артиллерии Западного Фронта № 75 от 24.10.1941).
17. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Д. 216. (Журнал боевых действий войск Западного фронта за октябрь 1941 г.).
18. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Дело 230. Документ 382. (Заключение по вопросу оставления войсками 5 А г. Можайск 18 октября 1941 г. от 23 октября 1941 г.).
19. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Дело 230. Документ 435. (Отчет о боевых действиях по поводу сдачи противнику Волоколамска от __ октября 1941 г.).
20. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Д. 4. Л. 46-47. (Донесение 151 мсбр от 23.10.1941).
21. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Д. 19. Документ 25. (Донесение о численном и боевом составе штаба 33 Армии от 21.10.1941).
22. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Д. 21. (Журнал боевых действий 33 А 17.10.1941 — 1.11.1941).
23. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 4. Л. 84. (Оперативная сводка штаба 1 Гв. мсд от 10.00 часов 22.10.1941).

24. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 4. Л. 87. (Боевое донесение штаба 1 Гв. мсд от 22.10.1941).
25. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 4. Л. 88. (Оперативная сводка штаба 1 Гв. мсд от 23.10.1941 22:00).
26. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 4. Л. 89. (Боевое донесение 1 Гв. мсд от 24:00 часов 24.10.41).
27. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 4. Л. 92. (Оперативная сводка штаба 1 Гв. мсд от 24.10.1941 18:00).
28. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 105. Л. 20-21. (Боевое донесение штаба артиллерии 1 Гв. мсд от 25.10.41).
29. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Дело 106. Документ 10. Л. 29. (Оперативная сводка штаба артиллерии 1 Гв. мсд от 22.00 часов 23.10.1941).
30. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 128. (Оперативная сводка штаба 33 А от 04:00 23 октября 1941).
31. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 131. (Оперативная сводка штаба 33 А от 03:00 24 октября 1941).
32. ЦАМО. Ф. 3098. О. 1. Д. 2. Л. 130-131. (Рассылка телеграммы Военного Совета Западного фронта командующим 5 А Л. А. Говоровым от 27 октября 1941 г.).
33. ЦАМО. Ф. 3098. О. 1. Дело 2. Документ 345. Л. 168-169. (Рассылка Приказа войскам Западного фронта от 13.10.1941 командующим 5 А Л. А. Говоровым).
34. ЦАМО. Ф. 3101. О. 1. Д. 1. (Журнал боевых действий 16 тп, 12 тп, 5 тбр с 30.7.1941 по 1.1.1942).
35. ЦАМО. Ф. 3391. О. 1. Дело 5. Документ 129. Л. 71. (Оперативная сводка штаба 33 А от 14:00 23 октября 1941).
36. ЦАМО. Ф. 3391. О. 1. Дело 5. Документ 130. Л. 76. (Оперативная сводка штаба 33 А от 16:00 24 октября 1941).
37. NARA microfilm roll T312. Roll 143 starting frame 1681609. (A. O. K. 4, Ia, Kriegstagebuch Nr. 9).
38. NARA microfilm T312 Roll 145 starting frame 7684377. (A. O. K. 4, Ia — Anlagen A 7 zum K.T.B. Nr. 9).
39. NARA microfilm T314. Roll 1470 starting frame 001. (LVII AK, Ia, Kriegstagebuch Nr. 1).
40. NARA microfilm T315. Roll 1814 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 6 258 Inf Div 18012/5 dated 21 Jul 41 - 25 Jan 42).
41. Pflanz H.-J. Geschichte der 258. Infanterie Division, II. Teil, Der Feldzug gegen die Sowjet-Union 1941 und 1942 Sturm auf Moskau, Auffangen der russischen Gegenangriffs / H.-J. Pflanz, V. von Rieben, G. Gudelius et al. Neckargemund: Kurt Vowinckel Verlag, 1978. 291 S.
42. Pflanz, H.-J. An der Rollbahn nach Moskau: Das III/479 bei Naro Fominsk 1941 // Alte Kameraden. No. 2. February 1974. Pp. 20-21.

Jack RADEY¹
Charles SHARP²
Elena G. BRUNOVA³

UDC 935

**NO FURTHER — THE BATTLE FOR NARO-FOMINSK,
20-31 OCTOBER AND 1-3 DECEMBER 1941.
PART TWO***

¹ Military Historian (Eugene, Oregon, USA)
radey.zhukov.jack@gmail.com

² Military Historian (University Place, Washington, USA)
ccsfort@earthlink.net

³ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of the English Language, Military Historian,
University of Tyumen
egbrunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8493-5932

Abstract

This article is a part of a much bigger project. Two of the authors (Jack Radey and Charles Sharp) are writing a book on the fighting west of Moscow from about 9 October to 31 October 1941. Our purpose is to examine why the German offensive against Moscow was stopped by the end of October.

There are no studies in English that convincingly explain this. Our approach is operational and tactical analysis, based on extensive use of Soviet and German archival documents, as well as memoirs, and secondary historical books and articles in all languages. We have found

---

* Continuation. The beginning is published in Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 4 (24), pp. 113-164.
DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

Citation: Radey J., Sharp Ch., Brunova E. G. 2021. "No Further — The Battle for Naro-Fominsk, 20-31 October and 1-3 December 1941". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 159-200.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-159-200

---

that nearly all the documents are contradictory or omit important information, sometimes deliberately, sometimes because accurate data was lacking.

Our method has been to compare them critically to determine what actually happened. This is challenging work, but we are confident that our analysis explains and clarifies the data from the raw documents. Our conclusions so far point to the outcome of these battles being the result of several factors, the most important being: incompetent German planning and logistics, an absence of clear and obtainable German objectives, and effective Soviet resistance.

This research was done to clarify our understanding of the fighting around Naro-Fominsk and because the Naro-Fominsk fighting reflects these factors in microcosm.

Here, the second part of the research is presented.

Keywords

National Russian history, Great Patriotic War, Battle for Moscow, fighting around Naro-Fominsk, 33rd Army, 1st Guards Motorized Rifle Division, 258th Infantry Division.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-159-200

REFERENCES

1. Golubev A. A. Rubezhi slavy podmoskov'ya: Moskovskaya oblast v Bitve za Moskvu [Lines of Glory at Moscow: Moscow Oblast in the Battle of Moscow]. Moscow: Knizhnyi Mir, 2013. 383 pp. [In Russian]
2. Zhuk Yu. A. Neizvestnye stranicy bitvy za Moskvu [Unknown pages of the Battle of Moscow]. Moscow: AST: Khranitel, 2008. 731 pp. [In Russian]
3. Isayev A. V. Chudo pod Moskoj [Miracle at Moscow]. Moscow: Yauza, 2019. 448 pp. [In Russian]
4. Kuznetsov P. G. Gvardejcy-moskvichi [Guards — Muscovites]. Moscow: Voenizdat, 1962. 292 pp. [In Russian]
5. Mel'nikov V. M. Ikh poslal na smert Zhukov? Gibel armii generala Yefremova [Sent to Their Deaths by Zhukov? The Death of the Army of General Yefremov]. Moscow: Eksmo Yauza, 2009. 733 pp. [In Russian]
6. Melnikov V. M. Naro-Fominskii Proryv — Zabytye stranitsy bitvy za Moskvu [Naro-Fominsk Breakthrough — forgotten pages of the battle for Moscow]. Moscow: Patriot, 2012. 418 pp. [In Russian]
7. Nevzorov B. Oboronitelnye boi 1 Gv. msd pod Moskvoi [Defensive Battles of the 1st Guards Motorized Rifle Division at Moscow]. Voenno-Istoricheskii Zhurnal. 1976. No. 10, pp. 36-40. [In Russian]
8. Sobolev A. M. Razvedchiki uhodyat v poisk [Scouts are leaving for a raid]. Moscow: Voenizdat, 1963. 183 pp. [In Russian]
9. Centralnyj arhiv ministerstva oborony RF [Central Archives of the Russian Defense Ministry. Hereafter — TsAMO]. F. 33. O. 11458. D. 2. (Prikaz Glavnogo upravleniya kadrov NKO SSSR — Order of the Main Personnel Directorate of the USSR People's Commissariat for Defense dated 11.01.1942) [In Russian]

10. TsAMO. F. 33. O. 11458. D. 13. (Donesenie o bezvozvratnyh poteryah — Report of Permanent Losses dated 05.11.1941) [In Russian]
11. TsAMO. F. 56. O. 12220. D. 16. L. 31 (Prikaz Glavnogo upravleniya formirovaniya i ukomplektovaniya vojsk Krasnoj Armii — Order of the Main Directorate of the Red Army for the Activation and Formation of Forces dated 19.05.1942) [In Russian]
12. TsAMO. F. 56. O. 12220. D. 52. (Prikaz ob isklyuchenii iz spiskov No. 0720 — De-listing Order No. 0720 dated 04.09.1942) [In Russian]
13. TsAMO. F. 56. O. 818883. D. 1390. (Donesenie o bezvozvratnyh poteryah — Report of Permanent Losses dated 12.05.1942) [In Russian]
14. TsAMO. F. 58. O. 818883. D. 1126. L. 2 (Donesenie o bezvozvratnyh poteryah — Report of Permanent Losses dated 18.02.1942) [In Russian]
15. TsAMO. F. 208. O. 2511. D. 166. (Operativnaya svodka 74 ot 23.10.1941, Shtab artillerii Zapadnogo Fronta — Operational Summary No. 74 of 23 October 1941 by Staff of Artillery of Western Front). L. 50-51. [In Russian]
16. TsAMO. F. 208. O. 2511. D. 166. (Operativnaya svodka 75 ot 24.10.1941, Shtab artillerii Zapadnogo Fronta — Operational Summary No. 75 dated 23 October 1941 by Staff of Artillery of Western Front). L. 52-54. [In Russian]
17. TsAMO. F. 208. O. 2511. D. 216. (Zhurnal boevykh deistvii voisk fronta za 10.1941 — Journal of Military Activities of the Forces of the Front during October 1941). [In Russian]
18. TsAMO. F. 208. O. 2511. Delo 230. Dokument 382. (Zaklyuchenie po voprosu ostavleniya vojskami 5 A g. Mozhajsk 18 oktyabrya 1941 g. — Conclusion regarding abandoning Mozhajsk by the 5th Army on 18 October 1941 dated 23.10.1941). [In Russian]
19. TsAMO. F. 208. O. 2511. Delo. 230 Dokument 435 (Otchet o boevykh dejstviyah po povodu sdachi protivniku Volokolamska ot __ oktyabrya 1941 g. — Combat report regarding abandoning Volokolamsk to the enemy dated __.10.1941). [In Russian]
20. TsAMO. F. 388. O. 8712. Delo 4. Dokument 4. L. 46-47 (Donesenie 151 msbr — Report from 151st Motorized Rifle Brigade dated 23.10.1941) [In Russian]
21. TsAMO. F. 388. O. 8712. Delo 19. Dokument 25 (Donesenie o chislennom i boevom sostave shtaba 33 A ot 21.10.1941 — Report on the Personnel and Combat Strength from HQ of 33rd Army, dated 21.10.1941). [In Russian]
22. TsAMO. F. 388. O. 8712. D. 21. (Zhurnal boevykh deistvii 33 Armii — Journal of Combat Activities of the 33rd Army 17.10.1941 — 1.11.1941). [In Russian]
23. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 4. L. 84 (Operativnaya svodka shtaba 1 Gv. Msd ot 10.00 22.10.1941 — Operational Summary from HQ of 1st Guards Motorized Rifle Division dated 22.10.1941 10.00 hrs). [In Russian]
24. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 4. L. 87 (Boevoe donesenie shtaba 1 Gv. Msd ot 22.10.1941 — Combat Report from HQ of 1st Guards Motorized Rifle Division dated 22.10.1941). [In Russian]
25. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 4. L. 88 (Operativnaya svodka shtaba 1 Gv. Msd ot 23.10.1941 22:00 — Operational Summary from HQ of 1st Guards Motorized Rifle Division dated 23.10.1941 22.00 hrs) [In Russian]
26. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 4. L. 89. (Boevoe donesenie shtaba 1 Gv. Msd ot 24:00 24.10.1941 — Combat Report from HQ of 1st Guards Motorized Rifle Division dated 24.10.1941 24:00 hrs). [In Russian]

27. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 4. L. 92 (Operativnaya svodka shtaba 1 Gv. Msd ot 24.10.1941 18:00 — Operational Summary from HQ of 1st Guards Motorized Rifle Division dated 24.10.1941 18.00 hrs) [In Russian]
28. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 105. L. 20-21. (Boevoe donesenie Shtaba artillerii 1 Gv. Msd ot 25.10.1941 — Combat Report from the Staff of Artillery of the 1st Guards Motorized Rifle Division dated 25.10.1941). [In Russian]
29. TsAMO. F. 1044. O. 1. Delo. 106. Dokument 10. L. 29. (Operativnaya svodka Shtaba artillerii 1 Gv. Msd ot 23.10.1941 22:00 — Operational Summary by Staff of Artillery of the 1st Guards Motorized Rifle Division dated 23.10.1941 22:00 hrs). [In Russian]
30. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 128. (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 04:00 23.10.1941 — Operational Summary of the HQ of 33rd Army dated 23.10.1941 04:00 hrs). [In Russian]
31. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 131. (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 03:00 24.10.1941 — Operational Summary of the HQ of 33rd Army dated 24.10.1941 03:00 hrs). [In Russian]
32. TsAMO. F. 3098. O. 1. D. 2. L. 130-131. (Rassylka telegrammy Voennogo Soveta Zapadnogo fronta komanduyushchim 5 A L. A. Govorovym ot 27.10.1941 — Distribution of the telegram of the Military Council of the Western Front by the 5th Army Commander L. A. Govorov dated 27.10.1941) [In Russian]
33. TsAMO. F. 3098. O. 1. Delo 2. Dokument 345. L. 168-169. (Rassylka Prikaza vojskam Zapadnogo fronta ot 13.10.1941 komanduyushchim 5 A L. A. Govorovym — Distribution of the Order to the forces of the Western Front dated 13.10.1941 by the 5th Army Commander L. A. Govorov). [In Russian]
34. TsAMO. F. 3101. O. 1. D. 1. (Zhurnal boevykh deistvii 16 tp, 12 tp, 5 tbr s 30.7.1941 po 1.1.1942 — Journal of Combat Activities of the 16th Tank Regiment, 12th Tank Regiment, 5th Tank Brigade from 30.7.1941 to 1.1.1942). [In Russian]
35. TsAMO. F. 3391. O. 1. Delo 5. Dokument 129 (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 14:00 23.10.1941 — Operational Summary of the HQ of 33rd Army dated 23.10.1941 14:00 hrs). [In Russian]
36. TsAMO. F. 3391. O. 1. Delo 5. Dokument 130. L. 76 (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 16:00 24.10.1941 — Operational Summary of the HQ of 33rd Army dated 24.10.1941 16:00 hrs). [In Russian]
37. NARA microfilm roll T312. Roll 143 starting frame 1681609. (A. O. K. 4, Ia, Kriegstagebuch Nr. 9).
38. NARA microfilm T312 Roll 145 starting frame 7684377. (A. O. K. 4, Ia — Anlagen A 7 zum K.T.B. Nr. 9).
39. NARA microfilm T314. Roll 1470 starting frame 001. (LVII AK, Ia, Kriegstagebuch Nr. 1.
40. NARA microfilm T315. Roll 1814 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 6 258 Inf Div 18012/5 dated 21 Jul 41 - 25 Jan 42).
41. Pflanz H.-J. Geschichte der 258. Infanterie Division, II. Teil, Der Feldzug gegen die Sowjet-Union 1941 und 1942 Sturm auf Moskau, Auffangen der russischen Gegenangriffs / H.-J. Pflanz, V. von Rieben, G. Gudelius et al. Neckargemund: Kurt Vowinckel Verlag, 1978. 291 S.
42. Pflanz H.-J. An der Rollbahn nach Moskau: Das III/479 bei Naro Fominsk 1941 // Alte Kameraden. No. 2. February 1974. PP. 20-21.

Одон Борисович ДАШИНАМЖИЛОВ¹

УДК 93/94

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1959-1970 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник
сектора аграрной и демографической истории,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
Odon@bk.ru

Аннотация

Изучение рождаемости и смертности в районах формирования советских территориально-производственных комплексов представляет большой интерес. Такие исследования позволяют ответить на вопрос, в каком направлении менялась демографическая динамика в условиях глубоких экономических и социальных изменений, происходивших у них в это время. Демографические процессы в Тюменской области в период формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) интересовали многих исследователей. Однако в их работах основное внимание уделялось миграционным перемещениям, формированию трудовых коллективов. Анализ естественного движения уделялось намного меньше внимания. К тому же он производился с привлечением общих показателей, которые обладают высокой погрешностью. В связи с этим по-прежнему не ясно, насколько в действительности изменилась рождаемость и смертность горожан. Задача статьи — изучить динамику суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни в 1960-е гг. в городских поселениях Тюменской области. Для ее решения были использованы метод условного поколения, историко-сравнительный и историко-генетический методы.

В исследовании выявлено, что первоначально в 1958/1959 гг. рождаемость и смертность городского населения были приблизительно на уровне Западной Сибири в целом. После

Цитирование: Дашинамжилов О. Б. Воспроизводство городского населения Тюменской области в 1959-1970 гг.: сравнительный анализ / О. Б. Дашинамжилов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 201-214.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214

начала формирования ЗСНГК в социально-классовой структуре произошел небольшой рост доли рабочих, в системе городского расселения снизилась роль областного центра. В результате рождаемость среди горожан Тюменской области в 1969/1970 гг. стала самой высокой среди западносибирских регионов. Суровый климат, низкие темпы строительства жилья и объектов социальной инфраструктуры, плохо налаженное медицинское обслуживание, развитие отраслей, отличающихся высоким травматизмом, рост потребления алкогольной продукции привели к тому, что ожидаемая продолжительность жизни в области стала самой низкой среди западносибирских регионов. Эти изменения в воспроизводстве произошли с учетом того, что доля северных районов в 1970 г. всё еще не превышала трети городского населения области.

Ключевые слова

Историческая демография, рождаемость, смертность, воспроизводство населения, Тюменская область, освоение Севера, специфика демографического развития.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214

Введение

Изучение рождаемости и смертности в районах формирования советских территориально-производственных комплексов представляет большой интерес. Такие исследования позволяют ответить на вопрос, в каком направлении менялась демографическая динамика в условиях глубоких экономических и социальных изменений, происходящих в них в это время. Хозяйственное обустройство малообжитых территорий, формирование особой среды жизнедеятельности трудовых коллективов, несомненно, оказывали влияние на показатели рождаемости и смертности. В данной статье будет рассмотрена специфика воспроизводственных процессов в Тюменской области на начальном этапе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Демографические процессы в Тюменской области в 1960-е гг. интересовали многих исследователей. В трудах К. Н. Мисевича и В. И. Чудновой [16], Н. Ю. Гавриловой [8], В. П. Карпова [14], В. В. Алексеева, Е. В. Логунова, П. П. Шабанова [1], Г. Ю. Колевой [15], Н. М. Пашкова [18] рассматривались различные аспекты демографического развития региона. Однако в указанных работах основное внимание уделялось миграционным перемещениям, формированию трудовых коллективов в промышленности, строительстве и других отраслях. Анализ естественного движения проводился гораздо реже, к тому же с привлечением общих показателей, которые обладают высокой погрешностью.

Однако общие коэффициенты не учитывают структуры населения, которая в районах нового освоения отличалась низкой долей пожилых когорт, из-за массового притока молодежи в трудоспособном возрасте. Исходя из этого, необходимо определить более точные характеристики рождаемости и смертности. Успешное решение этой задачи позволит выявить степень влияния происходивших в это время социально-экономических изменений на процессы воспроизводства.

Источниковую базу работы составили статистические сведения Всесоюзных переписей и текущего учета населения. Большинство материалов извлечено из центральных (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ)) и региональных (Государственный архив Тюменской области (ГАТО)) архивов и библиотек.

Методы

Как уже говорилось выше, деформации в возрастном составе населения, возникшие в результате социальных потрясений первой половины столетия, оказали сильное воздействие на абсолютные демографические показатели рассматриваемого периода. Теоретически, например, сокращение (или повышение) общего коэффициента рождаемости или смертности могло начаться без видимых внешних причин, только из-за изменения доли лиц, находящихся в репродуктивном или пожилом возрасте.

Для определения динамики воспроизводства нужно использовать методы условного поколения, которые являются более точными. Для расчетов суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни необходимы данные о возрастном составе населения и материалы текущего учета о числе рождений и смертей по пятилетним когортам. Так как данные о возрастной структуре населения краев, областей и республик собирались только во время проведения Всесоюзных переписей, то и соответствующие показатели будут вычислены за эти же годы.

Здесь важно отметить, что эти показатели были получены на основе материалов текущего учета, извлеченных из государственного архива Тюменской области. К сожалению, аналогичных данных отдельно по национальным округам выявлено не было. По нашим данным, в советское время статистика рождаемости и смертности по возрасту по подобным административным образованиям не разрабатывалась. Следовательно, рассчитать показатели воспроизводства отдельно для ХМНО и ЯННО не представляется возможным.

Результаты

Как известно, в первой половине 1960-х гг. развернулось промышленное освоение тюменского Севера. Прежде всего необходимо проанализировать процессы воспроизводства перед началом этого важного этапа в жизни Тюменской области. Согласно существующей периодизации демографической истории, в России в 1960-е гг. произошел переход к последней — третьей стадии демографической модернизации. Она характеризовалась тем, что контроль за рождаемостью распространился практически повсеместно. Семейные пары стали заводить то количество детей, которое считали нужным, планировать время их появления или даже вовсе отказываться от них [7, с. 128]. Значительное снижение детской смертности привело к тому, что необходимость в большом количестве родов отпала. Родители в модернизированном, индустриальном обществе стремились дать детям лучшее образование. Это, в свою очередь,

увеличило материальные средства и время, затрачиваемые на достижение этой цели. В отличие от традиционного общества, женщины теперь стремились активнее участвовать в общественной и культурной жизни в ущерб домашним заботам [24, с. 132].

Суммарный коэффициент рождаемости в городских поселениях России перед началом третьей стадии демографического перехода составил 2,067 ребенка на одну женщину (1958/1959 гг.). В Западной Сибири он был выше — 2,369, что было связано со многими причинами, например, с более низким уровнем образования. Как известно, у менее образованного населения рождаемость выше (см., напр., [3, с. 155]). Если в 1959 г. в городских населенных пунктах России в целом на 1 000 чел. в возрасте 10 лет и старше приходилось 39 человек с высшим образованием, 419 с неполным высшим и средним (полным и неполным), то в Западной Сибири — соответственно 26 и 385. Рождаемость была также выше в тех местах, где доля рабочих была значительнее. По материалам Всесоюзной переписи 1959 г., в социально-классовом составе западносибирского городского населения было больше рабочих (71,4 и 69,8%) и меньше служащих (25,9 и 28,2%) (подсчитано по [21]). Такое положение сохранилось и в 1970 г. Если в РСФСР доля рабочих снизилась до 66,6%, то в Западной Сибири — всего на один процент, до 70,5%. Доля служащих тоже продолжала оставаться ниже — 28,1% против 31,6%, хотя выросла почти так же, как в среднем в республике.

«Культурный уровень» населения, который тоже воздействовал на рождаемость, был ниже, однако в отличие от предыдущих лет отставание существенно сократилось. Так, например, по количеству киноустановок и клубных учреждений на 10 тыс. населения Западная Сибирь даже несколько превосходила РСФСР. По другим параметрам, например, числу библиотек, книг, радиоточек на душу населения, количеству посещений театров и музеев, уровню телефонизации — наоборот, в разной степени уступала ей. Еще в советское время было выявлено, что рождаемость у женщин, не занятых в общественном производстве, была больше [22, с. 173]. Как показывают материалы переписи, в Западной Сибири женская занятость была меньше, чем в республике. Например, в 1959 г. в городах РСФСР она составляла 42,1%, тогда как в Западной Сибири — 37,0% [10, с. 146]. В экономическом районе также более высоким являлось значение личных подсобных хозяйств, где работали преимущественно женщины [4, с. 89].

На этом фоне рождаемость в городах Тюменской области в 1958/1959 гг. составила 2,257 ребенка в расчете на одну женщину (подсчитано по [6]). По этому показателю она уступала Западной Сибири в целом, но несколько превосходила Омскую, Новосибирскую, Томскую области с похожими системами городского расселения. Это превосходство было связано с более низким уровнем образования городских жителей и относительно скромными размерами Тюмени в сравнении с другими областными центрами — Омском, Новосибирском и Томском. Как известно, чем больше численность населения города, тем ниже в нем рождаемость.

При этом ожидаемая продолжительность жизни в городах региона в 1958/1959 гг. составила почти столько же, что и в Западной Сибири в целом (67,79) — 67,85 лет (подсчитано по [19]). Значительный прирост продолжительности жизни во второй половине XX столетия стал следствием устранения в течение исторического развития общества множества негативных факторов (голод, войны, эпидемии, социальная нестабильность и т. д.). Благодаря развитию общественного здравоохранения, образовательной и социальной инфраструктуры, законодательства по защите прав трудящихся, повышению благосостояния населения, активизации государственной социальной политики уровень смертности значительно снизился.

Вместе с тем в восточных регионах она была по-прежнему несколько выше, чем в РСФСР, из-за суровых климатических условий, отставания в формировании социальной инфраструктуры, характера экономики с большой долей отраслей, отличающихся высоким травматизмом (добывающая промышленность, строительство), более низкого уровня образования. В Западной Сибири самое благоприятное положение сложилось в Новосибирской (68,16 лет) и Омской областях (68,31 лет) с крупными административными центрами, где низкой смертности способствовали диверсифицированная структура городского хозяйства с развитой сферой услуг, более «продвинутой» социальной и образовательный состав населения, относительно высокая обеспеченность услугами здравоохранения.

Итак, рассмотрим изменения, которые произошли в рождаемости за межпереписной период (1959-1970 гг.). Общеизвестно, что она в 1959-1970 гг. довольно значительно снизилась. Суммарный коэффициент в городах Западной Сибири за межпереписной период уменьшился с 2,369 ребенка на одну женщину до 1,739, или более чем на четверть, тогда как в РСФСР в целом — на 16,2% (с 2,067 до 1,733). Основное падение пришлось на первую половину 1960-х гг., причем общий коэффициент (в %) сократился намного больше из-за резкого уменьшения доли лиц в репродуктивном возрасте («эхо войны»). Главной новацией законодательства о поддержке семей с детьми в 1960-е гг. стало предоставление женщинам в 1968 г. дополнительного неоплачиваемого отпуска до достижения ребенком возраста одного года, которое позволило притормозить падение рождаемости в стране.

В этот исторический период продолжал расти культурный и образовательный уровень населения, произошли перемены в социально-классовой структуре, увеличилась доля служащих. Однако такие перемены должны были вызвать плавное, а не столь сильное сокращение рождаемости, так как существовали сдерживающие факторы, например, рост материального благосостояния людей. Активизировалась социальная политика государства, особенно в брежневский период: возросла заработная плата, увеличилось производство предметов потребления, за 1966-1970 гг. реальные доходы населения повысились на треть.

Основной причиной снижения рождаемости стала государственная политика, проводимая в это время, нацеленная на повышение занятости женщин в народном хозяйстве и ограничение личных подсобных хозяйств. Ее результатом

стало сокращение времени, уделяемого семье и детям, что оказало сильное воздействие на репродуктивные установки населения. Если раньше женщины могли совмещать работу в домашнем хозяйстве с воспитанием детей, то теперь эти возможности были ограничены из-за строгой регламентации трудовой деятельности в учреждениях и на предприятиях. Кроме того, повышение женской занятости подталкивало выпадение части семейных доходов из-за ограничений, наложенных на ЛПХ.

Занятость женщин за 11 лет значительно выросла. Если в 1959 г. в РСФСР в общественном производстве работало 42,1% всех женщин, проживающих в городских поселениях, то в 1970 г. — уже 50,8% (мужская занятость почти не изменилась) [13, с. 154-155]. При этом занятость в личном подсобном хозяйстве, и без того незначительная, снизилась с 1,4 до 0,2%. В Западной Сибири женская занятость выросла намного больше, с 37,0 до 49,0%. Причем роль личных подсобных хозяйств упала до среднереспубликанских значений (с 3,5% в 1959 г.). Именно этим можно объяснить более сильное по сравнению с республикой падение рождаемости в Западной Сибири.

На этом фоне рождаемость в городах Тюменской области снизилась всего на 10,7% (с 2,257 до 2,015 ребенка на одну женщину) (подсчитано по [12]). Формально в области происходили те же процессы, что и в республике. Доля женщин, задействованных в общественном производстве, за 11 лет увеличилась с 38,8 до 49,5%, удельный вес занятых в личном подсобном хозяйстве уменьшился с 2,2 до 0,2% [20, с. 21]. Количество лиц с высшим, незаконченным высшим и средним образованием в расчете на 1 000 чел. выросло даже больше, чем в Западной Сибири в целом, в том числе благодаря развитию нефтяной отрасли, где требовались грамотные специалисты.

Небольшое падение рождаемости обусловил рост, хотя и незначительный, доли рабочих в городских поселениях — с 66,8 до 67,9% на фоне некоторого снижения в Западной Сибири. Особенно заметно трансформировалась социально-классовая структура в Ханты-Мансийском национальном округе, где удельный вес рабочих за 11 лет повысился с 62,4 до 71,5%, а служащих — упал с 33,2 до 27,9%. В Ямало-Ненецком национальном округе изменения тогда были еще несущественными. Причем мы полагаем, что у рабочих с высшим образованием рождаемость была всё же больше, чем у служащих с аналогичным образовательным уровнем. Важной причиной стало изменение системы городского расселения. Еще в советское время демографы выяснили, что чем меньше размер населенного пункта, тем выше в нем рождаемость, и наоборот.

В большинстве западносибирских регионов демографическая роль крупных городов увеличилась. Так, в Новосибирской области за межпереписной период доля административного центра в городском населении выросла с 69,5 до 70,9%, в Томской области — с 69,1 до 72,7%, удельный вес крупных городов повысился также в Кемеровской области. В Тюменской области, наоборот, значение областного центра несколько сократилось с 41,6 до 39,0%. В связи с освоением северных районов появилось множество небольших городских населенных

пунктов. Так, общее количество городских поселений в регионе увеличилось почти в два раза (с 20 до 39). Если рассматривать структуру городского расселения более детально, то можно увидеть, что доля самых маленьких городов и пгт (до 20,0 тыс. чел.) повысилась за 11 лет с 23,1 до 30,4%.

В результате в городских поселениях Тюменской области в 1969/1970 гг. суммарный коэффициент рождаемости стал самым высоким среди западносибирских регионов. При этом, если рассматривать национальный состав населения, то доля русских, украинцев и белорусов, то есть народов с близкими характеристиками репродуктивного поведения, в изучаемый период даже увеличилась. Соответственно, этот фактор на рождаемость еще не оказывал воздействия.

Теперь рассмотрим перемены, которые произошли в смертности. Обнаружено, что ожидаемая продолжительность жизни в городах Тюменской области в 1969/1970 гг. оказалась почти на два года меньше, чем в Западной Сибири (66,29 против 68,20 лет) (подсчитано по [9]). Возрастные коэффициенты смертности были выше почти во всех пятилетних когортах. Если брать непосредственно северные районы, без юга области, то у них, особенно в Ханты-Мансийском национальном округе, продолжительность жизни была, вероятно, еще на несколько лет меньше.

Объяснение причин высокой смертности лежит на поверхности. Это, прежде всего, низкие темпы строительства жилья и объектов социальной инфраструктуры — распространенное явление в новых промышленных районах. Обеспеченность жильем в новых населенных пунктах была очень низкой. Так, в 1966 г. примерно 30,0% всех мигрантов, прибывавших в Среднее Приобье, проживало в балках, вагончиках и палатках, которые формировали целые кварталы в новых городах. В некоторых балках не было даже электричества. Первые создаваемые поселения не были рассчитаны на проживание большого количества людей, в результате чего в некоторых местах в качестве жилья приходилось использовать старые пароходы. Обеспеченность коммунальными услугами жилых домов и их качество были неудовлетворительными [8, с. 106-108]. В новых промышленных районах систему коммунального обслуживания пришлось создавать практически заново.

На начальных этапах воду приходилось брать из близлежащих озер и рек. В результате выросла заболеваемость острыми кишечными инфекциями. Наплыв населения лишь осложнил эпидемиологическую обстановку. Например, в Мегроне из-за отсутствия водопровода, очистных сооружений периодически возникали вспышки дизентерии и других инфекций. На 1 200 чел. в поселке был всего один врач, фельдшер, санитарка и хирург. Квалифицированная медпомощь не оказывалась из-за отсутствия подходящих площадей [5, с. 82]. Собственно, такая ситуация складывалась не только в центрах нефтедобычи, но и в других городах. Так, примерно в это же время в Нягани на 1 500 чел. приходилось только три медицинских работника, в том числе один врач [17, с. 98].

В Сургуте медицинское обслуживание первоначально было организовано в вагончике. В созданном здравпункте на первых порах работал только один

врач. Современный больничный комплекс появился только в 1973 г. К этому следует добавить и непривычно суровые климатические условия, которые были особенно тяжелы для работников, прибывших из европейской части страны. Справедливости ради следует отметить, что строительство жилья и объектов социальной инфраструктуры на Севере стоило гораздо дороже, чем в центральных или южных районах.

Обеспеченность учреждениями здравоохранения стала расти медленно. Еще до начала интенсивного промышленного развития Тюменская область уступала другим регионам. Если в целом по Западной Сибири в 1960 г. на каждые 10 тыс. чел. приходилось 16,4 врача, то в Тюменской области — 13,2. Меньше было только в Алтайском крае (10,1). Спустя восемь лет, к 1968 г., разрыв сохранился. Обеспеченность врачами в Западной Сибири увеличилась до 22,9, в области — до 18,3. Между тем, если рассматривать Ханты-Мансийский национальный округ, то там за 1960-1968 гг. этот показатель повысился незначительно — с 11,6 до 13,4, то есть отставание увеличилось. Среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел. в округе за эти же годы стало даже меньше [25, с. 338]. В больницах не хватало мест. Затрудняло медицинское обслуживание отсутствие устойчивого транспортного сообщения, которое первоначально носило сезонный характер. Что касается Ямало-Ненецкого национального округа, то на начальных этапах становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса его промышленное развитие шло медленно, показатели здравоохранения продолжали стабильно расти.

По воспоминаниям А. Н. Филимонова, первого начальника Усть-Балыкской конторы бурения: «Погода нас встретила нормальная — минус 36°... Где я в ту пору жил? Там, где оказывалось сегодня свободное место. Как у Ильфа и Петрова: „Спи скорее. Твоя подушка нужна другому“. Всё было проблемой: и жилье, и питание, и оборудование, и механизмы, и люди. <...> Участок Уфимского строительного управления не выполнял план по строительству, мы оставались на зиму без жилья... Разрешили построить деревянные балки. „Добро“ дали на 50, мы построили 380. И все-таки еще долго жили по восемь человек в комнате, предназначенной для двоих» [11, с. 63]. И такое положение складывалось во многих других местах.

Отраслевая структура экономики тоже влияла на уровень смертности. Если в ней преобладали добывающие отрасли или строительство, то смертность от внешних причин была выше средних значений. На начальных стадиях много сил и времени уделялось созданию предприятий и производственной инфраструктуры, что увеличивало риски для жизни. В северных районах хозяйственная жизнедеятельность отягощалась суровыми климатическими условиями, болотистой необжитой местностью, отсутствием регулярного транспортного сообщения. Воспоминания нефтяников изобилуют описаниями аварий, поломок, утонувшей или поврежденной техники, нештатных ситуаций. Первопроходцы, на которых выпала основная тяжесть первых лет освоения Севера, часто умирали, еще не дожив до старости.

К этому следует добавить, что потребление алкогольной продукции в развитых в промышленном отношении регионах было высоким. Это повышало смертность от многих причин, особенно от несчастных случаев, отравлений и травм. По мнению Б. Ц. Урланиса, алкоголизм в мире вызывал примерно шесть процентов всех смертей. В нашей стране этот показатель был гораздо выше, так как арифметические выкладки ученого были получены с учетом голода и войн, влияние которых в рассматриваемый период в нашей стране было минимальным. Кроме того, по масштабам потребления спиртных напитков, особенно крепких видов, СССР прочно удерживал одно из лидирующих позиций в мире. Выпуск алкогольной продукции за 15 лет (1950-1965 гг.) в республике увеличился в три раза, а потребление на душу населения за 1960-1970 гг. — в 1,8 раза. По данным, опубликованным в статистических сборниках, правда, относящихся к более позднему периоду, потребление алкоголя в области в 1980 г. было самым высоким в Западной Сибири — 11,4 литра на душу населения в год (включая женщин, детей и лиц пенсионного возраста) при среднем показателе для экономического района в 10,3 литра.

В результате вышеназванных причин смертность от несчастных случаев, отравлений и травм в городах региона уже к 1970 г. существенно увеличилась, достигнув 193,2 на 100,0 тыс. чел. (в Западной Сибири — 143,3). Связь производственного травматизма и алкоголизма в Тюменской области подтверждается в других демографических работах [2, с. 125]. Возможно, некоторую роль сыграло то, что в первые годы становления ЗСНГК на работу привлекалось много условно освобожденных из мест заключения и других «социально чуждых» социалистическому обществу элементов (см., напр., [23, с. 11]).

Заключение

Итак, несмотря на то, что доля ХМНО и ЯННО в населении Тюменской области значительно возросла за межпереписной период (с 15,9 до 29,8%), она всё еще оставалась небольшой. Тем не менее хозяйственное освоение Севера стало влиять на областные демографические показатели. Изменились социально-классовая структура населения, система городского расселения и распределение отраслей в экономике. Большое влияние оказал характер социального развития новых промышленных районов. В итоге впервые в отечественной историографии выявлено, что в результате формирования новых промышленных районов по уровню рождаемости в городских поселениях область вышла на первой место в Западной Сибири, а по ожидаемой продолжительности жизни — на последнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя) / В. В. Алексеев, Е. В. Логунов, П. П. Шабанов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 174 с.

2. Бедный М. С. Медико-демографическое изучение населения / М. С. Бедный. М.: Статистика, 1979. 223 с.
3. Борисов В. А. Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. М.: Статистика, 1976. 248 с.
4. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946-1960 гг.) / С. С. Букин. Новосибирск: Наука, 1984. 271 с.
5. Великопольский С. Д. Мегионский марафон / С. Д. Великопольский. Тюмень: Мандрика, 2004. 384 с.
6. Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972. 522 с. (ДСП). С. 306; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1892. Л. 23-23 об. Д. 2174. Л. 13-13 об.
7. Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
8. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 39. Д. 1357. Л. 4-6. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 44-45. Д. 143. Л. 45-46.
10. Дашинамжилов О. Б. Городское население Западной Сибири в 1960-1980-е годы: Историко-демографическое исследование / О. Б. Дашинамжилов. Новосибирск: Наука: СО РАН, 2018. 368 с.
11. «Долгая дорога к нефти» (Публицистическое повествование о становлении коллектива ОАО «Сургутнефтегаз»). Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1997. 352 с.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том 2. Часть 1. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: ЦСУ СССР, 1971 (ДСП); ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 26-26 об. Д. 143. Л. 25-25 об.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том V. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства: стат. сб. М.: Статистика, 1973. 303 с.
14. Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.) / В. П. Карпов. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. 315 с.
15. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.) / Г. Ю. Колева. Тюмень: Вектор Бук, 2010. 258 с.
16. Мисевич К. Н. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири / К. Н. Мисевич, В. И. Чуднова. Новосибирск: Наука, 1973. 209 с.
17. Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: Волот, 1995. 154 с.
18. Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса, 1964-1980 гг. / Н. М. Пашков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 240 с.
19. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М.: ЦСУ СССР, 1960; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1892. Л. 39. Д. 2174. Л. 40.

20. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Тюменской области. М.: ЦСУ РСФСР, 1970. 21 с. (ДСП).
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1568. Л. 22. Д. 1570. Л. 25. Д. 1571. Л. 27, 39. Д. 1572. Л. 40, 79.
22. Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи / Е. А. Садвокасова. М.: Медицина, 1969. 191 с.
23. Салмин В. Д. Город на заре: О тех, кто создавал Нижневартовск и прославил его / В. Д. Салмин. Тюмень: Мандрики, 2000. 216 с.
24. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р. И. Сифман. М.: Статистика, 1974. 183 с.
25. Экономика и культура автономных областей и национальных округов: стат. сб. (ДСП) М.: ЦСУ РСФСР, 1970. 400 с.

Odon B. DASHINAMZHILOV¹

UDC 93/94

**REPRODUCTION OF THE URBAN POPULATION
OF THE TYUMEN REGION IN 1959-1970:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

¹ Cand. Sci. (Hist.),
Researcher of the Agrarian and Demographic History Sector,
Institute of History SB RAS (Novosibirsk)
odon@bk.ru

Abstract

The study of fertility and mortality in the regions where Soviet territorial-production complexes were formed is of great interest. Such studies make it possible to answer the question in which direction the demographic dynamics changed in the conditions of profound economic and social changes that were taking place in them at that time. Demographic processes in the Tyumen region during the formation of the West Siberian oil and gas complex interested many researchers. However, in their works, the main attention was paid to migration movements, the formation of labor collectives. Much less attention has been paid to the analysis of natural movement. In addition, it was produced using general indicators that have a high error. In this regard, it is still not clear how much the birth rate and mortality rate of city dwellers actually changed. The aim of the article is to study the dynamics of the total fertility rate and life expectancy in the 1960s. in urban settlements of the Tyumen region. For solving it, there were used the method of conditional generation, historical-comparative and historical-genetic methods.

The study revealed that initially in 1958-1959 fertility and mortality of the urban population were approximately at the level of Western Siberia. After the beginning of the Western Siberian Oil And Gas Complex formation in the social-class structure, there was a slight increase in the share of workers, in the system of urban settlement the role of the regional center decreased. As a result, the birth rate among the townspeople of the Tyumen region

---

Citation: Dashinamzhilov O. B. 2021. "Reproduction of the Urban Population of the Tyumen Region in 1959-1970: A Comparative Analysis". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 201-214.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214

---

in 1969-1970 became the highest among the West Siberian regions. The harsh climate, low rates of construction of housing and social infrastructure facilities, poorly organized medical services, the development of industries characterized by high injuries, an increase in alcohol consumption have led to the fact that life expectancy in the region has become the lowest among the Western Siberian regions. All of these changes in reproduction occurred taking into account the fact that the share of the northern regions in 1970 still did not exceed one third of the urban population of the region.

Keywords

Historical demography, birth rate, mortality, population reproduction, Tyumen region, development of the North, specifics of demographic development.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214

REFERENCES

1. Alekseev V. V., Logunov E. V., Shabanov P. P. 1987. Experience in solving personnel problems in the oil and gas construction of Siberia (based on the materials of Glavsibtruboprovodstroy). Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 174 pp. [In Russian]
2. Bedny`j M. S. 1979. Medical and demographic study of the population. Moscow: Statistika. 223 pp. [In Russian]
3. Borisov V. A. 1976. Prospects for fertility. Moscow: Statistika. 248 pp. [In Russian]
4. Bukin S. S. 1984. The standard of living of a working family in Siberia (1946-1960). Novosibirsk: Nauka. 271 pp. [In Russian]
5. Velikopol'skij S. D. 2004. Megion Marathon. Tyumen: Mandrika. 384 pp. [In Russian]
6. The age composition of the population of the RSFSR (according to the All-Union Census of 1970). Moscow: CzSU RSFSR, 1972, 522 pp. State archive of the Tyumen region (GATumO). F. 1112. Op. 1. D. 1892. L. 23-23 ob. D. 2174. L. 13-13 ob. [In Russian]
7. Reproduction of the population of the USSR. Moscow: Finansy` i statistika. 1983. 303 pp. [In Russian]
8. Gavrilova N. Yu. 2002. Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia. Tyumen: TyumGNGU. 283 pp. [In Russian]
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). F.A.-374. Op. 39. D. 1357. L. 4-6; GATumO. F. 1112. Op. 4. D. 117. L. 44-45; D. 143. L. 45-46. [In Russian]
10. Dashinamzhilov O. B. 2018. The Urban population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: A historical and demographic study. Novosibirsk: Nauka, SO RAN. 368 pp. [In Russian]
11. "The Long Road to Oil" (A journalistic narrative about the formation of the collective of OJSC "Surgutneftegaz"). Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo. 1997. 352 pp. [In Russian]
12. Results of the All-Union Population Census of 1970, vol. 2, part 1. Gender, age and marital status of the population of the USSR, the union and autonomous republics, territories and regions. Moscow: CzSU SSSR. 1971. GATumO. F. 1112. Op. 4. D. 117. L. 26-26 ob. D. 143. L. 25-25 ob. [In Russian]

13. Results of the All-Union Population Census of 1970, vol. V. Distribution of the population of the USSR, the union and autonomous republics, territories and regions by social groups, sources of livelihood and branches of the national economy: stat. sat. Moscow: Statistika. 1973, 303 pp. [In Russian]
14. Karpov V. P. 2005. The history of the creation and development of the West Siberian oil and gas complex (1948-1990). Tyumen: TyumGNGU. 315 pp. [In Russian]
15. Koleva G. Yu. 2010. West Siberian oil and gas producing region: economic and social development (1960-2000s). Tyumen: Izdatel'stvo «Vektor Buk». 258 pp. [In Russian]
16. Misevich K. N., Chudnova V. I. 1973. The population of the areas of modern industrial development of the north of Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 209 pp. [In Russian]
17. Nyagan: A city in the historical background of the Lower Ob region. Ekaterinburg: Volot. 1995. 154 pp. [In Russian]
18. Pashkov N. M. 1988. Activities of the party organizations of Western Siberia for the creation and development of the oil and gas complex, 1964-1980. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 240 pp. [In Russian]
19. Distribution of the total population and married people by sex and age according to the All-Union Population Census as of January 15, 1959 (ASSR, territories and regions of the districts of Western and Eastern Siberia and the Far East). Moscow: CzSU SSSR. 1960. GATumO. F. 1112. Op. 1. D. 1892. L. 39. D. 2174. L. 40. [In Russian]
20. Distribution of the population by sex, age, nationality, language, education, marital status and source of livelihood according to the All-Union Population Census of 1970 in the Tyumen region. Moscow: CzSU RSFSR. 1970. 21 pp. [In Russian]
21. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 1562. Op. 336. D. 1568. L. 22. D. 1570. L. 25. D. 1571. L. 27, 39. D. 1572. L. 40, 79.
22. Sadvokasova E. A. 1969. Social and hygienic aspects of family size regulation. Moscow: Medicina. 191 pp. [In Russian]
23. Salmin V. D. 2000. The City at Dawn: About those who created Nizhnevartovsk and glorified it. Tyumen: Mandriki. 216 pp. [In Russian]
24. Sifman R. I. 1974. Dynamics of the birth rate in the USSR (based on the materials of sample surveys). Moscow: Statistika. 183 pp. [In Russian].
25. Economy and culture of autonomous regions and national districts: stat. sat. Moscow: CzSU RSFSR. 1970. 400pp. [In Russian]

ПРОЩАНИЕ С УЧИТЕЛЕМ

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЗАГВЯЗИНСКОГО
(4 ЯНВАРЯ 1930 Г. — 20 МАРТА 2021 Г.)

Валерий Фальков: «Загвязинский — пример безукоризненного служения науке»

Выражаю искренние соболезнования по поводу кончины Владимира Ильича.

Для меня Владимир Загвязинский навсегда останется примером безукоризненного служения науке и верности однажды выбранному пути. Всегда восхищался его мудростью, умением видеть талант в ученике и помогать его становлению. Под руководством Владимира Загвязинского защитили диссертации свыше ста кандидатов наук, а научное сообщество пополнили 24 доктора наук.

Имя Владимира Загвязинского широко известно не только за пределами тюменского региона, но и во всём международном педагогическом сообществе. Мы будем помнить его как выдающегося педагога, автора собственной педагогической методики,

человека, сумевшего личным примером показать всем, как много может сделать для России преданный своему делу ученый.

Владимир Ильич прожил достойную жизнь, всегда был прекрасным наставником, душой коллектива и образцом для подражания для тысяч молодых педагогов. Его вклад в развитие педагогики как науки невозможно переоценить. Убежден, еще десятки лет ряд дисциплин будут преподавать, опираясь на его научные труды и написанные им учебники.

Светлая память о Владимире Загвязинском навсегда сохранится в сердцах близких, коллег и друзей.

*Валерий Николаевич Фальков,
Министр науки и высшего образования Российской Федерации*

Соболезнования от полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе Владимира Якушева

Ушел из жизни профессор Владимир Загвязинский, выдающийся российский ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации и действительный член Российской академии образования.

Владимир Ильич родился в 1930 г. в Москве, но всю свою сознательную жизнь прожил в Тюменской области, где прошел путь от учителя истории до заведующего кафедрой Тюменского государственного университета. И в каждой своей педагогической ипостаси он оставался Учителем с большой буквы.

Профессор Загвязинский был ровесником Тюменского университета и полвека горячо и преданно служил науке в стенах вуза. За это время он подготовил около 500 научных и учебно-методических работ, в том числе более 20 учебников и учебных пособий, стал автором собственной научно-педагогической школы. Под его чутким руководством 108 кандидатов наук и 24 доктора наук защитили свои диссертации.

В годы работы губернатором Тюменской области мне повезло общаться с Владимиром Ильичом и наблюдать за результатами его колоссальной педагогической деятельности. Неслучайно говорят, что жизнь страны на равных с политиками и экономистами формируют педагоги — те, кто помогает укреплять нравственные и патриотические основы будущих поколений. У Владимира Загвязинского в силу его уникального педагогического таланта всегда получалось сохранять тесное взаимодействие с разными поколениями учеников, оставаясь при этом всегда мудрым и интересным собеседником, которого всегда хотелось слушать, которому во многом хотелось следовать.

Выражаю искренние соболезнования родным и близким Владимира Ильича и всему коллективу Тюменского государственного университета. Светлая память о профессоре Загвязинском сохранится в наших сердцах как ориентир искреннего и преданного служения науке и педагогике.

*Владимир Владимирович Якушев,
Полномочный представитель Президента РФ в Уральском федеральном округе*

**Губернатор выразил соболезнования в связи с кончиной
ученого и педагога Владимира Загвязинского**

20 марта 2021 г. ушел из жизни доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета Владимир Ильич Загвязинский.

Гениальный ученый и талантливый педагог, автор более 450 учебников, учебных пособий и монографий, получивших высокую оценку теоретиков и практиков образования, он всегда активно влиял на инновационный характер образовательного процесса как в регионе, так и за его пределами. Заслуженным признанием в образовательном сообществе России пользуется известная научно-педагогическая школа академика Загвязинского.

Целеустремленность, настойчивость, принципиальность и работоспособность Владимира Ильича будут и в дальнейшем служить примером многим поколениям ученых и педагогов. Его уход из жизни — невосполнимая утрата для всех, кто его знал, для учеников и последователей.

Светлая память о Владимире Ильиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Александр Викторович Моор,
Губернатор Тюменской области*

**Президиум Академии с прискорбием сообщает о кончине
академика РАО Владимира Ильича Загвязинского**

Президиум Российской академии образования с прискорбием сообщает, что на 92-м году жизни не стало Владимира Ильича Загвязинского, советского и российского ученого и педагога, создателя известной в России научно-педагогической школы, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора педагогических наук, профессора Тюменского государственного университета, академика РАО.

Владимир Ильич Загвязинский окончил в 1952 г. Тюменский педагогический институт. Последующие двадцать лет Владимир Ильич работал учителем истории, директором вечерней школы, преподавателем, доцентом и проректором пединститута.

С 1973 г. жизнь ученого непосредственно была связана с Тюменью, где он жил и работал до последних дней. Он трудился в Тюменском государственном университете в качестве руководителя кафедры педагогики и психологии, а с 1988 г. занимал пост руководителя кафедры теории и методики педагогического процесса (ныне академическая кафедра методологии и теории социально-педагогических исследований).

Профессиональные интересы Владимира Ильича Загвязинского были сосредоточены в области методологии научно-педагогического исследования, инновационного развития образования, педагогики высшей школы. Владимир Загвязинский — автор около 480 научных и учебно-методических работ, в том числе

12 монографий, более 20 учебников и учебных пособий, изданных в центральных издательствах. Руководимые им кафедры обеспечили разработку и реализацию проектов развития более 50 инновационных образовательных учреждений Тюмени и области по проблеме «Инновационные процессы в образовании». По его инициативе в Тюменском университете были выполнены крупные исследования проблем регионального образования, а также подготовлены перспективные программы развития образования Тюменской области. За десятилетия преподавательской деятельности в вузе Владимир Ильич подготовил более тысячи квалифицированных педагогов. Под его руководством защищено 24 докторских и 108 кандидатских диссертаций. В возглавляемом Владимиром Ильичом диссертационном совете защищены 35 докторских и 212 кандидатских диссертаций.

Владимир Ильич Загвязинский удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Почета, орденом Дружбы, медалями «За доблестный труд», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» и золотой медалью Российской академии образования.

Выражаем искренние соболезнования и сочувствие родным, близким, коллегам и ученикам Владимира Ильича Загвязинского. Это невосполнимая утрата для российской науки и Академии!

Президиум РАО

**Глубочайшие соболезнования выражают коллеги
Владимира Ильича Загвязинского, академики РАО,
а также члены его семьи**

С глубокой печалью узнал о кончине Владимира Ильича Загвязинского. Память о нем буду хранить всю оставшуюся жизнь.

*Александр Наумович Джуринский,
Академик РАО*

***

Тяжелейшая потеря для науки и для всех, кто знал и любил Владимира Ильича. Таких ученых в РАО больше нет. Светлая память этому великому ученому и благородному принципиальному человеку.

*Марк Максимович Поташник,
Академик РАО*

***

Невосполнимая утрата постигла Тюменский государственный университет, Российскую академию образования, педагогическую общественность не только Сибири, но и всей страны.

Ушел из жизни академик Владимир Ильич Загвязинский — замечательный ученый, великолепный учитель, чудесный человек и мой искренний, дорогой друг.

Светлую память о нем сохраним в наших сердцах и продолжим дело его жизни.

Соболезнования коллегам, родным и близким.

*Владимир Пантелеймонович Борисенков,
Академик РАО*

***

Прощаюсь с моим любимым дядюшкой, Владимиром Ильичом Загвязинским.

Учитель с большой буквы, воспитавший «маленький город» продолжателей своего дела: прекрасных педагогов, кандидатов и докторов педагогических наук, которые работают по всей России. Академик, теоретик и практик, человек, обладающий природным юмором, прекрасным голосом, большим сердцем, многими талантами.

Ты научил нас работать, ценить, любить и быть преданным своему делу.

Большая семья скорбит, нам будет не хватать тебя.

*Ольга Анатольевна Загвязинская,
Советник ректора Тюменского государственного университета,
председатель Общественной палаты г. Тюмени*

Ушел человек-эпоха...

20 марта 2021 г. ушел из жизни Владимир Ильич Загвязинский — академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, выдающийся ученый-методолог и бессменный главный редактор журнала «Образование и наука».

Владимира Ильича знает и безмерно уважает вся научная и педагогическая общественность России и зарубежья. В 1998 г. В. И. Загвязинскому присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», он также награжден Орденом Трудового Красного Знамени, орденом Почета, орденом Дружбы, медалями «За доблестный труд», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» и золотой медалью Российской академии образования. Заслуженный профессор ТюмГУ.

Владимир Ильич прошел путь от учителя вечерней школы до Действительного члена РАО. Его яркая жизнь стала знаковой Эпохой в развитии отечественного образования. Из-под пера Владимира Ильича вышли более полутысячи работ, большинство которых мгновенно становились востребованными и учеными, и практиками.

Монографии, учебники и учебные пособия Владимира Ильича по методологическим проблемам образования, по дидактике и педагогической инноватике (их более 20!) — это подлинные бестселлеры. Несмотря на многократные и многотиражные переиздания этих ценнейших книг в ведущих книжных издательствах

России, спрос на них никогда не был удовлетворен полностью. Ценность научных трудов гениального академика безмерна и постоянно растет.

Рабочий кабинет Владимира Ильича был всегда открыт для посетителей. Метафора «творил в кабинетной тиши» не применима к Владимиру Ильичу: он всегда находился в живом диалоге и полемике с молодыми педагогами, маститыми учеными, опытными практиками и организаторами образования.

За годы научного творчества и наставничества Владимир Ильич Загвязинский взрастил удивительную и яркую научную школу педагогов-исследователей, в которой выросли 24 доктора и более 108 кандидатов педагогических наук, имеющих всероссийскую и международную известность, высокую научную репутацию. Уникальность и отличительная особенность самобытной научной школы, созданной академиком В. И. Загвязинским, в том, что ее участники смело разрабатывают самые разные по своей направленности научные подходы в исследовании вопросов образования и развития личности — от классических до постмодернистских.

Высочайшая методологическая требовательность и предоставление полной творческой свободы способствовали рождению в лоне научной школы Владимира Ильича целого букета самобытных концепций его учеников: авторской концепции личностно-ориентированного образования, концепции развития личности в условиях новой информационной среды, концепции педагогической герменевтики, концепции педагогической синергетики, концепции педагогической девиантологии, концепции, раскрывающей миссию современного университетского образования, теории и практики формирования культуры здоровья, теории и практики комплексного мониторинга процесса образования, концепции развития креативности школьников, а также многих других.

С благословения академика В. И. Загвязинского в возглавляемой им научной школе сформировалась когорта известных ученых-педагогов, в которой под руководством основателя научной школы работали и продолжают работать три поколения ученых — преемники, ученики и ученики преемников, инновационные идеи которых завоевали интерес и востребованность в среде российских и зарубежных педагогов.

Гениальный ученый-методолог Владимир Ильич Загвязинский, ставший классиком при жизни, не только обильно засеял ниву образования прорывными научными идеями, вооружая участников своей научной школы продуктивными технологиями, но и через страницы высокорейтингового журнала «Образование и наука» открыл путь для широкого внедрения и популяризации инновационных разработок многих и многих авторов журнала — ученых-педагогов из разных регионов России и зарубежья. Благодаря мощному интеллекту, таланту, авторитету и харизме Владимира Ильича как ученого, организатора и главного редактора, в редакционной коллегии журнала «Образование и наука» сложился сильный, работоспособный, творческий коллектив научных экспертов и редакторов, которым удалось вывести журнал на передовые позиции, во многом опережая по качеству научного контента аналогичные по тематике научные издания.

Знаменательно, что одна из последних книг Владимира Ильича называется «Наступит ли эпоха возрождения? Стратегия инновационного развития российского образования». Ответим на вопрос Учителя:

— Да! Возрождение отечественной системы образования обязательно наступит!

Студенты, аспиранты и докторанты всех педагогических вузов России завидуют белой завистью Тюменскому университету, в котором более 50 лет трудился, общался, иногда сердился и щедро раздавал похвалы выдающийся ученый и уникальный «Человек-эпоха» — Владимир Ильич Загвязинский.

Сегодня мы провожаем дорогого Учителя и глубоко скорбим, отдавая ему дань величайшего уважения и благодарности. У нас нет иного выбора кроме возможности практически доказать, что эпоха Возрождения российского образования обязательно наступит!

*Альфия Фагаловна Закирова,
доктор педагогических наук, профессор
академической кафедры методологии и теории
социально-педагогических исследований
Тюменского государственного университета*

В адрес университета поступили соболезнования от коллективов научных центров и высших учебных заведений

Ушел из жизни Владимир Ильич Загвязинский, крупнейший теоретик и методолог педагогической науки, Человек и Мыслитель, внесший свой вклад в инновационное развитие образования, а также академик Российской академии образования!

Владимир Ильич был членом Научного Совета Научного центра РАО на базе РГППУ. Но наше сотрудничество с Владимиром Ильичом по линии академии образования началось еще в 1998 г. при создании, а затем в успешной совместной деятельности Уральского отделения Российской академии образования. Именно благодаря поддержке Владимира Ильича Уральское отделение было открыто именно в Екатеринбурге — его слово было решающим. Как бессменный член бюро отделения, Владимир Ильич не пропускал ни одного заседания, принимал самое активное участие в его работе; по большому счету именно он определял научные приоритеты в деятельности отделения.

Всем хорошо помнятся его яркие и заставлявшие над многим задуматься пленарные доклады на научных конференциях УрО РАО и его неоценимая поддержка молодых ученых, имевших возможность участвовать в методологических семинарах, проводимых под его руководством.

Благодаря Владимиру Ильичу в 1999 г. был основан журнал «Образование и наука». Тогда это был журнал Уральского отделения РАО. Главным редактором журнала Владимир Ильич был до самых своих последних дней. Благодаря его

усилиям журнал за годы своего существования объединил вокруг себя большое количество исследователей и практиков Уральского региона, работающих по самым различным проблемам педагогики и образования. Сегодня это уникальный журнал, который одновременно входит в международные базы Scopus и Web of Science; в нем опубликованы тысячи статей более чем за 20 лет существования журнала. И практически каждая из них была внимательно прочитана и отрецензирована Владимиром Ильичом.

Научный центр Российской академии образования на базе РГППУ стал преемником многих традиций Уральского отделения РАО. И его самой главной традицией стало продолжение сотрудничества и партнерства с учеными и коллективом Тюменского государственного университета в частности и сотрудничество между Научными центрами РАО Тюмени и Екатеринбурга в целом. Именно Владимир Ильич Загвязинский, а также Геннадий Филиппович Куцев, с которым они были неразлучны, первыми поддержали наш Научный центр, стали научными руководителями направлений научных исследований вошли в состав Научного совета НЦ РАО РГППУ. Мы всегда могли рассчитывать на их поддержку и получали ее, они всегда были на связи.

Для всех нас, для Российской науки, для педагогов Екатеринбурга, Свердловской области, как и для педагогов всей России, уход Владимира Ильича — это большая утрата. Его вклад в развитие науки и практики образования бесценен, это то научное наследие, которое позволяет нам двигаться вперед; опираясь на его наследие, мы можем уверенно развивать образование в нашу сложную эпоху перемен.

Выражаем искренние соболезнования и сочувствие родным, близким, коллегам и ученикам Владимира Ильича Загвязинского.

*Научный Совет, коллеги Научного центра
Российской академии образования на базе РГППУ*

***

Ушел из жизни наш коллега, выдающийся педагог, российский ученый, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии образования, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Владимир Ильич Загвязинский.

Под руководством Владимира Ильича сложилась известная в нашей стране научно-педагогическая школа, с которой связано развитие многих приоритетных направлений современной педагогической науки.

Владимир Ильич был не только великолепным ученым, признанным корифеем в своей области, но и образцом человеческой и научной этики для множества людей, которым посчастливилось у него учиться и с ним работать. Для нас, его последователей — это огромная, невосполнимая утрата. Коллектив Научного центра РАО в республике Адыгея и профессорско-преподавательский состав Адыгейского государственного университета выражает искренние соболезнования

родным и близким Владимира Ильича, его коллегам, ученикам и всем, в чьей жизни оставил свой след этот уникальный ученый, талантливый педагог, человек, преданно служивший своему Отечеству. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

*Коллектив Научного центра РАО в республике Адыгея,
Адыгейский государственный университет*

***

От имени Уральского регионального научного центра Российской академии образования приносим искренние соболезнования по поводу смерти Владимира Ильича Загвязинского, академика РАО, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета.

Владимир Ильич внес огромный вклад в теоретическое обоснование концепции о движущих силах педагогических процессов, интегративных составляющих процесса обучения, внес вклад в дидактику и методику высшей школы. Под его руководством сложилась научно-педагогическая школа, с которой связано развитие многих приоритетных направлений современной педагогической науки.

Под руководством Владимира Ильича Загвязинского защищено значительное число кандидатских и докторских диссертаций и подготовлены научно-педагогические кадры, работающие в разных регионах России.

Для всех нас это невосполнимая утрата. Светлая память об этом человеке навсегда останется с нами.

*Эльвира Эвальдовна Сыманюк, директор УрНЦ РАО,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Анна Александровна Печёркина, ученый секретарь УрНЦ РАО*

***

Глубоко потрясены известием о кончине Владимира Ильича Загвязинского, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Российской академии наук, заведующего академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований вашего вуза.

Владимир Ильич являлся ведущим в стране ученым-методологом в сфере образования, создателем известной в России и за рубежом научно-педагогической школы. Он был автором без малого 500 научных и учебно-методических работ, дал теоретическое обоснование концепции о движущих силах педагогических процессов, интегративных составляющих процесса обучения, внес значительный вклад в дидактику и методику высшей школы. На протяжении

десятков лет он осуществлял плодотворное научное руководство Урало-Сибирским семинаром по практической методологии социально-педагогических исследований. Им подготовлено более 100 кандидатов наук и около 30 докторов наук.

Владимира Ильича отличали фантастическая целеустремленность, внутренняя мощь и огромная сила духа — эти свойства характера дали возможность сохранить верность однажды выбранному пути и добиться таких потрясающих результатов деятельности. Он являлся образцом человеческой и научной этики для тысяч людей, которым посчастливилось у него учиться или с ним работать. Их привлекала его глубина знаний, преданность тому делу, которым он занимался, готовность к сотрудничеству, умение неспешно и рационально решать различные профессиональные задачи.

Коллектив ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» в эти тяжелые минуты разделяет горе и скорбь родных, близких и коллег и выражает глубокое соболезнование.

*Алексей Дмитриевич Герасёв,
ректор Новосибирского государственного педагогического университета*

***

Коллектив Омского государственного педагогического университета глубоко скорбит о смерти Владимира Ильича Загвязинского, замечательного человека, многоуважаемого ученого, талантливого исследователя и популяризатора педагогической науки. Его вклад в подготовку российских ученых неocenim. В городе Омске и Омском педуниверситете под его руководством и при его участии были защищены более десяти кандидатских и докторских диссертаций. Его лекции и семинары по проблемам методологии педагогических исследований и организации экспериментальной работы в образовательных организациях разного уровня положили начало новому этапу развития педагогической практики в Омском регионе.

Под руководством Владимира Ильича в городе Омске в 2005-2012 гг. активно действовала Лаборатория инновационных педагогических идей, объединявшая 8 экспериментальных площадок на базе средних общеобразовательных школ. Уход Владимира Ильича Загвязинского — это горькая утрата, после которой жизнь оскудевает.

Приносим искренние соболезнования родным и близким Владимира Ильича, всем, кто был рядом с ним долгие годы, для кого он остается Великим Учителем.

*Иван Иванович Кротт,
ректор Омского государственного педагогического университета
Надежда Викторовна Чекалева,
заведующий кафедрой педагогики
Ирина Андреевна Маврина,
заведующий кафедрой социальной педагогики и социальной работы*

***

От себя лично и от всего коллектива Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена приношу самые искренние соболезнования по случаю кончины Владимира Ильича Загвязинского.

Владимир Ильич Загвязинский был выдающимся ученым и прекрасным педагогом. Он посвятил всю свою жизнь благородному делу образования и просвещения, создал собственную научную школу. Кончина Владимира Ильича — это тяжелая потеря не только для Тюменского государственного университета, но и для всей российской академической общественности.

Мы лишились замечательного специалиста и по-настоящему хорошего человека. Владимир Ильич Загвязинский воспитал несколько поколений талантливых учителей и педагогов, и ученики с теплотой вспоминают о своем наставнике. За отзывчивость и готовность всегда прийти на помощь Владимир Ильич пользовался уважением и любовью всех окружающих.

Герценовский университет скорбит вместе с вами. Вечная память!

*Сергей Игоревич Богданов,
ректор Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена*

***

Коллектив Томского государственного университета выражает глубочайшие соболезнования в связи с уходом из жизни Владимира Ильича Загвязинского.

Владимир Ильич останется в памяти современников как ученый мирового уровня, выдающийся педагог, организатор, внимательный наставник и научный руководитель. Владимир Ильич оказал значительное влияние на развитие педагогической науки, внес существенный вклад в совершенствование образовательной системы Тюменской области. Своей активной жизненной позицией, преданностью науке, умением направить молодое поколение ученых на верный путь и вдохновить на большие свершения Владимир Ильич завоевал любовь и уважение коллег, друзей и благодарных учеников.

Уважаемый Иван Сергеевич, глубоко сопереживаем вам, всему коллективу Тюменского государственного университета, близким и друзьям Владимира Ильича, сочувствуем невосполнимой утрате.

*Эдуард Владимирович Галажинский,
ректор Национального исследовательского
Томского государственного университета
Георгий Владимирович Майер, президент*

***

Ректорат, члены диссертационного совета, профессорско-преподавательский состав Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета приносят глубокие соболезнования по поводу ухода из жизни профессора, действительного члена Российской академии образования Владимира Ильича Загвязинского.

Для каждого из нас в разные периоды жизни он был наставником и коллегой, который всегда способствовал научному становлению молодых ученых. Мы помним глубокие по содержанию и имевшие фундаментальный характер научные методологические семинары Владимира Ильича в Челябинске, Москве и Тюмени, участниками которых были многие из нас. Он был и остается для нас примером преданности педагогике, прекрасной и сложной профессии — учитель.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким профессора Загвязинского. Мы уверены, что дело Владимира Ильича будет жить в его учениках и последователях, а также и в его трудах.

*Татьяна Александровна Чумаченко,
ректор Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета*

***

Скорбим вместе с вами по случаю смерти Владимира Ильича.

Ушла целая эпоха методологии педагогической науки. Его вклад в развитие педагогической науки неоценим, его еще предстоит осмыслить.

Более 30 лет кафедра педагогики Курганского государственного университета и лично я тесно сотрудничали с Владимиром Ильичом. Становились его соратниками, единомышленниками. Мы сохраним его мудрость, добрую память о нем и его педагогическую науку.

*Владимир Леонидович Савиных,
доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики
Курганского государственного университета*

***

Коллектив и руководство Сибирского федерального университета глубоко скорбят в связи с тяжелой утратой — кончиной на 92-м году жизни российского ученого, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Российской академии образования, заведующего академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета Владимира Ильича Загвязинского.

Сопереживая невосполнимой утрате, выражаем глубокие соболезнования коллегам, друзьям, родным и близким Владимира Ильича. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллектив и руководство Сибирского федерального университета

***

Коллектив Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Башкирского научного центра Российской академии образования глубоко опечалены уходом из жизни замечательного человека, ученого и учителя для нескольких поколений педагогов России. Для нас Владимир Ильич

служил примером профессиональной ответственности и вдохновения, преданности педагогической науке.

Выражаем искренние соболезнования родным, близким, всему коллективу Тюменского государственного университета и педагогической общественности. Осознаем величину утраты и скорбим вместе с вами.

Светлая память! Вечная память!

*Алмаз Флюрович Мустаев,
врио ректора Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы*

***

Коллектив Российского государственного профессионально-педагогического университета выражает глубокое соболезнование родным, друзьям и коллегам из Тюменского государственного университета в связи с уходом из жизни выдающегося ученого, академика Российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора Владимира Ильича Загвязинского.

Вся его жизнь — бесконечная преданность выбранному делу и служение людям. Его трудами создана целая эпоха в отечественном образовании.

Благодаря интеллекту, таланту и авторитету Владимира Ильича как ученого, организатора и бесменного главного редактора высокорейтингового научного журнала в редакционной коллегии журнала «Образование и наука» сложился сильный работоспособный коллектив научных экспертов и редакторов, которым удалось вывести журнал на передовые позиции, во многом опережая по качеству научного контента аналогичные по тематике научные издания.

Гениальный ученый-методолог Владимир Ильич Загвязинский, ставший классиком при жизни, не только щедро засеял научную ниву образования прорывными идеями, вооружая участников своей научной школы продуктивными технологиями, но и через страницы журнала «Образование и наука» открыл путь для широкого внедрения и популяризации инновационных разработок многих и многих авторов журнала — ученых-педагогов из разных регионов России и зарубежья.

Мы глубоко скорбим об Учителе, отдавая ему дань величайшего уважения и благодарности. Но мы глубоко уверены, что заданный Владимиром Ильичом гуманистический импульс, заложенные им традиции проведения и аргументированного представления результатов исследований будут поддерживать высокий методологический уровень научных изысканий и высокое качество издательской деятельности.

Мы навсегда сохраним память о Владимире Ильиче, благодарность за его труды и будем гордиться, что могли прикоснуться к воплощению его идей в современную систему российского образования.

*Валерий Васильевич Дубицкий,
и. о. ректора Российского государственного
профессионально-педагогического университета*

СОДЕРЖАНИЕ ЗА 2020 ГОД

Том 6. № 1 (21)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Разумкова Н. В.
«Ищи добра на стороне, а дом
любви по старине» (к проблеме
исследования индивидуальных
концептов в авторских текстах)..... 6

Захарова Е. Ю., Савина О. Ю.
Лексическое разнообразие текста
и способы его измерения..... 20

Кочнева Н. С.
Функциональная роль
интертекстуальных игрем
в художественном тексте
В. П. Крапивина..... 35

Пономарёва О. Б., Орлова В. И.
Когнитивные доминанты
концептосферы в романе
У. С. Моэма «Of Human Bondage»..... 48

Хабибуллина С. Б., Ульянова О. Б.
Корпусный анализ предикатов
передачи знания в текстах
аннотаций к научным статьям..... 62

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Комаров С. А., Шипов С. О.
Тексты, не включенные
И. А. Крыловым в итоговое издание
девяяти книг басен (к проблеме границ
метахудожественной целостности)..... 76

Куприн А. С., Данилина Г. И.
Пограничная ситуация
и нарратив войны (на материале
романа Даниила Гранина
«Мой лейтенант»)..... 90

ИСТОРИЯ

Пашин С. С., Юршина В. А.
К вопросу о пребывании
князя Михаила Олельковича
в Новгороде..... 105

Зыкин И. В.
Становление машиностроения
для лесопромышленного
комплекса Советского Союза
в период модернизации
конца 1920-х — начала 1940-х гг..... 119

Животова А. Н., Хажеева И. В.
Научно-исследовательская
деятельность Тюменского
государственного педагогического
института в годы Великой
Отечественной войны
(1941-1945)..... 140

Сокова З. Н.
Западная Африка:
становление национальной
государственности..... 150

ОБЗОРЫ

Марийо П.
Мой опыт войны.
Детство в оккупированной
Ла-Рошели..... 166

Рэйди Дж., Шарп Ч.
В грязи ли дело?..... 189

Том 6. № 2 (22)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Котюрова М. П.
К вопросу о соотношении
речеведения и функциональной
стилистики научного текста..... 6

Лобанова Е. А.
Гендерная реализация фрейма «власть»
в трагедии У. Шекспира «Макбет»..... 19

Кушнина Л. В.
Дискурс и перевод в культурном
измерении: дискурсивные черты
переводческой дисгармонии..... 37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Першина А. И., Эртнер Е. Н.
Литературный ландшафт Западной
Сибири в «Очерках из жизни
в Сибири» Н. А. Лухмановой..... 48

Рогачёва Н. А., Дроздова А. О.
Рефлексия собственного и чужого
творчества в рассказе «Василий
Шишков» и стихотворении
«Поэты» В. Набокова..... 64

ИСТОРИЯ

Варенцова Л. Ю.
К вопросу о правовом статусе
населения царского домена в России
в XVII в. (право пользования
государевыми оброчными угодьями)..... 79

Рязанов С. М.
Становление и развитие полиции
в заводских поселениях Урала
во второй половине XIX в. 93

Рыжкова Н. В.
Ольгинские детские приюты
Вятской губернии на рубеже
XIX-XX вв. в материалах
Центрального Государственного
архива Кировской области
(ЦГАКО, г. Киров). Историко-
архитектурный аспект..... 114

Гоголев Д. А., Макарова Е. О.
Информационные надписи
и обозначения на объектах
культурного наследия федерального
значения в городе Тюмени..... 135

Юршина В. А.
Ересь жидовствующих
на Руси XV-XVI вв..... 156

ОБЗОРЫ

Марийо П.
Мой опыт войны.
Детство оккупированной
Ла-Рошели (продолжение)..... 168

Том 6. № 3 (23)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Котюрова М. П.
Диффузность и дифференциация
стилистики научного текста
и речеведения..... 6

Табанаква В. Д., Кокорина Ю. Г.
Универсальная структура
словарной статьи — шаг
к формализации
лексикографического описания
археологической терминологии..... 22

Зиновьева А. Ю., Шереметьева С. О., Неручева Е. Д. Анализ неоднозначности концептуальной разметки русскоязычного текста.....38	Шевченко М. Н. О роли «исторической феноменоло- гии» в отечественной историографии конца XX — начала XXI в..... 154
Отт В. С. Демонизация французской прессой образа России в контексте проблемы домашнего насилия.....61	ОБЗОРЫ Марийо П. Мой опыт войны. Детство в оккупированной Ла-Рошели (окончание)..... 168
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ Дроздова А. О. Прозрачное в повести В. Набокова «Волшебник».....78	Белозёрова Н. Н. Послесловие переводчика: «деконструкция смысла».....250
Сиволобова И. А. Персонаж как дискурс на материале минидрамы Э. Елинек «Стена».....94	Том 6. № 4 (24)
ИСТОРИЯ Мехамадиев Е. А. Арабоязычные истории IX — начала X в. ад-Динавари и ат-Табари об армянских войсках на службе в византийской армии в 590-591 гг.: к вопросу о роли армянской родовой знати (нахараров).....105	ЯЗЫКОЗНАНИЕ Андреева Я. Е., Лабунец Н. В. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»..... 6
Варенцова Л. Ю. Дворцовое сельское хозяйство в России в XVII в..... 118	Белозёрова Н. Н., Исакова А. А. Прагматические доминанты текста регионального меню.....24
Балюнов И. В. Русские поселения XVII-XIX вв. в окрестностях средневекового городища Искер..... 137	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ Шипов С. О., Комаров С. А. Образ льва в басенном девятикнижии И. А. Крылова.....48
	Барыкин А. В. Книга Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь»: опыт герменевтического истолкования 63

ИСТОРИЯ

- Баязитова Г. И., Корге Л. Ю.
**Предисловие «Шести книг
о Республике» Жана Бодена.
Особенности немецкого перевода
Иоганна Освальдта.....** 76
- Гоголев Д. А., Макарова Е. О.
**Мемориализация культовых объектов
культурного наследия федерального
значения в г. Тюмени.....** 91
- Рэйди Д., Шарп Ч., Брунова Е. Г.
**Дальше ни шагу: сражение
за Наро-Фоминск 20-31 октября
и 1-3 декабря 1941 года.....** 113
- Литовченко В. П., Животова А. Н.
**Военные биографии тюменских
литераторов — выпускников
и преподавателей Тюменского
государственного университета .....** 165
- Скипина И. В., Немков А. Н.
**«Сталинки» Тюмени и их обыватели
в советской и постсоветской
повседневности.....** 181

CONTENTS FOR 2020**Vol. 6. No. 1 (21)****LINGUISTICS**

Razumkova N. V.
**To the Problem of Researching
Individual Concepts in Author's Texts**.....6

Zakharova E. Yu., Savina O. Yu.
**Lexical Diversity Measures' Review
and Classification** 20

Kochneva N. S.
**Function Intertextual Game
in a Literary Text by V. P. Krapivin**.....35

Ponomareva O. B., Orlova V. I.
**Cognitive Dominants of the Conceptual
Sphere in the Novel "Of Human
Bondage" by W. S. Maugham**.....48

Khabibullina S. B., Ulyanova O. B.
**Corpus Analysis of Reporting Verbs
in Abstracts to Research Articles**.....62

LITERATURE STUDIES

Komarov S. A., Shipov S. O.
**On the Problem of Transformation
of Philosophical and Aesthetic
Representations of the Author**.....76

Kuprin A. S., Danilina G. I.
**The Limit Situation and the Narrative
of War (on the Material of the Novel
"My Lieutenant" by Daniil Granin)**.....90

HISTORY

Pashin S. S., Yurshina V. A.
**To the Question of the Stay
of Prince Mikhail Olelkovich
in Novgorod**..... 105

Zykin I. V.
**Formation of Mechanical Engineering
for Timber Processing Complex
of the Soviet Union during the Period
of Modernization of the Late 1920s
and Early 1940s**.....119

Zhivotova A. N., Khazheeva I. V.
**Research Activities of the Tyumen
State Pedagogical Institute
During The Great Patriotic War
(1941-1945)**..... 140

Sokova Z. N.
**West Africa: The Formation
of National Statehood**..... 150

REVIEWS

Marillaud P.
**My Experience of War. Childhood
in Occupied La Rochelle**..... 166

Radey J., Sharp Ch.
Was It the Mud? 189

Vol. 6. No. 2 (22)**LINGUISTICS**

Kotyurova M. P.
**Correlation of Speechology
and Functional Stylistics
of an Academic Text** 6

Lobanova E. A. The Gender Implementation of the “Power” Frame in Shakespeare’s Tragedy “Macbeth”.... 19	Gogolev D. A., Makarova E. O. Informational Inscriptions and Signs on the Objects of the Cultural Heritage of Federal Significance in the City of Tyumen..... 135
Kushnina L. V. Discourse and Translation in Cultural Dimension: The Discursive Features of the Translation Disharmony..... 37	Yurshina V. A. The Heresy of the Judaizers in Russia of the 15th-16th Centuries 156
LITERATURE STUDIES	REVIEWS
Pershina A. I., Ertner E. N. The Literary Landscape of Western Siberia in N. A. Lukhmanova’s “Essays from the Life in Siberia” 48	Marillaud P. My Experience of War. Childhood in Occupied La Rochelle (continued)..... 168
Rogacheva N. A., Drozdova A. O. Nabokov’s Reflection on His Own and Others’ Works in the Short Novel “Vasiliy Shishkov” and Poem “The Poets” 64	Vol. 6. No. 3 (23)
HISTORY	LINGUISTICS
Varentsova L. Yu. To the Question of the Legal Status of the Population of the Tsar’s Domain in Russia in the 17th Century (The Right to Use the Sovereign’s Rent Lands)..... 79	Kotyurova M. P. Diffuseness and Differentiation of the Stylistics of a Scientific Text and Speech Studies..... 6
Ryazanov S. M. The Formation and Development of the Police in the Factory Settlements of the Ural in the Second Half of the 19th Century 93	Tabanakova V. D., Kokorina Ju. G. The Universal Structure of a Dictionary Article as a Step towards Formalizing the Lexicographical Description of Archeological Terminology 22
Ryzhkova N. V. The Olginsky Orphanages of the Vyatka Province at the Turn of the 19th-20th Centuries as in the Materials of the Central State Archive of the Kirov Region. Historical and Architectural Aspect 114	Zinoveva A. Yu., Sheremetyeva S. O., Nerucheva E. D. The Analysis of Ambiguity in Conceptual Annotation of Russian Texts..... 38
	Ott V. S. French Print Media: Demonisation of Russia’s Image in the Light of Domestic Violence Issues..... 61

LITERATURE STUDIES

- Drozdova A. O.
**Transparency in V. Nabokov's Story
"The Enchanter"** 78

- Sivolobova I. A.
**The Character as a Discourse
in E. Jelinek's Minidrama
"Die Wand"** 94

HISTORY

- Mekhamadiev E. A.
**Al-Dinawari and al-Tabari,
Arabic-Speaking Historians
in the 9th — Early 10th Century,
on the Armenian Troops
at the Byzantine Military Service
in 590-591: Towards the Participation
of the Armenian Noble Families
(Nakharars)** 105

- Varentsova L. Yu.
**Palace Agriculture in Russia
in the 17th Century** 118

- Balyunov I. V.
**Russian Villages of the 17th-19th Centuries
in the Surroundings of the Middle Age
Hillfort of Isker** 137

- Shevchenko M. N.
**On the Role of "Historical
Phenomenology" in the Russian
Historiography of the Late 20th —
Early 21st Century** 154

REVIEWS

- Marillaud P.
**My Experience of War. Childhood
in Occupied La Rochelle (end)** 168

- Belozerova N. N.
**Afterword of the Translator:
"Sense Deconstruction"** 250

Vol. 6. No. 4 (24)**LINGUISTICS**

- Andreeva Ia. Ye., Labunets N. V.
**Interlanguage Transformations
in the Translation from Russian
into Chinese of G. Sh. Yakhina's Novel
"Zuleikha Opens Her Eyes"** 6

- Belozerova N. N., Isakova A. A.
**Pragmatic Dominants
of the Regional Menu Text** 24

LITERATURE STUDIES

- Shipov S. O., Komarov S. A.
**The Image of a Lion
in the Nine Volumes of Fables
by I. A. Krylov** 48

- Barykin A. V.
**B. Pasternak's "My Sister — Life"
in Hermeneutic Reception** 63

HISTORY

- Bayazitova G. I., Korge L. Yu.
**The Preface to the Six Books
of the Commonwealth by Jean Bodin.
The Features of the German Translation
by Johann Oswaldt** 76

- Gogolev D. A., Makarova E. O.
**Memorialization of Objects
of Cultural Heritage
of Federal Significance in Tyumen** 91

Radey J., Sharp Ch., Brunova E. G. No Further — The Battle for Naro-Fominsk, 20-31 October and 1-3 December 1941	113
Litovchenko V. P., Zhivotova A. N. War-Influenced Biography of Tyumen Men of Letters, the Alumni and Faculty of the University of Tyumen	165
Skipina I. V., Nemkov A. N. Tyumen “Stalinkas” and Their Inhabitants in Soviet and Post-Soviet Everyday Life	181

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2021. Том 7. № 1 (25)

Редакторы	<i>Д. В. Петелина, Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>М. О. Сафонова</i>
Компьютерная верстка	<i>Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 09.04.2021
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
20,7 усл. печ. л., 16,52 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 114

Объединенная редакция научных журналов
«Вестник ТюмГУ»
625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, каб. 100
тел./факс 8 (3452) 59-74-32
vestnik-humanitatives-r@utmn.ru
Отпечатано в Издательстве ТюмГУ